

НА

Строгачом по реформам

БОЕВОМ ПОСТУ

Морская
стража
ЛАЭС

Новобранцы
идут «на войну»

ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК МВД РОССИИ

11'98

**Артиллеристы,
точней прицел!**

Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА

ВНУТРЕННИЕ ВОЙСКА ПРОТИВ БЕСПРИЗОРНОСТИ

Когда августовским вечером 91-го под свист и улюлюканье толпы стальная рука подъемного крана сняла с пьедестала «железного Феликса», мало кто из присутствующих на Лубянке в тот момент задался вопросом: за какие заслуги воздвигнут величественный монумент этому человеку в самом центре столицы? Неужто только за то, что олицетворял собой «меч и пламя» революции? Нет, не только идеологом и практиком красного террора вошел в историю Феликс Эдмундович. Были на его счету и другие, в том числе и добрые дела. Например, победа над детской беспризорностью, захлестнувшей страну в 20-е годы. Именно Дзержинский был назначен 27 января 1921 года на пост председателя детской комиссии ВЦИК. Факт, что при деятельном участии ЧК (позднее ГПУ), возглавляемой «железным Феликсом», с беспризорностью в Советской стране было покончено.

Подмечено, беспризорность — неперенный спутник социальных потрясений. Вот и сегодня на обочине дороги преобразований, по которой идет Россия, — миллионы безнадзорных мальчишек и девчонок. Это не преувеличение, по одним данным, в стране сегодня 2, по другим — 5 миллионов оставшихся без присмотра детей. Беспризорность приобрела столь угрожающие размеры, что

борьба с ней стала задачей, требующей первоочередного и неотложного решения. И как в двадцатые годы, на ликвидацию этого уродливого социального явления брошены все силы. Координационный совет при Президенте Российской Федерации по воспитательной работе в Вооруженных силах, других войсках, воинских формированиях и органах разработал комплексный план участия в государственной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Им, в частности, было предписано создание в силовых министерствах и ведомствах рабочих групп по работе с беспризорниками.

В Главном командовании внутренних войск МВД России 28 апреля этого года состоялся военный совет, который одобрил комплексный план участия войск в государственной системе профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних. Была создана специальная рабочая группа главка. Аналогичные рабочие группы образованы во всех округах, военно-образовательных учреждениях, частях непосредственного подчинения.

Со дня памятного военного совета прошел почти год. Срок достаточно большой, чтобы можно было спросить: что сделано в этом направлении?

Если вести речь о профилактике правонаруше-

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ

ний среди подростков, то нами сделано немало. В местах дислокации соединений, воинских частей, военно-образовательных учреждений организовано взаимодействие командования с органами государственной власти и местного самоуправления, органами внутренних дел, общественными объединениями граждан и воспитательными структурами Вооруженных сил. Представители внутренних войск на местах входят в состав 166 различных комитетов, комиссий, других органов по работе с молодежью.

Здесь стоит отметить два округа — Северо-Кавказский и Приволжский, Отдельную дивизию оперативного назначения (ОДОН). Дислоцированные там воинские части поддерживают тесный контакт с областными и городскими комитетами по делам молодежи, территориальными комиссиями по делам несовершеннолетних, попечительскими советами районных отделов народного образования. Большую работу по профилактике безнадзорности и правонарушений среди несовершеннолетних проводит воинская часть, где заместителем командира по работе с личным составом подполковник Владимир Гладченко. Офицеры работают в тесном контакте с Комитетом по делам молодежи при президенте Республики Башкортостан.

Во всех округах прошли благотворительные акции для детей, родители которых погибли при выполнении воинского долга. Войска взяли на себя проблемы их профессиональной ориентации — подготовили немало юношей к поступлению в военно-образовательные учреждения.

Детям-сиротам было выделено более 250 бесплатных путевок в войсковые санатории и дом отдыха.

В Северо-Западном округе внутренних войск местными властями детям погибших военнослужащих выплачивается ежемесячная пенсия в размере 100-150 рублей. Им выданы именные сертификаты, подтверждающие право на получение материальной помощи вплоть до совершеннолетия.

Стало доброй традицией приглашать детей-сирот, детей из неблагополучных и малообеспеченных семей на новогодние и рождественские праздники, на празднование Дня защитников Отечества, Дня внутренних войск, Дня Победы в клубы воинских частей, Дома офицеров.

29 детей-сирот стали воспитанниками воинских частей. 263 юношам войска оказали помощь в трудоустройстве. 52 человека поступили в военно-образовательные учреждения внутренних войск.

Список добрых дел воинов внутренних войск можно продолжить. Но все, о чем говорилось выше, увы,

не имеет почти никакого отношения к проблеме безнадзорных детей. Положа руку на сердце скажу: работать с беспризорниками мы еще не готовы.

Почему? У нас нет для этого нормативно-правовой базы. В одном из номеров "Новой газеты" была опубликована статья о командире бригады Московского военного округа ПВО полковнике Алексее Валове, приютившем в казармах двенадцать мальчишек-беспризорников. Преклоняюсь перед этим человеком и вижу, в каком непрестом положении он оказался. В любой момент к нему могут прийти ответственные товарищи, усмотреть в этом беспорядок и выгнать ребят на улицу или отправить в приют — в природе нет закона, разрешающего воспитание беспризорников военными. Единственный аргумент комбрига и его последователей в споре с ретивыми "правозащитниками" — приказ министра обороны о помощи безнадзорным детям.

Что же делать в этой непрестой ситуации? Прежде всего, если уж государство решило задействовать силовые министерства и ведомства в решении проблемы безнадзорности, необходимо постановление правительства, разрешающее создание в частях подразделений воспитанников. На основании этого документа следует разработать соответствующее положение, предусматривающее штат должностей для офицеров-воспитателей.

Детьми должны заниматься люди, имеющие представление о детской психологии и педагогике, а значит, потребуется переподготовка офицеров, которые будут работать воспитателями.

Важный момент — адресное финансирование участия внутренних войск в государственной системе профилактики безнадзорности и правонарушений среди подростков.

Бывших беспризорников надо не только кормить, одевать и обувать. У них должна быть крыша над головой. Реабилитационные центры для этих ребятшек можно создавать на базе подлежащих сокращению воинских частей.

О проблеме беспризорников не могу говорить спокойно. Сам детдомовец, знаю, какая это нелегкая доля — расти без отца, без матери. Я обеими руками за то, чтобы военные участвовали в решении этой большой проблемы. Они справятся с этой задачей, если им создадут хотя бы минимум условий для работы.

**Полковник
Александр ДЕНИСОВ,
начальник отдела управления
по работе с личным составом
ГКВВ МВД России**

УКАЗ ПРЕЗИДЕНТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

О некоторых мерах по реформированию внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации

В целях реализации Основ (концепции) государственной политики Российской Федерации по военному строительству на период до 2005 года постановляю:

1. Сократить численность внутренних войск Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее именуются внутренние войска) до 1 января 1999 г. на 54 тыс. единиц.

2. Возложить с 1 января 1999 г. функцию конвоирования осужденных и лиц, заключенных под стражу, на специальные подразделения уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации.

3. Правительству Российской Федерации:

определить порядок и условия выполнения учреждениями и органами уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации функции конвоирования осужденных и лиц, заключенных под стражу;

увеличить численность учреждений и органов уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации за счет передачи численности, установленной для воинских частей и подразделений внутренних войск по конвоированию осужденных и лиц, заключенных под стражу;

сохранить за военнослужащими внутренних войск, проходившими военную службу по контракту и перешедшими в учреждения и органы уголовно-исполнительной системы Министерства юстиции Российской Федерации на должности рядового и начальствующего состава, ранее получаемые должностные оклады на время их службы в этих должностях, если эти оклады были выше окладов по вновь занимаемым должностям, до очередного повышения (индексации) окладов по штатным должностям;

пересмотреть перечень важных государственных объектов Российской Федерации, подлежащих охране внутренними войсками, предусмотрев исключение из названного перечня объектов, утративших государственное

значение, а также некоторых объектов на железнодорожных коммуникациях, определить сроки и порядок снятия охраны с указанных объектов;

привести свои нормативные правовые акты в соответствие с настоящим Указом;

представить в 2-месячный срок предложения о внесении изменений и дополнений в нормативные правовые акты Президента Российской Федерации в связи с изданием настоящего Указа;

подготовить и внести в 3-месячный срок в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проект федерального закона "О внесении изменений и дополнений в Федеральный закон "О внутренних войсках Министерства внутренних дел Российской Федерации" и в Закон Российской Федерации "Об учреждениях и органах, исполняющих уголовные наказания в виде лишения свободы";

при разработке проекта федерального бюджета на 1999 год предусмотреть в средствах целевого бюджетного Фонда содействия военной реформе расходы, связанные с увольнением с военной службы военнослужащих внутренних войск.

4. Рекомендовать органам исполнительной власти субъектов Российской Федерации и органам местного самоуправления установить в пределах своих полномочий дополнительные льготы, гарантии и компенсации военнослужащим внутренних войск, увольняемым с военной службы в соответствии с настоящим Указом, и членам их семей.

5. Настоящий Указ вступает в силу со дня его подписания.

**Президент Российской Федерации
Б. ЕЛЬЦИН**

Москва, Кремль
17 сентября 1998 года
№ 1116

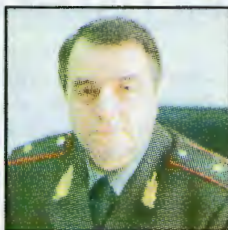
Содержание

НА ПОВЕСТКУ ДНЯ

А. ДЕНИСОВ

Внутренние войска против беспризорности 1

ИНТЕРВЬЮ НОМЕРА

М. РОХЛЕНКО

Пехота любит, когда пушки стреляют 6

Сегодня войсковая артиллерия обладает достаточным количеством сил и огневых средств для выполнения боевых задач, поставленных перед частями и соединениями.

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

Н. КАМШЕКИН

Парнем он был замечательным 15

Колонна бронетехники, в составе которой был рядовой Сергей Щетков, попала в засаду. Этот бой стал последним для Сергея. За проявленную отвагу он посмертно был награжден орденом Мужества.

Ночь эта показалась вечностью 10

Самое время в школе, где учился Олег Болдырев, создать уголок его имени. Пока жива память, пока наши сердца способны воспринимать и переживать чужую боль как свою собственную. Ради всех оставшихся в живых.

СЛУЖБА

Р. ВИНОГРАДОВ

Морская стража Ленинградской атомной . 18

За одиннадцать месяцев нынешнего года бдительными моряками было задержано более 20 плавсредств с нарушителями. В их числе иностранная скороходная яхта.

С. ОСИПЕНКО

Новобранцы идут «на войну» 22

Размышления офицера после посещения одного из сборных призывных пунктов

А. КУДРЯШОВ

Отрезвление через три года 26

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ВОЕННО-ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ЖУРНАЛ ВНУТРЕННИХ ВОЙСК

**НА
БОЕВОМ ПОСТУ**

№ 11 ♦ 1998

Издается с 1958 года

УЧРЕДИТЕЛЬ —

МВД России

ИЗДАТЕЛЬ —

Главное командование
внутренних войск

111250,

Москва, Е-250,

Красноказарменная улица, 9а

Адрес редакции:
107120, Москва, Б-120,
Сыромятнический
проезд, 8
Телефон для справок:
361-81-71

ВОЙСКА И ОБЩЕСТВО

А. ЯНКОВ, А. АНТОНОВ
«Белая смерть» в военной форме 29

Серьезный урон воинскому коллективу может нанести даже один невыявленный наркоман, который в течение года способен вовлечь в употребление наркотиков до 10 человек.

РЕТРОСПЕКТИВА

В. СЫСОЕВ
Мушавер шурави 32

Мы оказали действенную помощь в становлении органов и войск правопорядка ДРА, в подготовке национальных кадров, в обучении офицеров.

Ф. КОПТЕВ
Строгачом по реформам 38

О попытках реорганизовать войска правопорядка на рубеже 50-х — 60-х годов и о том, что из этого вышло, рассказывает ветеран внутренних войск Федор Григорьевич Коптев.

Ю. БРАТЮЩЕНКО
Чечня и чеченцы: 200 лет назад 42

ПРОЗА. ПОЭЗИЯ

А. МАКАРОВ
Прощай, капитан! (повесть) 46

Последний в строю капитан огляделся, зажмурился на солнце, подумал, что, судя по приметам, этот август в Грозном обещает быть горячим, а конца войне все не видно, и шагнул в черный проем за поплывшей вверх рампой...

В. ЛОСЕВ
Пока огонь еще струится (стихи) 71

КАЛЕЙДОСКОП

А. ИВАНОВ
Береги сердце смолоду 73
Шахматный клуб 77

Главный редактор
ЛУКИЕНКО Л.И.

Редакционная коллегия:

АРТЮХОВ Е.А.
ДОМОЖИРОВ В.К.
(зам. главного редактора)
ЕРМИЛОВ А.М.
(зам. главного редактора)
КАРЕВ А.Н.
(ответственный секретарь)
КАРПОВ Б.В.
КИСЛЫЙ Ю.П.
КУДРЯШОВ В.И.
МУЧАК И.Н.
СИМОНОВ А.В.
СЫСОЕВ Н.Г.
ШЕРЕМЕТА В.А.

Художественное оформление
КОПЫЛОВА Э.П.

Верстка

ГЕРАЩЕНКО В.П.
ПЕТРОВОЙ Л.А.

Корректоры

БОГДАНОВА Е.А.
ГАВРИЛОВА Е.Ю.

На 1-й странице обложки фото
А. АЛЕКСАНДРОВА

Журнал зарегистрирован в Министерстве печати и информации Российской Федерации
Регистр. № 01420
Имеет приложения:
газету «Ситуация»
и сборник учебно-методических материалов «Войсковой вестник»

За достоверность информации, точность фактов, цифр и цитат ответственность несут авторы
При перепечатке материалов ссылка на наш журнал обязательна

© Журнал
«На боевом посту», 1998
Сдано в набор 21.09.98 г.
Подписано к печати 2.11.1998 г. Формат бумаги 84x108 1/16.
Тираж 2800
Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4.
Уч.-изд. л. 13,6. Зак. № 1964.
Индекс
для индивидуальных подписчиков — 70610
для предприятий и организаций — 73175

Ордена «Знак Почета»
типография «Красная звезда»
123826, ГСП, Москва, Д-317,
Хорошевское шоссе, 38

В канун Дня ракетных войск и артиллерии наш корреспондент побеседовал с начальником артиллерии внутренних войск МВД России генерал-майором Михаилом РОХЛЕНКО.

ПЕХОТА ЛЮБИТ, КОГДА ПУШКИ СТРЕЛЯЮТ

— Михаил Семенович, несколько десятилетий назад за упоминание в своих мемуарах о входившем в состав дивизии им. Ф. Дзержинского артиллерийском дивизионе на одного генерала внутренних войск было наложено строгое дисциплинарное взыскание. Считалось, что внутренние войска имеют на вооружении только стрелковое оружие. Сегодня наравне с авиационными, морскими частями артиллерийские подразделения получили в войсках постоянную прописку. Расскажите, пожалуйста, как рождалась артиллерия в войсках правопорядка, как велика ее сегодняшняя мощь?

— Артиллерия внутренних войск прошла большой и славный боевой путь. Ее подразделения имеют богатые боевые традиции. Еще в 1918 году на вооружении батальонов войск ВЧК имелись легкие артиллерийские орудия на конной тяге, которые применялись в боях с различными контрреволюционными бандами. Это позволяло быстро и, самое главное, малой кровью одерживать победы над бандформированиями. Подобной тактики ведения боевых действий придерживались бойцы войск ГПУ и НКВД в конце двадцатых — начале тридцатых годов при ликвидации басмачества в Средней Азии.

Но несмотря на эффективность применения средств

огневого поражения, первый штатный артиллерийский дивизион, укомплектованный по армейскому принципу, появился только в дивизии им. Ф. Дзержинского. Это элитное соединение внутренних войск формировалось по принципу мотострелковой армейской дивизии и имело на вооружении не только стрелковое оружие, но и гаубицы, бронемашины, танки.

В сороковые, предвоенные годы развитию артиллерии в войсках НКВД уделялось большое внимание. В то время на внутренние войска были возложены не только задачи охраны особо важных объектов, но и задачи по территориальной обороне. Такой подход к делу полностью оправдал себя в годы Великой Отечественной войны, когда бы-

ли сформированы артиллерийские полки, которые успешно действовали в составе 239-й стрелковой дивизии 59-й армии и приказом Верховного Главнокомандующего от 21 января 1944 года получили почетное наименование "Новгородские". Артиллеристы-чекисты отважно сражались с немецко-фашистскими захватчиками под Москвой, на ленинградском, киевском направлениях, в Крыму, на Северном Кавказе и под Сталинградом. Особенно отличились артиллерийские батареи 6-го, 16-го, 28-го полков, входивших в состав 23-й дивизии войск НКВД, бойцы противотанковых батарей 10-й дивизии НКВД. За мужество и отвагу сотни красноармейцев и командиров были награждены высокими государственными наградами. Некоторые из них были удостоены звания Героя Советского Союза. После Великой Отечественной войны на вооружении у артиллеристов внутренних войск стояли 122-мм, 76-мм и 45-мм орудия.

В последующие годы, по мере сокращения численности войск артиллерийские подразделения либо расформировывались, либо видоизменялись. Пик ликвидации многих артподразделений пришелся на восьмидесятые годы. Тогда прекратили свое существование многие батареи и дивизионы, в том числе и прославленный Новгородский отдельный гаубичный дивизион ОМСДОНа. Большинство офице-

ров-артиллеристов уволились в запас, а те, кто остались, переквалифицировались в тыловики, кадровики, конвойники. Многие и сегодня продолжают службу в МВД. Среди них генерал-лейтенант Вячеслав Овчинников, окончивший в свое время артиллерийское училище и академию, не один год прослуживший в артдивизионе дивизии им.Ф.Дзержинского. В батареях и артдивизионах внутренних войск путевку в жизнь получили многие офицеры.

— В последние годы артиллерия войск переживает свое второе рождение. Ее роль в служебно-боевой деятельности внутренних войск заметно возросла. Но едва встав на ноги, артподразделения в свете последних президентских указов вновь подвергаются реформированию. Как отражаются эти мероприятия на укреплении боевой мощи и боевой готовности?

— Сегодня войсковая артиллерия обладает достаточным количеством сил и огневых средств для выполнения боевых задач, поставленных перед частями и соединениями. Конечно, возможности наших батарей и дивизионов нельзя сравнивать с боевой мощью коллег-армейцев, но артиллерийских средств вполне достаточно для огневой поддержки частей и подразделений оперативного назначения в районах боевых действий и во-

оруженных межнациональных конфликтов.

Реформирование и сокращение войск, безусловно, отражается на боевой готовности наших подразделений. Но в отличие от прошлых реформ сегодняшней этап реформирования проходит менее болезненно. Формирование артиллерийско-зенитных дивизионов идет с учетом объема служебно-боевых задач, стоящих перед внутренними войсками, а также целесообразности и необходимости присутствия артиллерийских подразделений в районах со сложной и взрывоопасной общественно-политической обстановкой. В основном это Северо-Кавказский регион.

В отличие от армейцев, у нас нет орудий крупных калибров, мощных реактивных систем залпового огня (РСЗО) и противоздушных комплексов. Все, чем мы располагаем сегодня, — это ограниченное количество орудий, минометное, зенитное и противотанковое вооружение, предназначенные для выполнения служебно-боевых задач соединениями и частями. В случае нападения извне по плану территориальной обороны у нас налажено четкое взаимодействие с артиллерией Вооруженных сил России.

— Товарищ генерал-майор, а насколько тесно такое взаимодействие? Способны ли артиллеристы внутренних войск составить дос-

Генерал-майор М. РОХЛЕНКО родился в 1947 году в семье фронтовика, офицера-артиллериста. Закончил Казанское высшее командно-инженерное артиллерийское училище и Военную артиллерийскую академию. За годы службы в Вооруженных силах прошел должности от командира взвода до заместителя начальника управления боевой подготовки ракетных войск и артиллерии Сухопутных войск. С 1995 года служит во внутренних войсках. Неоднократно выезжал в горячие точки, принимал активное участие в ликвидации последствий вооруженных конфликтов на территории бывшего Союза ССР и России.

тойную конкуренцию своим коллегам из Российской армии? Высок ли их профессионализм?

— Такое взаимодействие необходимо. Боевые действия в горячих точках, и особенно на территории Чеченской республики, показали, что во время крупных вооруженных конфликтов успех проведения специальных операций нашими частями и подразделениями во многом зависел от наличия собственной артиллерии, ее огневых возможностей. Без этого выполнять задачи по обезвреживанию незаконных вооруженных формирований, у которых были танки, БМП, орудия, минометы, с минимальными для войск потерями было практически невозможно. Когда не хватало своей артиллерии, нам на помощь приходили армейцы, придавая свои артподразделения оперативным частям наших войск. К сожалению, несогласованность совместных действий порой порождала определенные трудности в управлении огнем, терялось драгоценное время, что сказывалось на эффективности огневой поддержки. И все-таки, несмотря ни на что, успех любого крупного боя решали именно высокий профессионализм “богов войны”, их умелое и четкое управление огнем как войсковых артподразделений, так и приданных армейских.

Противник у наших артиллеристов был серьезный. Я хорошо знаю Аслана Масхадова, учился вместе с ним в одной военной академии. Он прекрасный специалист артиллерийского дела, умный, отлично подготовленный офицер. И надо отдать должное его умению организовывать систему огневой поддержки чеченских сепаратистов. В их распоряжении были мощные реактив-

ные системы и самоходные орудия, высокоэффективные средства противотанкового огня. Поэтому нам было очень сложно решать задачи по упреждению артобстрелов боевиков, сохранению жизни солдат и офицеров, мирного населения. Но мы их решали. И порой очень успешно.

Что касается конкуренции между нами и армейцами, то ее нет. Есть тесное боевое сотрудничество, обмен передовым опытом. В последнее время мы стали использовать нетрадиционные способы применения огневых средств, которые вызвали живой интерес у наших армейских друзей. Это ведение огня из СПГ-9 с закрытых позиций. Его ценность в том, что артиллерийский расчет, надежно укрытый от противника, имеет возможность маневрировать огнем и вести эффективную стрельбу как по движущейся бронетехнике, так и по живой силе.

Второй год в целях совершенствования ратного мастерства совместно с редакцией “Войскового вестника” проводим заочный конкурс на лучшее решение задач по стрельбе и управлению огнем артиллерии. Кроме того, с целью совершенствования профессиональной подготовки офицеров-артиллеристов проводим состязания по полевой выучке командиров дивизионов и батарей. В них участвуют многие офицеры артподразделений. Проводятся они поэтапно. Сначала в частях и соединениях, затем в округах, и потом лучшие офицеры демонстрируют свою ратную выучку на финальных состязаниях в Москве. И только тогда называем победителей года. Один из них командир батареи капитан В.Левичкий в этом году принимал участие во всеармейском кон-

курсе офицеров-артиллеристов и занял там шестое место. Это довольно высокий результат.

— Михаил Семенович, лозунг “кадры решают все” актуален до сих пор. Как решается кадровая проблема в вашем ведомстве?

— Основная масса артиллеристов в войсках — это бывшие армейцы. В связи с большим сокращением Вооруженных сил многие офицеры изъявили желание продолжить службу во внутренних войсках. Очень много офицеров пришло из артподразделений ВДВ, морской пехоты. Берем их с удовольствием. Умные, знающие свое дело специалисты. Комплектуем ими не только Главкомат, но и штабы соединений, частей, подразделений.

По решению главкома разработали трехсотчасовую учебную программу для взвода курсантов пятого курса факультета внутренних войск Санкт-Петербургского юридического института. К сожалению, не все из них соглашались служить в подразделениях нашего профиля. Идут только те, кто узнал и полюбил артиллерийское дело. Офицеры подразделений, проявившие склонность к специальности бомбардира, осваивают ее на курсах усовершенствования, которые действуют на факультете внутренних войск все того же Санкт-Петербургского юридического института. Время учебы на них от 1,5 до 2 месяцев. С 1999 года в войска будут направляться выпускники Коломенского высшего командно-инженерного артиллерийского училища и военной академии. В этих вузах они получают прочный запас знаний и дипломы электромехаников. Это поз-

волит им быстро и безболезненно освоить будущие должности.

Младших специалистов готовим непосредственно в войсках. Недавно с группой офицеров я вернулся из Северо-Кавказского округа. В течение трех недель на окружном полигоне удалось сформировать и обучить личный состав трех дивизионов новочеркасского соединения. Уникальный случай. Начали с нуля и за восемнадцать дней полевой жизни обучили солдат многим артиллерийским навыкам. На боевых стрельбах молодые орудийные и минометные расчеты показали неплохие результаты. Меня лично поразило, с каким желанием солдаты осваивают артиллерийские специальности. Не было ни одного случая проявления ими слабости, нарушения воинской дисциплины, за что так часто нас ругает пресса. Уверен, русский солдат непобедим. Могу с твердой убежденностью сказать, что перспективы у войсковой артиллерии есть, потому что их претворяют в жизнь передовые офицеры полковники А.Киреев, Д.Вишняков, С.Трушин, О.Нечукин, А.Палатенко, подполковник С.Турчин, майоры А.Щень, В.Кабисов, капитаны А.Блудвин, В.Лексиков.

— А как выживает войсковой “бог войны” в наше сложное и трудное время, в обстановке постоянного дефицита денежных средств? Какие проблемы являются самыми болезненными и трудноразрешимыми?

— Выживаем, как можем. Безденежье, конечно же, негативно сказывается на развитии артиллерийского дела. Имеющиеся на вооружении орудия и минометы нуждаются в срочной замене, потому что за десятилетия ин-

тенсивной эксплуатации эксплуатировали все сроки. Но купить новые не можем, нет средств. В округах на вооружении имеются орудия и минометы, выпущенные в 1943 году. Их давно пора списать в утиль, а мы из них стреляем боевыми снарядами и минами. Примеров нашего бедственного положения можно привести десятки. Мы ломаем голову, как исправить положение, а в это время армейцы разрезают и сдают на металлолом пушки и минометы, не отработавшие и половины срока. Передавать их нам безвозмездно отказываются, требуют оплаты. А где взять деньги в скудном бюджете войск? Это одна проблема. Вторая — дефицит боеприпасов. Мы считаем каждый снаряд или мину на боевых стрельбах.

Известно высказывание одного из родоначальников российской артиллерии В.Н.Шкляревича: “... Та армия, которая держит свою артиллерию в загоне и пренебрежении, сама накладывает на себя руки. За каждый грош, урезанный из бюджета этого рода оружия, ей придется платить лишними потоками крови своей пехоты на полях сражений”. Это было сказано в конце XIX века. То же самое отмечал, оценивая роль артиллерии в годы войны, и Маршал Советского Союза Г.К.Жуков: “Всякая недооценка артиллерии ведет к излишним жертвам и срыву задач”.

Хотелось бы, чтобы об этом помнили не только мы, но и те, от кого зависит наше материальное благополучие.

Артиллерия всегда считалась одним из самых любимых солдатами родов войск. После окончания Великой Отечественной войны на одной из научно-практических конференций в 1945 году другой наш прославленный полководец Константин Кон-

стантинович Рокоссовский сказал: “За годы войны артиллерия развратила пехоту — пехота стала наступать, держа оружие “за спину”. Это высокая оценка возможностей артиллерии и искусства артиллеристов. Думаю, что к этому нам надо стремиться, чтобы в будущем максимально сократить людские потери.

— Михаил Семенович, что бы вы пожелали своим подчиненным в канун вашего профессионального праздника, ведь 19 ноября ежегодно отмечается как День ракетных войск и артиллерии?

— В наше трудное и суровое время я хотел бы пожелать им стойкости. Но нестойких людей в артиллерии не бывает. Поэтому от всего сердца желаю солдатам и офицерам благополучия в жизни. Мотаясь по полигону, не бывая месяцами дома, не получая своевременно зарплаты, они достойно выполняют свой долг. Спасибо вам, боевые друзья, за это!

В этот день хочу поздравить всех воинов-артиллеристов Сухопутных войск и других силовых ведомств и пожелать, чтобы залпы артиллерии звучали только на парадах и полигонах.

— Спасибо за беседу и от имени редакции журнала примите, товарищ генерал-майор, самые теплые поздравления с вашим профессиональным праздником!

Беседу вел подполковник Николай КАМШЕКИН

Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА

По страницам Книги памяти

НОЧЬ ЭТА ПОКАЗАЛАСЬ ВЕЧНОСТЬЮ...

В день независимости России 12 июня 1996 г. мы хоронили Олега Болдырева, погибшего в Чечне. Сердца многих отцов и матерей, чьи сыновья тогда служили на Кавказе, защемило от боли: “Господи, спаси и сохрани, Господи, убереги сына моего...” И только Ольга Григорьевна Пылаева, мама Олега, после пережитого шока была как будто отрешенной от всего происходящего в ее доме. Знакомые и незнакомые люди толпились у подъезда в ожидании гроба с Олегом, а она то приходила в себя, чтобы проговорить с отчаянием: “Я лягу вместо него, пусть встанет, пусть живет мой сыночек”, то опять забывалась...

Почему именно ее Олежку суждено было погибнуть на этой войне? Разве мало он настрадался, оставшись без матери четы-

рех лет от роду (отец еще раньше ушел из семьи)? Когда умерла сестра, Ольга Григорьевна с Алексеем Трофимовичем забрали ее детей — Свету и Олежка — к себе. Казнила теперь себя: ну почему не настояла, не убедила Олега остаться служить в своей области? Была ведь такая возможность, только он твердо отказался: “Если вы что-то предпримете, я напишу рапорт и добровольцем уйду...” Почему не увезла домой, когда ездил к нему в часть накануне отправки в Чечню? Дом без сына осиротел. “Я это почувствовал еще раньше, — рассказывает Алексей Трофимович, — когда Олега забрали в армию. Как без рук без него остался. Была надежда, что он скоро вернется, и тогда мы столько дел с ним переделаем!.. Хотели баню построить на даче. Олег, когда в отпуск приходил,

просил: “Ты, пап, без меня не начинай строить...”

После этой беды затих, принял дом Пылаевых. У них своих два взрослых сына, у каждого семья, да Олежек со Светой — приемные. Все они ждали Олега из армии, откладывали даже детские вещички: вернется из армии, женится, а сейчас трудно что-либо новое купить. Мамину квартиру, мебель для него берегли...

Он был самым обыкновенным мальчишкой. Учился средне, хотя мог заниматься и получше, но в числе неуспевающих никогда не был. В классе отношения с ребятами были хорошие, умел шутить и понимать шутки. Был активным, добрым и отзывчивым, любил туристические походы.

После окончания ПТУ работал помощником машиниста экскава-

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

тора. Старшие товарищи по работе говорят, что он мог быть неплохим специалистом, уважаемым человеком.

В тот роковой день совсем другой БТР поехал на задание, с другим экипажем. А когда ребята утром проснулись — в палатке не было Олега: сам попросился на операцию. Уже на обратном пути машина подорвалась на mine. Из всего экипажа погиб только Олег...

Почему рвался в бой?.. Ребята, служившие с ним, говорят, что Олег очень часто решение проблем брал на себя, старался замечать, закрыть собой остальных. Может, поэтому, зная надежность солдата, командир и послал его на задание. Потом офицер долго не мог прийти в себя, плакал: Олега он любил как сына.

Забота о других сквозит буквально в каждом письме Олега домой. Он был оптимистом, любил родных, боялся им сделать больно даже случайной фразой.

“Здравствуйте, мои дорогие мама и папа. Когда по радиации сказали, что мне есть письма, то я чуть не расцеловал наводчика БТР от радости. А потом до часу ночи не ложился спать, ждал, когда мне их привезут. Когда от вас не было писем, в голову лезли всякие дурные мысли. Но теперь все позади. Сейчас у нас здесь обстановка стала поспокойнее. Я загорел, стал черным, как негр, температура здесь под 40 градусов. Вишней объедаемся и яблоками, а скоро грецкие орехи будем колупать. Если нас отсюда выведут в июле, то, наверное, приеду в отпуск: командир роты обещал... Мне Оксанка прислала крестик и цепочку. А вы, пожалуйста, пришлите чистый конвертик, а то как письмо писать, так целую операцию надо проводить по добыче конверта. Домой мне

страсть как охота, так я соскучился! Только теперь здесь начинаю понимать, как я раньше во многом был не прав. Вы уж меня извините, если можете...”

“Здравствуйте, мои дорогие мама и папа и все родные и близкие. У меня все хорошо и даже отлично. Вчера был тот самый день, которого я ждал целых шесть месяцев: мы вернулись из Чечни! Радость была неописуемая. Когда я зашел в свою казарму, она мне показалась такой уютной, такой родной! Когда мы проезжали какие-либо станции, некоторые женщины плакали, молодые девчата и пацаны махали руками. Я и Сергей ехали в охране, так нас совсем замучили: подходить к эшелону нельзя, а они несут кто арбузы, кто яблоки... А прогонять неудобно... 14 сентября 1995 г.”

После той командировки Олег приезжал в отпуск. Скрывал от матери, что был ранен. Все по дому помогал делать, даже полы в общем коридоре мыл. А по ночам, вспоминают родители, он очень сильно кричал. “Подойду, — рассказывает Ольга Григорьевна, — встану у двери, смотрю на него и не знаю, что делать. Затихнет — тогда иду в свою комнату. Не до сна уже, душа за него болит. А утром он чуть свет уже на ногах. Скажу: “Опять ты ночью кричал, сынок...” — “Бывает, мам”, — ответит как-то грустно и виновато”.

Кто знал тогда, что они больше никогда не увидят своего Олега. Христом Богом умоляла его Ольга Григорьевна остаться дома: такую страсть пережил, может, в Оренбурге оставят... “Ну что ты, мама, — следовал ответ. — Как я могу? Там ведь теперь других ребят из Чечни вывели, им тоже отпуск положен, а их не отпустят, пока мы не вернемся...” Так и уехал, гонимый солдатским долгом.

“Здравствуйте, дорогие мои мама, папа и бабушка Таня. Сообщаю вам, что у меня все хорошо и даже прекрасно. Мам, на этот раз я напишу всю правду, так, как она есть. Через неделю или две мы все опять должны ехать в Чечню. Если мы не поедем, то кто поедет? Молодые, которые еще ничего не знают и не умеют? Уж если мы сюда попали служить, то никуда от этого не денешься. Менять теперь что-либо поздно... Одно меня беспокоит, что ваше здоровье от этого убавляется и нервы. Мне же к Чечне не привыкать. Мам, я все хочу тебя спросить, кто тебе рассказал про мое ранение? Ты не беспокойся, осколки я из ноги уже вытащил сразу после отпуска, как мне посоветовала Света. Нога почти зажила, я даже иногда понемногу бегаю... 16 декабря 1995 г.”

“Здравствуйте, мои дорогие папа, мама и бабулька. Пишу вам из Грозного. До 5 января будем здесь, а потом обещают поставить на старые позиции под Бамут. Пока ехали сюда по горам, скалам, я все проклял и то, что поехал в Чечню. Перезимовал бы в казарме, а весной — домой. Одно здесь хорошо — время летит быстро. Живем в центре горного района, здесь когда-то была воинская часть, а теперь все разрушено. Здесь тепло, снега почти нет, трава зеленая. Сережа и Володя Галий тоже здесь, живем в одной палатке... Вы за меня не беспокойтесь, у меня все будет хорошо. 27 декабря 1995 г.”

“Здравствуйте, мои дорогие мама, папа и все, все родные и близкие. У меня, как всегда, все хорошо. Живем мы в Грозном, часто выезжаем на операции в разные поселки. Когда нас сюда вводили, чеченцы встречали нас

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

не очень вежливо. Живем в палатках. Не замерзаем... 11 января 1996 г."

"Здравствуй, мои дорогие папа, мама и бабулька! У меня все хорошо, даже прекрасно. Получил письмо от Олега (двоюродный брат. — Авт.). Я рад за него, что он не повторил моей ошибки и остался служить в области. Сергей с Володей сейчас живут в городе, охраняют комендатуру, а мы почти каждый день ездим на операции или охраняем колонны. Часто "шмонаем" города и поселки, ищем оружие и другие вещи, которыми нам угрожают. А угрожают даже маленькие дети, примерно как наши Алешка или даже Настя (племянники Олега. — Авт.).

По Грозному едем на БТР — они нам грозят кулаками или показывают разными жестами всякое. Только русские, которые здесь остались, нам рады.

Меня почему-то в последнее время замучила бессонница. Все спят, а я не могу. То по палатке лазаю, то альбом смотрю и мечтаю о чем-нибудь хорошем. Вообще-то, мне все надоело. Скорее бы домой! Осталось 156 дней... 19 января 1996 г."

Маме, чтобы ее лишний раз не расстраивать, не мог он всего написать. С девушкой своей он был более откровенным.

"Здравствуй, моя любимая... У меня все хорошо, даже лучше, чем я ожидал. Нога моя заживает. Мне после операции положен еще один отпуск, но я в него не поеду. Мы здесь с ребятами посоветовались и решили ехать в

командировку в Чечню. Если мы не поедем, то туда отправят молодых, а от них там останется самая малость, и на нас ляжет черное пятно. Мы будем во многом виноваты. Конечно, нас туда никто не посылает, не принуждает ехать. Но надо, понимаешь?

Я думал, что мы давно всеми забытые люди. Оказывается, нет. Про нас вспомнили и завтра, 29

Таким был Олег Болдырев — улыбчивым, солнечным

ноября, нас будут награждать крестами, вручать награды и поощрять за то, что сдавали на зеленые береты...

Смотрю твое фото и думаю, что зря я не послушался, когда предлагали остаться служить в Оренбурге: мы бы с тобой виделись каждый выходной..."

...Что пережили наши парни в Чечне, знают только они одни. Даже домой не обо всем писали.

Накапливая в душе совсем не детские переживания, они обрели себя на постоянную душевную боль. На их глазах гибли командиры и друзья, с которыми они делились последним куском хлеба, последней сигаретой или глотком воды. Они видели издевательства над ними и от этого еще больше замыкались в себе, давая клятву умершему другу отомстить за него.

Лишь однажды за все время Олег написал подруге:

"Вчера у нас опять были похороны. Хоронили ребят из 5-й роты. Когда их привезли в полк, мы как раз были в карауле, и нам пришлось их охранять одну ночь. Знаешь, какая жуть? Стоишь один ночью у ворот, за которыми машины с "цинком". Даже колени трясутся. Ночь эта показалась вечностью".

Последнее письмо родителям от Олега пришло в конце мая 1996 года.

"Здравствуй, мои дорогие, любимые мои мама, папа и все, все родные и близкие. Вчера впервые за три месяца приехала замена офицеров. Они привезли с собой письма для нас. А мне не было ни одного. Обидно, конечно. У меня все хорошо. Служба идет отлично. Воюем понемножку: Ведено взяли,

Шали — тоже. Скоро будем брать Ачхой-Мартан, Самашки, Бамут. Сегодня после операции побывали на том месте, где мы во время прошлого выезда были неделю в окружении. Даже постоял в окопе, который сам тогда копал... Увольнять нас, кажется, и не собираются, даже не слышно ничего. Со здоровьем у меня все в полном порядке. Недавно видел сон, помню его смутно: во время

боя в селе с боевиками встретил свою девушку, поругались с ней... Потом все вы, Володя, Валера, Света, гуляли на свадьбе. Только не помню, на чьей... 18 мая 1996 г."

А в первых числах июня пришла страшная весть в родительский дом... Накануне, в понедельник, Ольга Григорьевна пошла на огород и все время смотрела на дорогу: чувствовало сердце, что Олежек должен прийти. Торопилась все быстренько сделать и вернуться домой: вдруг сын уже ждет ее там?! А во вторник пошла гулять с внуками на улицу. Вышла, подняла голову и обомлела: к ней подходили двое военных: "Где здесь квартира 47?" — "А что такое?" И больше ничего не помнит. Как внуков домой привела, что было потом...

Года два тому назад Ольге Григорьевне начал сниться как будто один и тот же сон: уходит она из дома в сапогах или галошах, а возвращается босиком. Тогда думалось: Олегу в армию идти — вот и снится... Теперь, когда сына не стало, она иначе трактует те сны.

В феврале 1995 года, когда ребята всего два месяца прослужили, прибежала соседка: звонил ее племянник, который служил в штабе в Казачьих Лагерях, он просил предупредить родителей о том, что сыновей отправляют в Чечню... Всех родителей тогда обежала Ольга Григорьевна, ехать собрались вчетвером: она, мамы Гаврилова, Масленникова и Сальникова. Нагрузили сумки продуктами — и в путь.

По дороге в автобусе к ним подошла женщина: "Давайте я вам погадаю по руке". Одной мамаше она нагадала, что та очень сильно влюбится, а Ольге Григорьевне —

в скором времени у нее будут сразу два гроба очень близких людей, а саму ее ожидает инфаркт... Тогда не до предсказаний гадалки было: сердце к сыну рвалось, успеть бы. Может, сумеют отговорить ребят, заберут домой. Эта мысль так и сидела в голове у матери — под любым предлогом увезти Олега. Но там она наткнулась на откровенное сопротивление сына: "Ну что ты, мама, мне здесь хорошо, мы, тюльганские, все вместе служим, нас никто не обижает. Да и не посылают нас никуда. Не переживай..."

Успокоенные мамыши уехали домой, а через некоторое время

здесь живет?" Я буквально закричала в ответ: "Вы кто? Что вам надо? Вы из военкомата пришли, да?" Когда поняла, что это страховый агент, стыдно стало. Пригласила женщину в квартиру".

Все эти долгие полтора года день начинался и заканчивался для Ольги Григорьевны молитвой: "Господи, сбереги мне Олежека, огради его от беды, Господи, услышь меня..." Три раза в церковь ездила, свечки за здоровье сына ставила...

В этой семье всех детей воспитывали строго, особо не баловали, а потому к жизни все они были готовы. Родители богатыми никогда не были, но трудились добросовестно и, когда средств не хватало, подрабатывали, лук выращивали. Покупали все только самое необходимое. Все четверо были маминими помощниками: и полы перемоют, и пропылесосят, и в доме приберутся, и на огороде порядок.

В семье Олега любили все: солнечный вес, душа открытая, последнее отдаст, но поможет. На всех фотографиях — улыбается, весь светится изнутри. Солнышко — да и только. Здоровый, высокий, глаз не оторвать, румянец во всю щеку.

Вспомнилось, как терзал себя старший прапорщик райвоенкомата В.А.Коржов: "Как я пойду в дом Пылаевых? Мне стыдно смотреть тете Оле в глаза за то, что погиб ее сын!".

Действительно, больно смотреть в глаза этой женщине. Пусть официально не мать она Олегу, а тетя (я еще вернусь к этой теме), но она вырастила его практически с пеленок. Стыдно потому, что мы ничего не сделали, не воспрпятствовали беспределу, который творится в стране, не оградили

Дома, с племянницами...

их сыновей отправили в Чечню. На полгода.

Жизнь для Ольги Григорьевны тогда остановилась. Сплошной клубок нервов, да еще и здоровье никудышное. "Однажды, — вспоминает Ольга Григорьевна, — звонок в дверь. Открываю — стоит женщина: "Олег Болдырев

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

мальчишек от беды, которую они до сих пор переживают трудно, пугая своих родителей. Стыдно, что там, в Чечне, погиб цвет нашей нации — молодые, здоровые ребята. Мы же до сих пор даже не сказали вслух, кто же поставлял оружие в Чечню, кто позволил безнаказанно убивать наших сыновей. Кого попало ведь в те войска не брали, зеленые или краповые береты просто так им не давали...

Недавно наши правители тихононько так с экрана заявили, что ввод войск в Чечню был ошибкой. Не дорого ли она обошлась нам? Афганистан был ошибкой, но не стал уроком. Чечня — тоже. И долго еще чеченская война будет отдаваться болью, стучать в висках поседевших родителей, потерявших там своих сыновей, а вечно молодые сыновья будут смотреть своими лучистыми глазами на измученных родителей. Есть ли на свете мука невыносимее?..

Здесь, в Тюльгане, к горю семьи все отнеслись с пониманием, помогли материально. Приходили глава района и его заместители, работники райвоенкомата, заместитель главы администрации области, средства выделили, как семье погибшего, дали квартиру... Очень удивилась после Ольга Григорьевна, когда убирала с могилы сына увядшие цветы и венки: ленточки с надписями сохранились — от кого там только не было венков. Тогда, на похоронах, не до чтения было, не видела никого, не понимала ничего, обезумев от горя. Теперь спасибо всем добрым людям говорит.

А проблемы появились сразу после гибели Олега. В свое время супруги Пылаевы оформили на приемных детей только опеку, содержали их сами. Теперь же встал вопрос о льготах для родителей. Супругам Пылаевым они не полагаются. Ими по закону будет

пользоваться родной отец Олега, который за всю жизнь всего-то раза два-три и видел сына. Разве это справедливо?

Дело в принципе не только в деньгах, а в справедливости. Ольга Григорьевна получает свою пенсию 250 рублей, а здоровья нет, все средства уходят на лекарства. Алексей Трофимович работал в РСУ, где уже несколько месяцев не платили зарплату, теперь он тоже вышел на пенсию. И вот они, вырастившие детей, не заслужили того, чтобы к ним был применен закон о льготах. Возможно, что таких семей у нас в России — единицы. Но они есть, их проблемы требуют решения.

Другие получают уже положенные им деньги. Родители Олега до сих пор не могут даже страховку получить за погибшего сына.

Старенькая бабушка Олега живет в Рудном. Все переживает: что же так долго Олег не возвращается из армии? Другой внук в Ясном служит, в отпуск приезжал... Разрывается сердце у Ольги Григорьевны, а при матери прячет свою боль: "Мам, Олежек на сверхсрочную остался. Может, скоро в отпуск придет..." Уж сколько месяцев прошло, а бабушка так и не знает, что ее внук погиб. "И не скажу, наверное, — вздыхает Ольга Григорьевна. — Язык не поворачивается. Болеет она сильно. Совсем убью ее такой вестью. Да и как скажу, что не уберегла Олежека?" Святая ложь... какой ценой она дается матери?!

В декабре отмечали полгода со дня гибели Олега. Приходили все ребята, которые служили с ним, приезжали их родители: Гавриловы, Опарины, Сальниковы, Масленниковы, Бочаровы, Галий... Тогда-то матери и напомнили Ольге Григорьевне о гадании в автобусе: едва сороковины спра-

вила она по умершей родственнице, как пришло известие о гибели Олега. Вот и думай теперь, верить или не верить гадалкам.

Молчали парни. Переживают и боль утраты друга, и боль от увиденного там. Скоро ли зарубцуются их раны? Скоро ли узнаем, что же было там, в Чечне, на самом деле? И узнаем ли вообще? Может, будут наши "чеченцы" водкой заливать боль, как в свое время "афганцы", и лишь в день памяти давать волю чувствам...

...А дома, на шифоньере, в спальне Олега так и лежит нераскрытый «дипломат» с его вещами, который привезли ребята. Не хватает силы у Ольги Григорьевны и Алексея Трофимовича заглянуть в него. Боятся. А на шкафу — кругом фотографии Олега: довольное, улыбающееся лицо. Может быть, эта улыбка поможет Ольге Григорьевне и Алексею Трофимовичу пересилить боль, вернет их к жизни. Жить-то надо.

Журналисты внутренних войск готовят Книгу памяти. Думаю, что самое время и у нас в школе создать уголок Олега Болдырева. Пока жива память, пока наши сердца способны воспринимать и переживать чужую боль как свою собственную. Нам надо это сделать не только для того, чтобы в памяти нашей остался жив Олег. Ради всех оставшихся в живых. Ради их родителей.

М.Т.

Фото
из семейного альбома

От редакции. Этот материал, присланный из Оренбургской области для Книги памяти, не был подписан автором. Тем не менее редакция выражает ему искреннюю благодарность.

По страницам Книги памяти

ПАРНЕМ ОН БЫЛ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫМ

Держа в руках фотографию внука, Антонина Михайловна Дудевич сказала:
«Серезенька был добрым, ласковым мальчиком. Любил жизнь и родителей. Никогда не расстраивал их. Этим летом ему исполнилось бы двадцать два...»
Рядовой Сергей Щетков в людской памяти навсегда остался девятнадцатилетним. 20 декабря 1995 года под Гудермесом осколок от разорвавшейся рядом мины попал ему в правый висок — аккуратно возле уха. Смертельно раненный, он умер в аэропорту разрушенного Грозного, когда его вносили на борт самолета для отправки в госпиталь.

* * *

«Здравствуйте, мои дорогие!» С этих нежных слов начиналось каждое письмо Сергея. Домой он писал нечасто, поэтому его весточки из солнечного Нальчика бабушка, родители и младший братишка Димка всегда ждали с нетерпением.

Свое первое солдатское письмо Сергей прислал в начале декабря 94-го. Короткое, всего на одном тетрад-

ном листочке, бодрое и полное оптимизма:

«У меня все отлично. Присяга будет одиннадцатого. Но не знаю, точно это или нет. Приезжайте. Доехать до нашей части можно с вокзала на автобусе. Они начинают ходить рано. Билеты на поезд от Ростова недорогие. КМБ идет нормально. К новым условиям жизни потихоньку адаптировался. Единственная проблема — скучаю по вас...» — писал он родным из столицы Кабардино-Балкарии.

На просьбу сына родители откликнулись. До военного городка добрались благополучно. Поезда в то время ходили регулярно и без опозданий, а цены на билеты были вполне доступными. Сергей очень обрадовался встрече с папой и мамой. После торжественного мероприятия командир бригады на целый день отпустил молодых бойцов к родителям. Щетковы-старшие провели его вместе с сыном. Гуляя по нешироким, усыпанным листвой и почти безлюдным улочкам военного городка, благо зима еще не укутала окрестности своим белым покрывалом, любовались суровой красотой кавказских гор и слушали Сергея, увлеченно рассказывавшего о друзьях, с которыми познакомился в учебке, подразделении, где предстояло нести дальнейшую службу.

— А почему так мало людей в городке? — спросила у Сергея мама. — Ведь сегодня праздник.

— Не знаю, — ответил он. — Я ведь первый раз в увольнении. Наверное, по домам сидят, торжества же закончились.

Щетков-младший знал, что основной состав нальчикской БРОН в эти дни был сосредоточен в Ингушетии на одном из приграничных с мятежной Чечней направлений и ждал команды на

ввод федеральных сил на ее территорию. В пустующих зимних квартирах остались хозобслуга да молодежь последнего призыва. Но говорить об этом родителям не стал, чтобы не расстраивать их.

— Мы с мужем тогда и представить себе не могли, что эта встреча с сыном будет последней встречей перед кавказской войной, — вспоминает Серезина мама. — О начале боевых действий в Чечне узнали уже в Ростове. Приехали с вокзала домой, вечером включили телевизор, а там сгоревшие машины показывают, подбитые танки, убитых солдат. Вот тогда и поселилась в душе тревога за Серезу.

В семье Щетковых он был старшим. Сергей родился 11 июля 1976 года, спустя три года на свет появился его младший брат Дима. Щетковы жили тогда на Севере, в небольшом селе Иевлево Яковского района Тюменской области. В 1980 году семья переехала в Ростов-на-Дону, где жила бабушка Антонина Михайловна Дудевич. Она и растила братьев, хотя кроме Серези и Димы у нее было еще пять внуков и одна внучка.

Сергей рос добрым и ласковым мальчиком.

— Очень любил музыку и стихи, — рассказывает его мама Надежда Иосифовна, — в детском садике, куда мы отвели его трехлетним малышом, он всегда с удовольствием участвовал в утренниках, увлеченно читал стихи, хорошо пел песни.

Первоклассником Сереза стал в 1983 году. Родители записали его в школу, что стояла напротив детсада. Тогда она была единственной на Содружестве — в большом и быстро строящемся микрорайоне Ростова.

В этой школе Сереза проучился восемь лет, хотя, когда родители получи-

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

ли новую квартиру, у него была возможность перевестись в другую, менее загруженную и построенную недалеко от дома. Но Сергей так привык к друзьям-одноклассникам, что решил остаться в родной школе. Обжился он в ней основательно, посещал многие спортивные секции, увлекался борьбой, велосипедным спортом. Учился

когда не просил. Стеснялся. Да и что мы с мужем могли ему дать? Я всю жизнь медсестрой проработала, отец целый день на стройке. Работали как волы, а зарабатывали гроши. Серезины деньги, пускай и небольшие, были очень кстати.

— Серезенька очень любил сладкое, — вспоминает его бабушка Антонина

что способен во взрослой жизни» — так он объяснил свое решение друзьям и родителям. Может быть, и поверила б его словам мама, если бы не заметила на проводах грусть в сыновних глазах. Уже потом от его друзей Надежда Иосифовна узнала, что Сергей пошел на службу, желая доказать свою самостоятельность одной давно уже небезразличной ему девушке. К сожалению, благородный поступок юноши любимая не оценила. Разрыв с ней Сергей пережил болезненно, но молча. Может быть, поэтому и стал превыше всего ценить в людях преданность и верность.

Первый раз рядовой Сергей Щетков выехал в район боевых действий в мае 95-го. Мотострелки сменили сослуживцев, которые воевали с декабря минувшего года. И хотя командир бригады полковник Сергей Швецов старался беречь людей, зря подчиненными не рисковал, потери в подразделениях были. Особенно во время январских и февральских боев за Грозный. Сергей и товарищи с тревогой следили за сообщениями из района боевых действий, часто посещали бригадный госпиталь, где лежали раненые сослуживцы. Многие из них, не залечив полученные раны, просились снова в Чечню, мстить за погибших друзей.

Бойцов катастрофически не хватало, но неопытных, слабо владеющих оружием воинов в район боевых действий не брали. Таков был приказ. Поэтому их горячее желание добровольно поехать в Чечню комбриг оставлял без внимания. И только в мае, когда у измотанных в боях, смертельно уставших воинов бригады не осталось сил, в Грозный поехала замена. Среди личного состава первой мотострелковой роты был и рядовой Сергей Щетков. На сей раз его просьба была удовлетворена.

Два месяца пробыл он в освобожденном от боевиков Грозном. Нес боевую службу, участвовал в боевых операциях, недосыпал, делился своим пайком с товарищами. Не ныл и не скулил, когда было страшно. А такое случалось. Особенно во время ожесточенных ночных перестрелок, которые устраивали боевики. В общем, добросовестно и честно отпахал Сергей отведенный ему срок службы в беспокойном городе Грозном и его окрестностях.

Из своей первой чеченской коман-

Безоблачное детство

неплохо. И хотя круглым отличником не был, оценки получал хорошие, поэтому после восьмого класса без особого труда поступил в ростовский железнодорожный техникум.

В свободное от учебы время Сергей стал подрабатывать, чтобы не сидеть на шее у родителей, которые трудились с утра и до вечера. Высокий и сильный (слава Богу, здоровьем природа его не обделила), Сергей работал грузчиком, мойщиком машин, продавцом на лотке. Деньги, которые он приносил в дом, были совсем не лишними.

— На кино и карманные расходы ни-

Михайловна. — Прибежит ко мне с братишкой и просит: «Бабуля, угости чем-нибудь вкусеньким. Очень любил пирожки, булочки, ватрушки с повидлом. И даже став взрослым, остался сладкоежкой.

Весной 94-го Сергей успешно закончил техникум, а осенью он получил повестку из военкомата. У него была возможность получить отсрочку от призыва, но Сергей отказался от нее. «Хочу проверить себя. На

НАЗОВЕМ ПОИМЕННО

дивовки Сергей вернулся в Нальчик 11 июля 95-го, в день своего рождения. В роте его ждала посылка из дома с любимыми сладостями и длинное письмо от бабушки. Домашние гостинцы съели вечером за ужином, после чеченских «разносолов» они показались необычайно вкусными, а потом по возвращении в казарму Сергей сел за ответное письмо домой. Оно получилось таким же коротким, как и предыдущие.

«Здравствуйте, мои дорогие! Большой и огромный привет вам с солнечного Кавказа. Спасибо за посылочку. Все было очень вкусно. У меня все нормально. Так что можете не волноваться. Жив и здоров. Погода стоит солнечная. В Ростове, наверное, такая же. Как здоровье бабушки, деда, ваше с папой, т.Зои и Дмитрия? Берегите себя».

О том, что он только что вернулся из Чечни, Сергей не написал ни слова. Не хотел расстраивать близких.

А домашние уже давно знали о его чеченских буднях. Пока он был в Грозном, родители неоднократно звонили в часть по телефону, спрашивали о его здоровье. А когда получили от сына письмо, вновь приехали в знакомый уже городок. Опять гуляли по улицам, любовались местными красотами.

Несколько дней пролетели как одно мгновение. Командир отпустил Сергея проводить родителей. Когда они селись в вагон, Надежда Иосифовна вновь заметила в сыновних глазах грусть. Материнское сердце подсказало, кого хотел увидеть Сергей рядом с родителями. А она специально молчала, чтобы не делать сыну больно.

— Если сможете, приезжайте еще. Буду очень ждать! — крикнул он родителям на прощание.

Причина для следующей поездки Щетковых к сыну была серьезной. В конце октября он неожиданно почувствовал себя плохо. Боли в животе, мучившие его несколько дней, стали просто невыносимыми. Сам дойти до госпиталя Сергей уже не смог, его доставили туда товарищи. 30 октября ему сделали операцию по поводу аппендицита, осложненного перитонитом. Она прошла успешно. Ухаживать за внуком приехала бабушка. Молодой и здоровый организм Сергея быстро справился с недугом. Успокоенная бабушка уехала домой, увозя с собой очередное письмо внука.

«Здравствуйте, мои дорогие! У меня

все нормально. Рана после операции заживает хорошо. Я освобожден от всех нагрузок и нарядов, так что можете не волноваться. Погода у нас стоит солнечная, выпавший снег растаял.

Нас обрадовали, сказали, что служить будем 1,5 года. Те, кто были в Че-

и милиции. 20 декабря колонна бронетехники, в составе которой был рядовой Сергей Щетков, спешила на помощь осажденным, но сама попала в засаду. Этот бой стал последним для Сергея. За мужество и отвагу он посмертно был награжден орденом Мужества.

Расстрелянная юность

«Черный тюльпан» доставил гроб с телом Сергея в Ростов 21 декабря. Прибывшие на похороны сослуживцы отдали роди-

телям осколок, оборвавший жизнь Сергея. Он и сегодня лежит в кармане его камуфляжа. Щетковы-старшие похоронили погибшего сына в гражданском костюме, оставив себе на память его солдатскую форму.

телям осколок, оборвавший жизнь Сергея. Он и сегодня лежит в кармане его камуфляжа. Щетковы-старшие похоронили погибшего сына в гражданском костюме, оставив себе на память его солдатскую форму.

Сергей Щетков заснул вечным сном на Северном городском кладбище. На нем же покоятся его земляки, тоже сложившие голову в чеченских сражениях. Добрые, чуткие, ранимые, нравственно чистые парни Рома Маслюк, Миша Пасталлатий и десятки других ребят, не вернувшихся домой.

**Подполковник
Николай КАМШЕКИН**

Ростов-на-Дону — Москва

Рассказываем впервые

МОРСКАЯ СТРАЖА ЛЕНИНГРАДСКОЙ АТОМНОЙ

Поздней осенью Финский залив редко бывает спокойным. Холодные волны, набегая друг на друга, пенятся, оставляя на поверхности свои белые хлопья. Изумрудный и спокойный во время летнего штиля, теперь залив кажется рано поседевшим и сердитым. Промозглый ветер, разгулявшись на морском просторе, обрушивается на небольшой катер, идущий вдоль пустынного берега, с которого хорошо видны высокие трубы Ленинградской АЭС. Здесь и несут службу моряки отдельного взвода катеров, которым командует старший мичман Анатолий Бабашкин.

Это необычное подразделение было сформировано около трех лет назад. Боевая задача — охрана атомной электростанции со стороны Финского залива. С этой целью морские стражники, находясь на вахтенном дежурстве, осуществляют наблюдение за акваторией АЭС и в случае появления плавсредств, не имеющих

права находиться в запретной зоне, задерживают их.

За одиннадцать месяцев нынешнего года бдительными моряками было задержано более 20 плавсредств с нарушителями. В их числе — иностранная скоростная яхта.

Убили двух зайцев

В тот раз взвод отрабатывал учебный вопрос "Слаженность экипажей катеров для совместных действий в ночное время". Войдя в заданный квадрат, моряки-взвэшники увидели, что кроме них в запретной зоне находится еще одно судно. Вскоре выяснилась и национальная принадлежность нарушителя. Курсом на ЛАЭС шла яхта под флагом Финляндии. Находившийся на катере старшины 2-й статьи Александра Цуканова мичман Владимир Винник, который первым заметил нарушите-

ля, приказал подать условные звуковые сигналы. Однако в ответ на требования моряков остановиться яхта сменила курс и попыталась уйти. О непрошеном госте было немедленно сообщено по радиосвязи командованию. Приказ пришел незамедлительно — задержать иностранного пришельца. На перехват пошел катер главного старшины Ивана Овсянникова. Руководил действиями личного состава мичман Виктор Федорищев. Приблизившись к яхте, он приказал выпустить несколько сигнальных ракет и по громкоговорящей связи предупредил нарушителей: если не застопорят двигатель, будет применено оружие. Властный и уверенный голос Виктора подействовал на ночных гостей. Судно остановилось и легло в дрейф. Пришвартовавшись к борту нарушителя, моряки дождались прибытия следственной группы ФСБ и сдали финнов ее сотрудникам. Так моряки убили

сразу двух зайцев: и занятия провели, и нарушителя задержали. Случай исключительный.

Нам экипаж — семья

По сравнению с прошлым годом эффективность службы отдельного взвода катеров возросла почти в два раза. Успехи стали возможными благодаря здоровой атмосфере, которая сложилась в подразделении. Здесь все гордятся своей принадлежностью к морским силам внутренних войск и, выполняя боевые и учебные задачи, стараются не ударить в грязь лицом.

По словам командира части подполковника Виталия Замятина, взвод старшего мичмана Анатолия Бабашкина занимает лидирующие позиции в воинском коллективе. Моряки постоянно работают над улучшением профессионального мастерства, совершенствуют качество обслуживания и эксплуатации техники. Не случайно на итоговой проверке подразделение получило высокую оценку.

Начальник службы катеров старший лейтенант Евгений Александров, знакомя меня с личным составом, прежде всего отметил, что взвод укомплектован людьми, влюбленными в море и свою профессию. И все как один равняются на командира. Старший мичман Анатолий Бабашкин уже почти тридцать лет на флоте. Судьба распорядилась так, что, призванный на Черноморский флот в 1968 году, Анатолий Васильевич раз и навсегда избрал для себя службу военного моряка. Срочную закончил старшиной 1-й статьи в должности командира отделения мотористов на морском тральщике. Затем поступил в Севастополь-

ский институт мичманов и прапорщиков. После, уже в звании мичмана, продолжил службу в Феодосии старшим помощником командира отделения мотористов.

В 1987 году Анатолий Васильевич решил связать свою дальнейшую судьбу с внутренними войсками. Его новым местом службы стал Северобайкальск. В дивизионе сторожевых катеров по охране мостов на БАМе был командиром взвода, затем стал старшим техником по ремонту дизельных и карбюраторных двигателей. Специфику морской службы во внутренних войсках освоил основательно, стал настоящим профессионалом. Поэтому не случайно в 1996 году именно ему предложили должность командира отдельного взвода катеров по охране Ленинградской атомной электростанции. За добросовестное отношение к делу Анатолий Васильевич награжден знаком "За отличие в службе" I и II степени.

Немало добрых слов прозвучало из уст офицера и в адрес командира катера мичмана Виктора Федорищева. Именно на его плечи легла основная тяжесть по организации службы катеров. В том, что сегодня она организована в строгом соответствии с уставными требованиями, а подразделение моряков считается лучшим в части, огромная заслуга Виктора. Его по праву называют правофланговым взвода. Срочную Федорищев служил на подводной лодке, затем окончил школу старших морских техников. Обучил важной морской специальности не один десяток подчиненных. Поэтому моряки относятся к своему командиру с большим уважением. Для многих из них он не только строгий и заботливый начальник,

но и хороший учитель, готовый всегда прийти на помощь.

А вот техник по ремонту двигателей мичман Алексей Золотов, хотя и не служил раньше на флоте, за довольно непродолжительное время во взводе сумел расположить к себе и завоевать доверие старых морских волков. С их помощью стал одним из лучших специалистов в подразделении. Мастер "золотые руки" — так теперь о нем отзываются сослуживцы. И в этом нет преувеличения. До призыва во внутренние войска Алексей овладел многими специальностями: в Ленинградском торговом порту работал докером-механизатором, затем стал первоклассным токарем, освоил профессию фрезеровщика. Вот почему техобслуживание катеров и другие регламентные работы под его руководством проводятся своевременно и качественно.

Хорошим специалистом считается и командир катера старшина 2-й статьи Александр Цуканов, хотя во взводе он служит всего год. Александр учился в Санкт-Петербургском лицее флота на штурмана-механика, был в самостоятельных навигациях, ходил на сухогрузах и танкерах мотористом и штурманом-механиком по Финскому заливу, Неве и Лене. Словом, опыта ему не занимать. А опыт у моряков в большой цене. Без него трудно завоевать командирский авторитет. Так считает старший мичман Анатолий Бабашкин, много сделавший для успешного становления Цуканова во внутренних войсках. Командир другого катера старшина 2-й статьи Андрей Лапин тоже выпускник Санкт-Петербургского лицея флота. Как и Александр Цуканов, успел походить в самостоятельных навигациях. Сегодня младший командир характеризу-

ется как дисциплинированный, бдительный, хорошо знающий свою специальность военнослужащий. Под стать ему и старший матрос Алексей Башкатов. Среди сослуживцев он отличается редким трудолюбием и дисциплинированностью. По заслугам и честь. За усердие в службе Алексей удостоен благодарности командующего округом.

— Положа руку на сердце каждому из своих подчиненных могу адресовать немало добрых слов, — сказал старший мичман Анатолий Бабашкин. — Ведь передовые позиции, которых достиг наш взвод, — это результат совместных усилий. И каждый военнослужащий своей добросовестностью, профессио-

На вахте морской

нализмом внес достойный вклад в общее дело.

В морской страже проблем хватает

Говоря о служебно-боевой деятельности взвода, его командир не забыл упомянуть и о проблемах. Самая большая — отсутствие причалов и аккумуляторных батарей. Тревогу забили еще в прошлом году, и за это время удалось кое-что изменить к лучшему. Потребности в аккумуляторах моряки сегодня уже не испытывают, но причалы до сих пор не построены, поэтому катера по сей день швартуются друг к другу. А это сказывается на слаженности действий, оборачивается потерей времени при выходе в море. Есть еще одна немаловажная проблема — отсутствие ангара для ремонта и хранения техники в период между навигациями. В остальном же все более-менее нормально: горюче-смазочных материалов пока хватает, катера сравнительно новые и не подводят своих хозяев.

* * *

Скоро Финский залив покроется льдом. Из-за отсутствия крыши над головой катерам придется зимовать под открытым небом. Они сиротливо будут стоять долгие месяцы и вместе со своими заботливыми хозяевами ждать весны, чтобы затем на всех парах выйти в море на охрану мирной станции, дающей свет и тепло огромному региону.

**Капитан
Роман ВИНОГРАДОВ**

Фото Игоря АКИМОВА

Северо-Западный округ
внутренних войск

Лицом к проблеме

ГОТОВИТЬ МОЛОДЕЖЬ К АРМИИ НАДО ЕЩЕ ДО ПРИЗЫВА

Обсуждаем
статью
генерал-майора
П.Лысикова
"Другого не
дано, или
Как изжить не-
уставщину"*

Мне интересно читать журнал "На боевом посту" — и про войну в Чечне, и про мирную солдатскую службу. А когда прочитал статью генерал-майора П.Лысикова "Как изжить неуставщину?", решил в ответ написать в редакцию письмо, потому что все, о чем говорится в статье, — это про жизни. Ведь правда, дедовщина всех нас уже достала, от нее столько вреда, молодым страшно служить, сержантам, которые честно стоят за порядок и поддерживают офицеров, тоже напряженка, хочешь как лучше, а некоторые старослужащие мешают, стремясь свою власть показать. Нравится, когда за них пашут, а они расслабляются и куражатся, вместо того чтобы помогать пацанам. Забыли, как сами были "салагами" и мучились, когда на них "деды" наезжали.

Я считаю, тут многое прежде всего от семьи зависит, от домашнего воспитания. Простой пример. Приходит паренек в армию, и ему ничего не надо, лишь бы не трога-

ли. Годичник моет полы, а он, молодой, тряпку в руки взять боится, мамка за него все дома делала, а батя по-мужски не воспитывал. Ну так засучи рукава, ты же теперь солдат, учись... Нет, пальцы растопырил, сынок, смотреть на него противно. А если, завтра в бой? Слепыш, таких, как ты, закаленные ребята и возьмут в оборот, если не сделаешь выводы. А потом вот эти никудышные "салажата", когда прослужат год, начинают отыгрываться на новичках, сами уже крутыми стали. Которые сильные, уверенные в себе, никакой работы не боятся — они режут в позу становятся, хотя тоже бывает, люди-то разные. Вот про это нужно почаще писать для молодежи, которая про службу ничегошеньки не знает, одна чернуха в голове да страх.

А откуда узнать? Я считаю, от отца все должно идти. Если отец был хорошим солдатом, спокойным, уравновешенным, справедливым, он не будет рассказывать своему сыну: вот, мол, я был в армии основной, молодых в ежовых рукавицах держал, при виде меня все гасились по углам. Нет, нормальный отец скажет: не оскорбляй никого, не унижай, не давай друзей в обиду и себя тоже.

Ну а в армии главной опорой офицера в поддержании порядка, воспитании дружбы и войскового братства должен быть сержант — самый близкий к солдату командир. Он должен хорошо знать сво-

их подчиненных, кто есть кто, и требовать, и заботиться о них, беседовать по душам, не допускать неуставные отношения. Как командир отделения, я стараюсь, чтобы наш коллектив был дружной семьей, чтобы старший призыв не давил на младший и все помогали друг другу. Мои солдаты знают, если по службе все нормально, нет залетов по дисциплине, то в порядке очередности каждый пойдет в увольнение, лучшие будут поощрены.

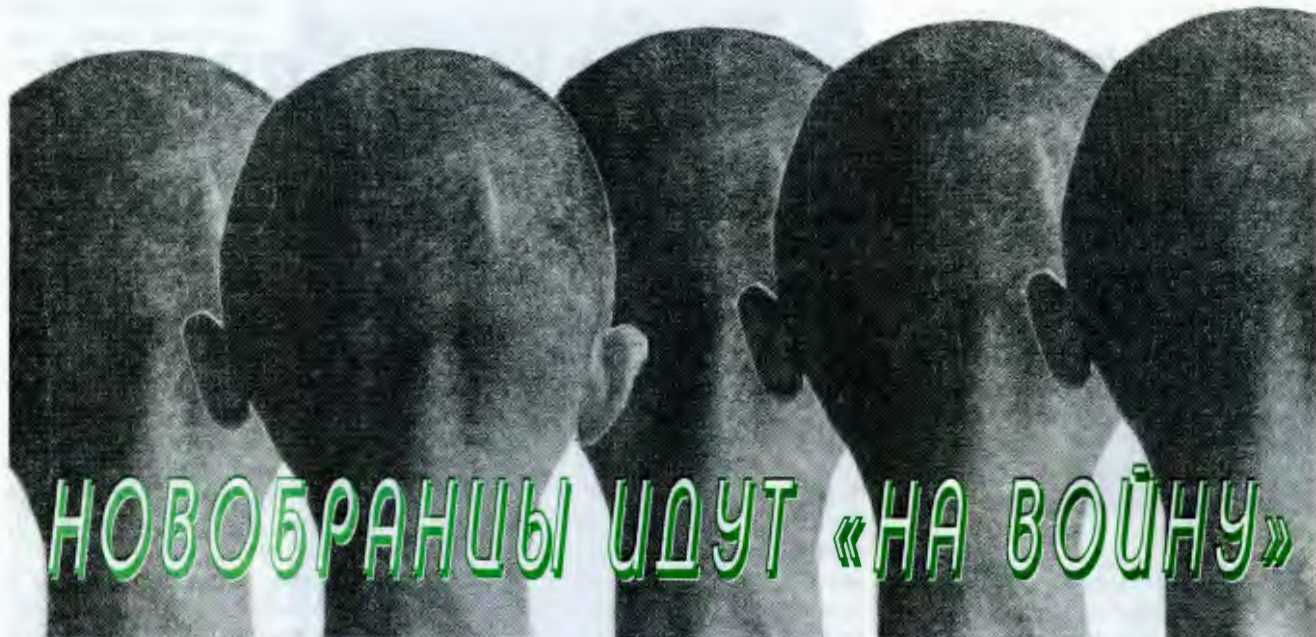
Конечно, не всегда получается так, как хотелось бы. И у меня, и у других сержантов. С каждым годом комплектовать армию все труднее и труднее. Такое впечатление, как будто там, на гражданке, все только и делают, что пьют и колются. Я не знаю, о чем думают те, кто занимается отбором на призывных участках. Есть у нас одно отделение, из девяти солдат только трое способны отвечать за свои поступки, могут элементарно позаботиться о себе. Остальные... В общем, ходячие ЧП. Как таких обучать и воспитывать?

Убежден, молодежь надо готовить к службе еще до призыва, тогда и в войсках будет больше порядка.

**Младший сержант
Николай ЩЕРБАКОВ,
командир отделения**

Сибирский округ
внутренних войск

*На боевом посту, 1997, №10

НОВОБРАНЦЫ ИДУТ «НА ВОЙНУ»

Размышления офицера после посещения одного из сборных призывных пунктов

Продолжается осенний призыв на военную службу. На новосибирском областном сборном пункте в ожидании «покупателей» томятся юноши, для которых начался новый этап в их молодых и совсем еще небогатых на большие события жизнях. Кто они? С какими мыслями идут новобранцы в воинские коллективы? Давайте с этим разберемся.

Долг Родине — деньгами

Вначале немного статистики. Из 40 молодых новосибирцев призывного возраста на мой вопрос: «Желают ли они служить в армии?» — только 10 процентов ответили утвердительно. 70 процентов опрошенных дали отрицательный ответ, остальные 20 процентов не смогли четко и однозначно сформулировать свое мнение.

Озвучим ответы участников опроса.

Григорий Круглянский, студент:

— К службе по призыву отношусь резко отрицательно. После окончания института продолжу образование в аспирантуре.

Константин Кашицын, студент:

— Какая там армия, о чем вы? Не хочу попусту терять время, что я в ней забыл? Свой долг Родине собираюсь отдать деньгами, улучшу материальное положение работников военкомата.

Алексей Большаков, безработный:

— В принципе к службе отношусь нормально, но считаю, что каждый должен иметь право выбора: служить в обычной армии с ее дикими порядками или проходить альтернативную службу где-нибудь в другом месте. Я лично выбрал бы последнее.

Антон Полеванов, род занятий не указал:

— Служить готов и буду. Как видим, мнения самые раз-

ные. Особенно негативное восприятие солдатских будней отмечено среди студентов. Не так категоричны в своих суждениях те, кто нигде не работает и не учится. Хоть эта категория опрошенных и считает, что войсковые подразделения — это те немногие места, которые в наше трудное и беспокойное время остаются островками стабильности и относительной социальной защищенности, но и среди этих молодых людей преобладает желание откупиться от ратной службы. В целом же итоги неутешительны: у большинства юношей доминируют явно антиармейские настроения.

Но как бы отрицательно сегодняшние парни ни относились к военной службе, большинству из них все-таки придется надеть форму. В ожидании этого «радостного» дня на областном сборном пункте сотни призывников ждут отправки в части.

Солдатушки — бравы ребятушки?

А так ли уж бравы нынешние призывники? В последнее время многие из них прибывают в подразделения настоящими заморышами. Причина проста — постоянное недоедание ввиду скудного бюджета большинства российских семей. Мизерных зарплат, которые получают родители призывников, не хватает порой даже на хлеб. По данным медицинских обследований, 21 процент новобранцев, призванных в Сибирский округ внутренних войск, страдают дефицитом массы тела. Причем не на каких-нибудь два-три килограмма, а на десять-пятнадцать. Юноши ростом под метр восемьдесят и вы-

ше, весят... до 50 кг, а то и меньше.

«Покупатели» на сборных пунктах от таких доходяг в большинстве случаев стараются отказать. Какой может быть толк от солдата, который на каждом шагу в обморок падает. А если надеть на него бронежилет, вещмешок, автомат? Что из этого получится? Конечно же, ничего хорошего. Рано или поздно войскам все равно придется расстаться с такими бойцами. Но эта проблема не самая главная. Ее вообще могло и не быть, если бы сотрудники военкоматов более внимательно и добросовестно выполняли свои служебные обязанности.

Предъявите список... болезней

Когда-то юношей с плоскостопием на военную службу не призывали. Но годы летят, все меняется.

По словам одного майора, сотрудника военкомата, с которым мне пришлось общаться, готовя этот материал, среди нынешних осенних призывников больше 17 процентов больных. В основном это ребята со всевозможными сколиозами, кифозами, хондрозами, все тем же плоскостопием и прочими напастями. С первой группой здоровья приходят служить чуть ли не единицы. Чтобы выполнить разрядку по призыву, военные комиссариаты гребут всех подряд. Главное — дать план, а с дохляками пускай командиры разбираются. Вот и попадают в подразделения кривые, косые, хромяе. Но если больных можно вылечить, а худых откормить, то избавить от дурных и пагубных привычек наркоманов и алкоголиков командиры не в состоянии. А лю-

бителей ширнуться или приложиться к бутылочке в последние годы в войска приходит все больше и больше.

Тени исчезают в полдень...

К сожалению, далеко не у всех. У многих призывников, с кем пришлось общаться на сборном пункте, под глазами были огромные тени и «мешки», а исходивший из их уст запах спиртного чувствовался издали. Конечно, понятно, что проводы в армию — событие не рядовое, и выпитая рюмочка будущему солдату большого вреда не принесет. Я же не смог найти ни одного призывника, даже среди тех, кто был трезв, который сказал бы мне, что вообще не пьет горячительных напитков или выпивает только по большим праздникам. Все мои собеседники чуть ли не с гордостью сообщили, что хлещут белую огого как. Да и вообще, что это за мужик, если он не употребляет горькую!

К каким печальным последствиям, особенно на ратной службе, может привести дружба с «зеленым змием», никто из новобранцев не вспомнил. Впрочем, не только с ним...

У этих мальчиков в уколах пальчики

Да-да, много и таких призывников, со следами укольников от шприца. Некоторые из них честно признались, что в свое время состояли как наркоманы на учете в милиции, но перед призывом по просьбе влиятельного родственника, а чаще родителей их с учета сняли. Аргумент же-

лезный — пусть послужат, ума-разума наберутся.

В результате сердобольности сотрудников милиции в войска попадают наркоманы. Об их страсти к дурманящему зелью в подразделениях узнают не сразу и, как правило, только после какого-нибудь громкого происшествия.

Каждый третий, с кем удалось побеседовать на новосибирском областном призывном сборном пункте, признался, что хоть раз, но пробовал «зелье». В том, что есть и такие, кто употребляет наркотики давно и систематически, не признался никто. Просто побоялись.

Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты

Еще одна особенность нынешнего призыва — нежелание родителей отдавать своих сыновей на службу. Отношение к ней у людей, особенно старшего поколения, в последнее время заметно изменилось. Если раньше, причем не так уж давно, отцы с гордостью рассказывали сыновьям о своей армейской молодости, то теперь все наоборот. Сегодня родители всячески пытаются «отмазать» свое чадушко от ратной службы. Достают липовые справки о болезнях, выбивают, а порой просто покупают всевозможные отсрочки. В беседе со мной одна мама сказала: «Пусть его лучше в тюрьму посадят, там порядка больше». Вот так. Тюремное времяпрепровождение, оказывается, гораздо почетнее службы на благо Отечества.

Кому на Руси жить хорошо?

Знаете, что поразило при входе на КПП сборного пункта? От-

сутствие крутых иномарок у ворот. Раньше как было? Будь ты сыном хоть самого Господа Бога, но два года служению родной державе отдай. Вот и выстраивались роскошные лимузины возле последнего пристанища призывников перед их отправкой в часть. Нынче же все по-другому. Теперь не только сынкам влиятельных чиновников, но и отпрыскам богатеньких родителей, тех самых новых русских различного масштаба, видать, не придется никогда узнать вкуса солдатской каши. Слуги народа и навороченные новорусские папаши своевременно позаботились о том, чтобы сыновья остались дома. За какие большие деньги это делается, не знаю. Но, как заметил все тот же майор из военкомата, немалые. Сколько и в каких конкретных суммах, не сказал — коммерческая тайна.

На тебе, Боже, что мне не гоже

В советские времена во внутренние войска призывали не элитную молодежь. Зачастую те юноши, которых списывали из команд призывников в ВДВ, ВМФ, ВВС и прочие рода войск, оседали в конвойных частях по охране всевозможных объектов и мест не столь отдаленных. За последние годы специфика служебно-боевых задач, выполняемых внутренними войсками, претерпела заметные изменения. Появились мобильные оперативные части, отряды специального назначения. Соответственно резко возросла потребность в сильных, крепких парнях. А военкоматы по-прежнему комплектуют войска правопорядка по остаточному принципу. К команде, направляемой в

подразделение, где служит майор Евгений Жаринов, на сборном пункте из Новосибирской области «приписали» двадцать три призывника. Девятерых из них пришлось сразу же отсеять. Их забраковали медики. Лишь трое молодых людей изъявили маломальское желание служить во внутренних войсках. Такая вот удручающая картина.

Летят «утки»

По данным информационного агентства ОБС (одна бабка сказала), нынче в армии все из рук вон плохо. Генералы — сплошь казнокрады и маразматики, офицеры — алкоголики и садисты, прапорщики — воры, контрактники — дебилы, кругом дедовщина. Пацанов голодом морят, в банях не моют, одежду не дают. Куда бедному солдатику податься?

И что характерно, ни телевидение, ни пресса в последнее время ни слова не сказали в защиту человека с ружьем. Да что там в защиту! СМИ сами активно включились в кампанию по дискредитации защитников родной державы. Господа журналисты договорились до того, что даже поражение в Чечне свалили на военных.

Впрочем, чему удивляться? Травля человека в погоне началась давно. Копание в грязном армейском белье стало любимым занятием для большинства изданий еще в период правления М.С.Горбачева, когда в журнале «Юность» была опубликована повесть Юрия Полякова «Сто дней до приказа». Шум был большой. В духе начавшейся перестройки и гласности армейские косточки перемывали все. И что в результате? Российская армия и внутренние войска —

защита и опора государства, униженные и оскорбленные, задавленные нищетой и несправедливостью, нуждаются в срочной помощи и защите.

Служить бы рад...

Юлий Гусман как-то в своей «Теме» пытался поговорить об армии, службе по призыву, контракту. Участники телепередачи высказывали довольно умные мысли, обсуждали военную реформу и, ссылаясь на опыт иностранных армий, горячо поддерживали идею организации военной службы на добровольной основе.

Добровольцы-профессионалы — дело, конечно, хорошее. И выгодное. В том числе и для наших войск. Во-первых, у офицеров отпадет необходимость нянчиться с каждым мальчишкой, наставляя на путь истинный. У них будет больше времени заниматься совершенствованием своих знаний и боевой выучки. Во-вторых, ко-

мандирам гораздо приятнее общаться со взрослым мужчиной, сознательно выбравшим нелегкую стезю защитника страны, нежели с восемнадцатилетним юношей, только-только вступающим в самостоятельную жизнь.

Однако есть маленькое «но», которое пока перевешивает все другие аргументы в пользу перехода на профессиональную армию. За свой ратный труд воин-контрактник должен получать солидное жалование. Для развитых стран, которые ставят в пример гости «Темы», содержание воинов-профессионалов, не в тягость. У обнищавшей и разграбленной России сегодня нет денег даже на выплату того мизерного жалования, которым довольствуются российские военные последние годы. Поэтому еще долго будут нужны; просто необходимы солдаты-срочники. А значит, и проблемы новобранцев, призванных на военную службу, будут оставаться болезненными и трудноразрешимыми.

С котомками за плечами и под плач матерей вчерашние мальчишки покидают сборный пункт. Уходят, чтобы через два года вернуться домой повзрослевшими, окрепшими, возмужавшими. Что бы ни говорили армейские недруги, но раз существуют армия, пограничные и внутренние войска, флот и авиация, значит, еще не все потеряно, не все так плохо в нашем государстве. Пройдет время, и к защитникам земли русской вернется былая слава. И тогда вопрос «Что нам делать с такой армией?», муссированный в течение получаса в сентябрьской телепередаче «Акуна Матата» главным «ерашником» Борисом Грачевским и иже с ним, людьми весьма далекими от армейской среды, навсегда канет в Лету.

**Капитан
Сергей ОСИПЕНКО**

*Сибирский округ
внутренних войск*

Правосудие

ОТРЕЗВЛЕНИЕ

ЧЕРЕЗ ТРИ ГОДА

— ... Я не могу больше, товарищ сержант, — с гримасой невыносимой боли на лице сказал сквозь слезы молоденький солдат. Оператор повел видеокамерой вниз, и зритель увидел, что на вытянутых дрожащих руках солдат из последних сил держит табуретку, на которой стоит трехлитровая банка, доверху наполненная водой.

— Держи, с-сука. А то в бубен получишь, — процедил сквозь зубы детина.

— Не могу, — уже простонал солдат. Его руки самопроизвольно опускаются вниз, роняют табуретку, слышится глухой удар тяжелого предмета об пол. Брызги воды из разбившейся банки попадают даже на объектив видеокамеры. В следующую же секунду сержант, верный своему слову, наносит серию мощных ударов «в бубен»...

Передача «Совершенно секретно» 14 июня 1998 года большинству военнослужащих внутренних войск, по всей видимости, не забудется. Не запомнят ее и «главные герои» — бывшие военнослужащие одной из групп спецназа Отдельной дивизии оперативного назначения. Хотя демонстрация этого фильма для них оказалась полной неожиданностью. Долгое время они и рассказывать об этих событиях не решились бы во всеуслышание. А тут на всю страну был показан видеоролик об откровенном издевательствах старослужащих над недавно призванными солдатами.

Уже через тридцать минут после окончания передачи (а это был вечер выходного дня) главнокомандующий внутренними войсками генерал-полковник Петр Маслов находился на территории этой войсковой части в подмосковном Реутово. По фактам избиения было немедленно возбуждено уголовное дело. Все военнослужащие, которые находились во время съемок в

расположении подразделения, были допрошены. Большая часть из них, показания которых оказались наиболее весомыми и ценными для следствия, предстали перед судом в качестве свидетелей.

Прошло немногим более трех месяцев (срок для загруженных делами военных следователей не столь большой), и в здании военного суда Реутовского гарнизона состоялось первое заседание суда над бывшими военнослужащими соединения: сержантом Игорем Семеновым, рядовым Иваном Напреевым, которые в момент совершения преступления проходили службу в подразделении специального назначения «Кондор» одной из войсковых частей ОДОНа, и младшим сержантом Русланом Бутытским — командиром отделения гарнизонного Дома офицеров.

То, что старослужащие иногда издеваются над молодыми солдатами, не является каким-то большим откровением. Ежегодно сотни подонков садятся на скамью подсудимых за аналогичные преступления. Следствие по подобным делам продвигается очень тяжело, потерпевшие часто меняют показания, пытаются выгородить своих недавних обидчиков. Но чтобы задокументировать подобным образом свое преступление и предоставить следствию неопровержимые улики — до этого могли додуматься только личности циничные, уверовавшие в свою безнаказанность, не способные даже на трезвую голову рассуждать здраво.

В начале сентября 1995 года почти весь личный состав войсковой части, в которой проходили службу и эти «супермены», находился в районе ведения боевых действий в Чеченской республике. Рядовой Иван Напреев и сержант Игорь Семенов были возвращены в пункт постоянной дислокации «лизывать боевые раны». В один из вечеров, когда «фронтвикам», прямо скажем, «делать было нечего», они навестили старого боевого товарища, командира отделения ГДО младшего сержанта Руслана Бутытского, который о чеченской войне знал только из телевизионных сообщений.

Иван Напреев, насколько это можно

судить из телепередачи, был не робкого десятка. Эдакий «молодец против овец», не в обиду пострадавшим будь сказано. А вот в командировке он показал себя еще и довольно «сообразительным» солдатом. После двух-трех месяцев боевых действий Ваня понял, что там каша заваривается густая, и решил особо не высовываться. Во время одной из боевых операций Иван «неспециально» зацепился за какой-то острый предмет, поранил руку и занес в рану инфекцию. Несмотря на то, что офицеры и прапорщики в ходе утренних осмотров не только проверяли у подчиненных внешний вид, но и обращали особое внимание на мелкие раны и царапины, Ивану удалось скрыть свое «боевое ранение». Он не обратился в медпункт части и даже не обрабатывал рану медикаментами, терпеливо ожидал нагноения и более серьезных осложнений. Когда наконец симптомы недомогания были налицо, командир группы старший лейтенант Вадим Сидоров первым же попутным бортом отправил подчиненного во владикавказский госпиталь.

Второго «фронтвика-супермена» сержанта Игоря Семенова, по словам командира подразделения, можно было использовать только в качестве наводчика БТРа. Как сказал впоследствии командир подразделения, с паршивой овцы хоть шерсти клок. С этой задачей, которую обычно выполняют рядовые бойцы, сержант Семенов справлялся неплохо. Словом, солдат из него мог бы получиться хороший. О том же, чтобы этому горе-командиру доверить руководить личным составом в боевой обстановке или возглавить разведгруппу в тыл противника, и речи быть не могло.

Хочу сразу оговориться, вышеупомянутыми нелестными характеристиками этих двух преступников я ни в коей мере не хочу умалить заслуги остальных воинов-спецназовцев этой, уже, к сожалению, бывшей, группы. Об их боевых подвигах рассказано и написано в войсковой печати немало. Многие военнослужащие заслуженно носят на груди государственные награды. А эти двое своей пьяной выходкой осквернили память погибших товарищей, нало-

жили грязное пятно на историю подразделения и своих сослуживцев.

...Дело было вечером, делать было нечего. Заглянув на огонек в гарнизонный Дом офицеров, старые друзья за совместно распитой бутылочкой рассказали о войне, вспомнили былое. А «былого», как, впрочем, и «боевых дел», было великое множество. Здесь же посетовали на скучную жизнь и нравы современной молодежи. При этом себя они к данной категории, естественно, не причисляли. Для них молодежью были только что призванные пацаны, не умеющие подшивать воротничок и не нюхавшие пороха. Чтобы развеять скуку и направить «нравы молодежи» в правильное русло, они и решили заняться молодым пополнением группы спецназа своей части.

Что произошло дальше, для смотревших передачу пересказывать нет необходимости, а для тех, кто ее не смотрел — нет смысла. Этого словами не передать. Такого изощренного издевательства над сослуживцами большинство военнослужащих не только не видели, но даже и не представляли. Реакцию подростков я предугадывать не берусь. Можно лишь только сделать прогноз о том, что число уклонистов от воинской службы возросло в арифметической прогрессии. Для матерей, чьи сыновья не так давно призваны на службу, показанное по телевизору было страшнейшим ударом. Не одна схватилась за сердце и невольно обратилась с мольбой ко Всевышнему, чтобы у ее сына на службе все было хорошо.

Однажды вечером, возвращаясь домой, я стал невольным свидетелем разговора родителей с солдатом. Первым делом родители спросили: «Не мордуют, сынок?». Именно «мордуют», потому что другого слова, чтобы назвать увиденное по телевизору, отец не подобрал. И несмотря на то, что атлетического телосложения парень ответил на вопрос отрицательно, его мама, всхлипнув, полезла за платком.

...Для того, чтобы запечатлеть на видео пленке «тяготы и лишения воинской службы», был привлечен оператор телецентра соединения рядовой

Михаил Лебедев. Отказать пьяным спецназовцам он, мотострелок, не мог. Ибо в противном случае его просито постигла бы участь тех, кого он должен был снимать.

Вообще-то, у спецназовцев внутренних войск на память о службе принято снимать «на дембель» экзамен на право ношения крапового берета, показательные выступления группы спецназа или, на самый последний случай, обычные занятия по рукопашному бою. А эти «бывалые парни», «крутые боевики» не могли уже довольствоваться постановочными, показательными съемками или спаррингом по рукопашному бою, где и им могло достаться по физиономии. Подогретые спиртным, они хотели выглядеть суперменами, хозяевами положения. Кулаки у них действительно мощные, а вот лексикон, словарный запас «чудо-богатырей» отнюдь не богатырский. В течение минуты демонстрации видеопленки я насчитал девять звуковых пробелов. Как известно, ими закрывают цензурные выражения.

Сценарий будущего фильма постановщики выбрали до банальности простой. Прибыв после отбоя в расположение подразделения, заместитель командира учебного взвода специального назначения сержант Игорь Семенов поднял подчиненных. А рядовой Иван Напреев принялся с явным удовольствием методично избивать недавно призванных солдат. Согласно статьям устава да исходя даже из простых человеческих соображений, Семенов, как командир, должен был бы пресечь преступные действия рядового, остановить избивание. Но он сам избивал подчиненных, красуясь перед видеокамерой. Во время суда факты избивания Напреев не отрицал, а свои действия мотивировал тем, что военнослужащие перед предстоящим строевым смотром не устранили недостатки, указанные ранее. Вот ведь как радуется за красоту строя солдат. Аж диву даешься! А спрашивается: «Кто его уполномочивал на это?» И аргумент для воспитания Напреев выбрал самый весомый — пудовый кулак. Идя на подобный шаг, он заранее знал, что из стоящих в строю солдат никто не отве-

тит ударом на удар. Молодые в силу сложившихся у них представлений об армейском беспределе просто побоятся оказать сопротивление старослужащему. А в строю молодых воинов тем не менее стояли далеко не доходяги. Два мастера спорта по боксу, пять перворазрядников, мастера спорта по самбо, вольной борьбе — вот далеко не полный перечень спортивных достижений будущих спецназовцев. Многие из них в последующем и в чеченской командировке показали себя неплохо. Все награждены знаком «За отличие в службе», некоторые удостоены государственных наград.

Интересная роль в этом боевике выпала младшему сержанту Руслану Бутытскому. Вместе с пьяными подельниками бить спецназовских «духов» он, мотострелок, просто побоялся. За это по неписаным законам можно получить по лицу от всех спецназовцев сразу. Но чтобы возвысить себя в глазах друзей, он решил ударить проходившего мимо заспанного молодого солдата из соседней мотострелковой роты. Что ж, к этому удару, как впоследствии было установлено, его никто не склонял. Но его инициативу на съемочной площадке суд оценил по достоинству.

Спустя некоторое время с отснятой видеокассеты были сделаны несколько копий, которые главные герои взяли с собой «на долгую и светлую» память о службе. Остается только догадываться, как отреагировали на боевик родные и близкие «чудо-богатырей». Хочется надеяться, что они его не видели.

Первые два заседания суда проходили в здании прокуратуры Реутовского гарнизона. Третье, заключительное и более поучительное для будущих постановщиков и сценаристов подобных фильмов было решено сделать открытым и провести в гарнизонном Доме офицеров. В самом начале под конвоем и в наручниках на заседание суда был доставлен только Иван Напреев. Игорь Семенов и Руслан Бутытский прибыли самостоятельно. Они пока находились по разные стороны решетки. Пока.

Во время процесса обвиняемые сбивчиво и бессвязно давали показания и уже не были похожи на тех бра-

вых и лихих парней, которым море по колено. Куда девалось продемонстрированное в фильме единодушие. Чтобы до конца прояснить ситуацию, судья был вынужден несколько раз задавать один и тот же вопрос в разных вариантах. В конце концов, устав от уклонений и увиливаний, судья и прокурор задавали только те вопросы, которые требовали односложного ответа: «да» или «нет». Обвиняемые осознали свою вину и в содеянном публично раскаялись уже в зале суда. Жаль, что они не сделали этого тремя годами раньше. Никто из них даже не подумал позже подойти к сослуживцам и попросить прощения хотя бы чисто по-русски: «Извини, был пьян!».

Суд приговорил Игоря Семенова и Ивана Напреева к трем годам лишения свободы с отбыванием наказания в ИТК общего режима. Руслана Бутытского — к двум годам условно с отсрочкой исполнения приговора на год.

Решение суда бывших спецназовцев шокировало. Они рассчитывали на более мягкий приговор. Ни за период службы во внутренних войсках, ни за те три года, что прожили дома после увольнения в запас, они так и не повзрослели. Они так и не поняли, что никому никогда не позволено кого-либо унижать, оскорблять или избивать. Может, хоть теперь они поймут, что на отраже чести и достоинства личности стоит Закон.

Когда Игорь Семенов освободится из колонии общего режима, его сыну исполнится почти четыре года. До призыва его на военную службу останется четырнадцать лет. Дай Бог, чтобы на его жизненном пути никогда не возник такой командир, каким был его отец.

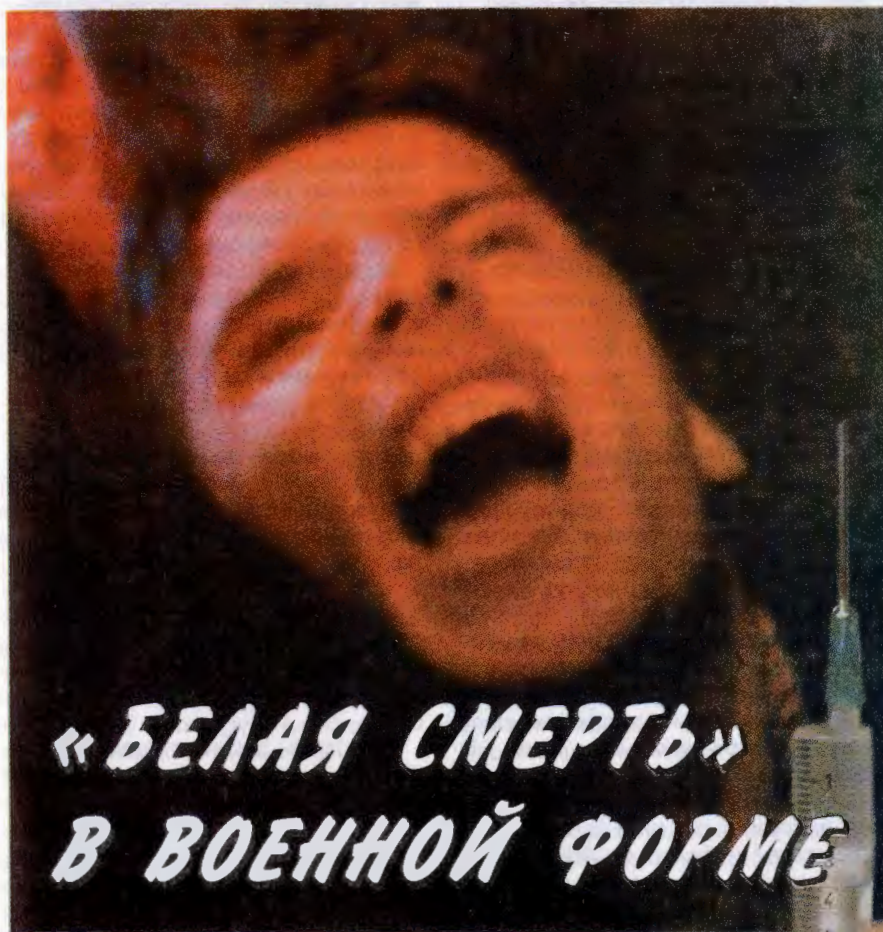
После оглашения приговора у осужденных попытались взять интервью операторы телеканалов ТВ-центр и РТР. Но «кинозвезды» отказали — не тот уровень.

**Старший лейтенант
Альберт КУДРЯШОВ**

Фото автора и
Александра КИРИЛЕНКО

*Отдельная дивизия
оперативного назначения*

Бед

**«БЕЛАЯ СМЕРТЬ»
В ВОЕННОЙ ФОРМЕ**

Сегодня наркомания стала сложной и опасной болезнью общества наряду с пьянством и алкоголизмом. Ежегодно армия наркоманов пополняется на 70-80 процентов молодыми россиянами. Наибольшее распространение это зло получило в ПТУ, школах-интернатах, детских домах.

Рост числа наркоманов среди молодежи отрицательно сказывается на состоянии Вооруженных сил России и других войск. В 1995 году каждый десятый военнослужащий срочной службы либо имел судимость до призыва на военную службу, либо принимал наркотики. В ны-

нешнем году количество военнослужащих, осужденных за хищение, незаконное изготовление, хранение и сбыт наркотиков, значительно увеличилось.

Наркомания — общее название болезней. Проявляются они в неодолимом влечении, постоянном желании принимать наркотические вещества. Это вызвано стойкой психологической и физической зависимостью от них. При прекращении употребления наркотиков развивается болезнен-

ное состояние — абстиненция, так называемая «ломка», которая сопровождается мышечными болями, потливостью, дрожанием конечностей и другими неприятными симптомами. Облегчение появляется при приеме очередной дозы наркотиков, наступает блаженное состояние (эйфория, на жаргоне наркоманов — «кайф»). Но и оно через некоторое время вновь сменяется абстиненцией. Образуется порочный круг. По мере привыкания наркотики становятся необходимыми уже не для получения удовольствия, а для борьбы с тягостными и мучительными симптомами. В таком состоянии больные представляют большую общественную опасность. Потребность в приеме наркотиков настолько велика, что они могут совершить любой проступок, в том числе и тяжкое преступление, чтобы добыть необходимое спасительное средство.

Употребление наркотиков приносит огромный вред здоровью людей. Одно из неизбежных последствий этого — деградация личности. Человек, употребляющий наркотики, как правило, испытывает общую слабость, у него нарушается координация движений, замедляются

реакции.

Такие люди становятся

ваются грубыми, эгоистичными. Обычные человеческие интересы, радости, увлечения им чужды. Единственная забота — удовлетворить свое пристрастие. Воздействие наркотических веществ на молодой организм часто приводит к необратимым последствиям — преждевременной смерти, психической неполноценности, слабоумию. По утверждению медиков, распад личности от употребления разного зелья наступает в 15-20 раз быстрее, чем от алкоголя.

Возникшие в последние годы элементы социальной коррозии негативно сказались на духовном состоянии общества. Неизбежное следствие этого — падение интереса к общественным делам, проявление бездуховности и скептицизма. Возросла прослойка людей, в том числе среди молодежи, для которых цель жизни свелась к наживе любыми способами. Пренебрежительное отношение к законам, лень, повышенные запросы при нежелании прилагать усилия для создания благ, неумение разумно организовать досуг, справиться с эмоциональными стрессами — благодатная почва для наркомании. Число тех, кто искал в наркотиках забвение после перенесенной психической травмы или личной драмы, невелико. Это опровергает еще бытующее мнение, будто главная причина употребления наркотиков — желание преодолеть страдания личности.

Наркомания как социальное явление, которое имеет тенденцию роста в воинских подразделениях, пока не достигла критического уровня. Однако недооценивать ее опасность нельзя. В последнее время факты употребления наркотических средств военнослужащими стали отмечаться все чаще и чаще. Вместе с тем растет и количество судимостей военнослужащих за правонарушения, связанные с незаконным оборотом наркотиков.

Распространяется «белая смерть» в военных городках как самими наркоманами, так и людьми, связанными со сбытом наркотиков. Наркоманы пропагандируют особое воздей-

ствие зелья на их душевное состояние, возможность отвлечься от службы, снять нервное напряжение. На некоторых недисциплинированных воинов, легко поддающихся влиянию, это действует сильнее, нежели предостерегающее слово.

Следует иметь в виду, что серьезный урон воинскому коллективу может нанести даже один невыявленный наркоман, который в течение года способен вовлечь в употребление наркотиков до 10 человек. Кроме того, такие действия нередко сопровождаются и другими правонарушениями.

Отдельные командиры и воспитатели недооценивают социальной опасности наркомании, ее негативного влияния на боевую готовность, состояние правопорядка и воинской дисциплины, безопасности личности, жизнь и здоровье подчиненных. А некоторые просто умалчивают о случаях употребления отдельными солдатами и сержантами одурманивающих средств. Всем необходимо уяснить, что только своевременно оказанная помощь может спасти человека от беды.

Поставить заслон на пути армейской наркомании нужно уже сегодня. И важную роль в этом должны сыграть социально-профилактические и организационные меры. В первую очередь это разъяснительная работа среди военнослужащих, воздействие на них посредством родителей и близких. Сейчас даже невозможно представить, в какой среде рос и воспитывался молодой человек. Если раньше можно было активизировать усилия трудовых коллективов, то сегодня это практически невозможно. Трудовые коллективы сами поставлены в условия выживания, а из числа молодых солдат на момент призыва почти пятьдесят процентов нигде не работали и не учились. Но недооценивать роль таких органов, как МВД, медицинские учреждения, в раннем выявлении случаев употребления наркотиков не следует, с ними необходимо сотрудничать.

Чтобы эффективно вести борьбу с наркоманией в армии, необходимо знать некоторые правовые нормы. В соот-

ветствии с действующим законодательством лицам, страдающим опасными для окружающих заболеваниями, тяжелыми психическими расстройствами или совершившим общественно опасные деяния, может оказываться медицинская помощь (медицинское освидетельствование, госпитализация, наблюдение и изоляция) без их согласия или согласия их законных представителей. Решение о проведении освидетельствования и наблюдения принимает врач или консилиум врачей, а направляют в госпиталь только по решению суда.

Если человек совершил преступление и его признали нуждающимся в лечении от наркомании, суд может применить к нему принудительное лечение в медицинских учреждениях со специальным лечебным режимом.

В отношении наркоманов, не совершивших преступления, наш закон неоправданно гуманен. Принудительные меры медицинского характера к ним применяются только в тех случаях, когда из-за их психических расстройств существует вероятность причинения этими лицами иного вреда либо есть реальная угроза для них самих или окружающих.

Эти нормы закона в полной мере распространяются и на людей военных. Замеченные в употреблении наркотиков военнослужащие должны быть на учете у командования и медицинской службы. Врач части обязан направить их на консультацию к психиатру с целью определения степени заболевания. При отсутствии признаков наркомании за ними устанавливается диспансерное или амбулаторное наблюдение. В случае, если будут и дальше употребляться наркотики, они направляются на консультацию к психиатру для решения вопроса об обследовании в условиях стационара и проведения лечебных мероприятий. Возвратившиеся в часть после лечения продолжают находиться под амбулаторным или диспансерным наблюдением до конца службы.

Заключение о непригодности к военной службе лиц, страдающих

наркоманией, выносятся при резко выраженном изменении личности.

В соответствии с Законом РФ "О воинской обязанности и военной службе" может быть поставлен вопрос о досрочном расторжении контракта и увольнении с военной службы офицеров, прапорщиков, военнослужащих, проходящих службу по контракту, если они употребляют наркотические вещества.

При увольнении с военной службы лечившихся от наркомании или неоднократно употреблявших наркотики командование части должно направлять сведения на таких лиц в областной (городской) психоневрологический диспансер по месту их жительства, где они будут взяты под наблюдение.

Одним из решающих условий успешной борьбы с наркоманией является установление источников изготовления и распространения разного зелья. Именно поэтому уголовный закон предусматривает более суровое наказание сбытчикам и распространителям наркотиков, которые действуют в целях наживы. К сожалению, в стране борьба с такими лицами ведется еще недостаточно эффективно, а во многих случаях их сложно выявить.

Проще поставить заслон на пути проникновения наркотиков в воинские части и предупредить их распространение среди личного состава. Обычно сбывают наркотические средства гражданские лица при непосредственном контакте с военными, пересылают по почте, а некоторые даже умудряются под почтовой маркой. Нередко солдаты и сержанты сами ищут, где можно купить травки, часто воруют наркотические средства из медицинских складов, аптек и военно-лечебных учреждений, умельцы собирают наркосодержащие растения и самостоятельно изготавливают зелье.

Как показывает практика, у военнослужащих наиболее часто изымались: марихуана — 55 процентов случаев, маковая соломка и маковые головки — 11,5, гашиш — 8, медпрепараты — 7, а также опий, конопля и анаша.

Там, где наркотики проникают в часть от местного населения, следует стремиться к ограничению неорганизованного контакта военнослужащих с местными жителями, установить строгий контроль за теми, кто прибывает из увольнения, отпуска, командировки, поддерживать тесное взаимодействие командования с местными правоохранительными органами. В комплексе с активным выявлением лиц, употребляющих наркотики, и применением к ним воспитательных мер это обеспечит предупреждение развития социально опасного явления в армейской среде. Профилактические мероприятия должны проводиться в тесной и непосредственной связи с воспитательной работой по утверждению здорового образа жизни, борьбой за уставной порядок. Личный состав должен знать истинное положение дел с наркоманией, причины ее распространения и тот страшный вред, который она наносит людям, всему обществу. Но делать это нужно опытным психологам, педагогам, не возбуждая нездорового интереса к наркомании. А лучше всего — сосредоточить внимание на кропотливой, индивидуальной работе с конкретными лицами.

Первым фильтром на пути проникновения наркомании в армию призваны стать военкоматы. Они должны еще в ходе призывной кампании выявить юношей, склонных к употреблению наркотических средств, и представить командованию частей объективную характеристику на них. К сожалению, эти фильтры еще не везде действуют надежно.

Выявить наркоманов в казарме на раннем этапе очень важно для профилактики заболеваний. Поэтому командиры, офицеры органов воспитательной работы с первых дней службы солдата должны получить как можно больше информации о его психологических особенностях, привычках, склонностях, образе жизни до армии. При необходимости нужно посылать запросы в военкоматы по месту призыва, больницы, диспансеры, органы МВД, писать родственникам. При сборе информации очень важно учиты-

вать, откуда приходят молодые воины, насколько распространены наркотики растительного происхождения в тех местах, где они проживали до призыва. Своевременно распознать наркоманов можно также в ходе тщательного медицинского обследования прибывающего в часть пополнения. Признаками, указывающими на возможное употребление наркотиков, могут быть частый или, наоборот, редкий пульс, неустойчивость артериального давления, расширенные или суженные зрачки, кашель, боли в суставах. Врачам известны и другие признаки. Должны насторожить и следы инъекций по ходу вен и в различных частях тела, которые может обнаружить любой офицер и сержант даже при мытье личного состава в бане. Роль сержантского состава и медицинских инструкторов подразделений в выявлении лиц, хранящих и употребляющих наркотики, велика уже потому, что они наиболее тесно связаны с личным составом.

Происходящие в стране и войсках процессы позволяют предположить, что в ближайшие годы наркомания может стать серьезнейшей проблемой. Задачи по предупреждению распространения этого зла могут быть решены только при тесном взаимодействии командиров, офицеров воспитательных структур, военных юристов, медицинских работников и всей войсковой общественности.

**Полковник юстиции
Александр ЯНКОВ,
подполковник юстиции
Александр АНТОНОВ**

Василий СЫСОЕВ

Мушавер шурави

Из афганского
дневника

Вместо предисловия

Прошло уже немало лет после возвращения из Афганистана, но до сих пор осталось двойственное чувство. Во-первых, удовлетворение от того, что два года, как принято говорить, «выполнял интернациональный долг» в условиях гражданской войны в чужой стране и справился с поставленными задачами; удалось преодолеть многие сложности и трудности, наконец, живым и невредимым вернуться домой. С другой стороны, остался нехороший осадок от оценок некоторых публицистов, мягко говоря, не лестных, осуждающих нашу миссию в Афганистане. Однако первое чувство все-таки перевешивает второе. Мы оказали действительную помощь в становлении органов и войск правопорядка ДРА, в подготовке национальных кадров органов правопорядка, в обучении

и воспитании офицеров, в организации системы политического и нравственного воспитания всего личного состава МВД ДРА.

В отдельных случаях мы принимали участие в подготовке и проведении локальных операций, проводили немалую пропагандистскую работу среди населения, оказывали определенную материальную помощь.

Воздержусь от высоких фраз о героизме и самоотверженности наших людей, но мы делали все возможное, что порою даже казалось невозможным.

Оценка нашей работе давалась на самом высоком уровне устами тогдашнего генерального секретаря ЦК НДПА президента ДРА Бабрака Кармаля, который вместе с членами политбюро не пропускал ни одного партийного актива в МВД ДРА, а они проходили четыре раза в году.

Наджибулла, став президентом, при первом же визите в наше представительство также высоко

оценил его деятельность. Нас всегда хорошо принимали в провинциях как руководители, так и простой народ. Мне казалось (а в Афганистане это нашло лишнее подтверждение), что любая власть, будь она близка к народу, не имела бы никаких проблем, тем более не допустила бы вражды, восстаний, революций.

Убогость, безысходность жизни, какую я видел в провинциях, были отчаянными. Кричащая, вопиющая бедность говорила за себя. Наши агитационно-пропагандистские подразделения, бывая в кишлаках, видели счастливые лица людей, которым были привезены галоши, упаковки лекарств, мыло, спички.

Задолго до нашего присутствия, в конце XIX — начале XX века, там хозяйничали англичане. Почему же такая отсталость сохранилась до конца XX века, почему сохранялись родо-племенные, дофеодальные отношения?

Нашу страну упрекают в том,

Мушавер шурави (фарси) — русский советник

что мы ввели войска в Афганистан в 1979 году. Наверно, упрек частично справедлив, но наши войска вели себя там несравненно гуманнее, чем, скажем, американцы во Вьетнаме, и мы участвовали в боевых операциях в крайних, исключительных случаях.

Почему-то нигде не пишут и не говорят, что построил СССР за 10 лет "оккупации": там появились дороги, аэропорты, электростанции, микрорайоны, десятки заводов и фабрик, школ, больниц и многое другое, созданное с помощью советских специалистов и рабочих.

В составе СССР среднеазиатские республики относительно быстро преодолели вековую отсталость, превратились в цивилизованные страны. Еще в более короткие сроки преодолел бы отсталость Афганистан, если бы прогрессивные начинания в этой стране были доведены до конца с нашей помощью.

Я думаю, каждый из нас, улетаая в Афганистан исключительно с добрыми намерениями, хотел бескорыстно помочь многострадальному афганскому народу, новой власти демократического направления, главной задачей которой провозглашалось и осуществлялось, в меру сил и возможностей, преодоление вековой отсталости.

Освоившись в Афганистане, мы все отчетливее видели пути решения непростых афганских проблем и обсуждали их в кулуарах. Нам казалось, что с помощью дипломатических или силовых мер (или тех и других) можно в короткие сроки достигнуть компромиссов с оппозицией. Но дипломатических мер не предпринималось

— видимо, великодержавная гордость не позволяла вести переговоры с Ахмад Шахом, Раббани, Хекматъяром. Не было и решительных и быстрых силовых мер — боялись мирового общественного мнения.

Не принимать никаких решений оказалось самым плохим решением. Создавалось впечатление, что тогдашняя кремлевская власть наивно полагала, что все постепенно рассосется, но проблемы нарастали как снежный ком. Поэтому до сих пор не проходит горькое чувство от того, что из Афганистана мы уходили с некоторой неудовлетворенностью, ведь не был достигнут конечный результат. И до сих пор в Афганистане идет война. Разрушать там почти уже нечего. Благоразумных людей становится все меньше. Никто не может остановить эту трагедию — ни пророк Мухаммед, ни аллах.

Под крылом самолета Гиндукуш

В конце апреля 1984 года меня вызвал заместитель начальника политуправления внутренних войск генерал-майор А. Поздняков и спросил, как я отнесусь к предложению отбыть в командировку на два года в Афганистан. Александр Петрович не торопился с ответом, порекомендовал посоветоваться с женой, словно речь шла о новом назначении, связанном с переездом из Москвы, скажем, в Ленинград или Киев.

Предложение было для меня неожиданным, но исключало, по моему, всякие сомнения. Я сразу сказал, что по этому вопросу со-

ветоваться с женой не буду и поблагодарил за оказанное доверие. Генерала удовлетворил мой ответ, и буквально на следующий день я стал готовиться, пока психологически, к командировке. Позднее началось оформление всевозможных документов, медицинское обследование.

В июле все было готово. Последние напутствия в министерстве, в ЦК КПСС. Я был назначен старшим группы из двенадцати человек, получил на всех документы, собрал группу, проинструктировал и назначил встречу в аэропорту Шереметьево в 18.00 1 августа.

Вылетели ночью, а на рассвете наш самолет совершил посадку в Ташкенте. Через час снова взлет, и вскоре воздушное пространство СССР осталось позади, мы летели над Афганистаном. Как резко изменился пейзаж: сначала любовались снежными вершинами Гиндукуша, потом картина сменилась серым ландшафтом, чем-то напоминавшим лунную поверхность. Мелкие и редкие населенные пункты различались с трудом. Еще более редкими были крошечные островки зеленых насаждений. Нет ни рек, ни озер, ни полей, ни лугов, ни рощ, ни дубрав, чем богата и красива наша Родина. В небе нет и признаков облачности, абсолютная прозрачность огромного пространства и необыкновенная голубизна неба.

Наконец тишину в салоне нарушил голос бортпроводницы, извещивший о том, что наш самолет начинает снижаться и через 30 минут совершит посадку в аэропорту Кабула.

Взлет и посадка в Афганистане

Полковник в отставке Василий Леонидович Сысоев в 1955 году окончил Алма-Атинское пограничное училище, проходил службу во внутренних войсках МВД СССР командиром взвода, заместителем командира роты и батальона по политчасти, начальником политотдела полка, инструктором политотдела спецчастей ГУВВ МВД СССР, инспектором политуправления войск.

В 1984 — 1986 гг. являлся советником начальника политуправления МВД ДРА. Сегодня он делится воспоминаниями об этой своей командировке.

Награжден орденом Красной Звезды и афганским орденом Славы.

производятся так же, как во всех аэропортах мира, но есть одна особенность: при посадке, достигнув высоты примерно 6 тысяч метров, от бортов самолета начинается отстрел ракет, чем-то напоминающий праздничный фейерверк.

Температура горения ракеты выше температуры выхлопных газов двигателей. Таким образом, если в наш адрес будет запущена ракета "земля-воздух", она должна пройти мимо. При взлете, наоборот, отстрел начинается сразу после отрыва от земли и продолжается до набора нужной высоты.

И вот шасси касаются взлетно-посадочной полосы. Подали трап. Спускаемся на землю, в сухой зной. В тени плюс 47 градусов. Никто не встречает, лишь три суровых солдата грозно направили автоматные стволы в нашу сторону.

В здание аэропорта прошли пешком и там увидели знакомые лица. Встречал Виктор Васильевич Плешаков. С ним потом я проработал полтора года. Это была его вторая командировка в ДРА. Он чувствовал себя здесь как рыба в воде. Именно он помог мне быстро войти в курс дела. Виктор Васильевич активно поработал в Афганистане, часто бывал в провинциях, он стоял у истоков широкой пропагандистской работы среди населения. Вернувшись на Родину и уволившись в запас, он на протяжении многих лет работает вице-президентом Ассоциации воинов-интернационалистов органов и внутренних войск МВД СССР.

Становление политотдела

Два дня прошли в представлениях, знакомствах внутри нашего представительства. На третий день был визит к министру внутренних дел ДРА Саиду Мухаммаду Гулябзою. Представлял меня заместитель руководителя представительства Федор Андреевич Григорьев. Беседовали за маленьким столиком, были фрукты и чай. Министр произвел на меня

приятное впечатление. Одет был в белоснежную рубашку и безупречно отутюженный костюм. Выглядел молодо, но вел себя солидно, вместе с тем доброжелательно и вежливо.

В тот же день познакомились с начальником политуправления МВД ДРА Фаруком. Именно с ним мне предстояло работать два года в самом тесном контакте. С Фаруком мы сблизились быстро: по-моему, понравились друг другу и, как мне кажется, работали плодотворно.

Фарук был активным членом НДПА, близок к Бабраку Кармалю. В свое время он окончил медицинский факультет Кабульского университета, но рано занялся политикой, умел и любил публично выступать. Он и Гулябзой были активными членами ЦК НДПА, однако личные отношения их были не очень теплыми: они принадлежали к разным крыльям НДПА: Гулябзой — халькист, Фарук — парчамист. С фракционностью в партии нам, советникам, тоже пришлось вести борьбу.

Фракционность на первом этапе революции, тем более во время гражданской войны, несла существенный вред. Плюрализм хорош в развитом обществе, в условиях мира, демократии, законности. В революции, на войне необходимо единство. Иначе — поражение. Что и произошло на самом деле в ДРА.

Первые встречи, знакомства, впечатления позволили быстро изучить обстановку в стране. Все мне казалось необычайно интересным, хотелось быстрее включиться в конкретную работу. Дело тормозилось тем, что начальника политотдела представительства не было, я временно исполнял его обязанности, а политотдел как структура представительства только формировался — до моего приезда действовал лишь отдел по работе с личным составом, как это было в органах МВД СССР, во внутренних же войсках функционировали политорганы. Политотделы в полках и дивизиях были прежде всего руководящими органами партийных организаций и, кроме того, являлись ор-

ганизаторами политического, воинского и нравственного воспитания личного состава.

С этими же функциями создавался и политотдел представительства МВД СССР в ДРА. Мною были разработаны положение о политотделе, штатно-должностная структура. Она была максимально экономной: начальник политотдела, его заместитель, он же начальник отделения советников политуправления МВД ДРА, второе отделение (всего 3 человека) по работе с личным составом представительства.

В первом отделении обязательно были распределены следующим образом: я работал с начальником ПУ и заместителями, В. Плешаков — советник начальника отдела оргпарторганы, В. Романов — советник начальника отдела пропаганды и агитации, В. Смирнов — советник начальника отдела кадров политуправления, А. Смолинский — советник начальника секретариата, Алексеев — советник главного редактора журнала "Царандой", А. Чеботарев — советник молодежного отдела. Все работали добросовестно, безотказно, готовы были на любое задание, любую командировку, все заслужили государственные награды, после Афганистана продолжили службу во внутренних войсках и органах МВД, получили очередные воинские и специальные звания, более высокие должности. Почти с каждым из них мне приходилось бывать в боевых порядках. И в этих условиях все они вели себя мужественно, достойно.

Вскоре прибыл назначенный на должность начальника политотдела представительства МВД СССР Ян Георгиевич Малютин. Это — бывший партийный функционер, перешедший в конце карьеры в органы МВД, как нередко бывало, чтобы получить побольше и пораньше пенсию. Он не смог вписаться в коллектив, ему явно не хватало компетентности в делах, с которыми раньше он не сталкивался, не нашел он общего языка и с руководителями представительства. В июне 1985 года он был досрочно отозван. Я в тече-

184

ние почти года исполнял обязанности начальника политотдела.

Руководитель представительства МВД СССР в ДРА генерал-лейтенант Александр Матвеевич Логвинов поддержал мои начинания и, несмотря на различия в наших профессиях, некоторых человеческих качествах, мы с ним сработались. Александр Матвеевич — человек незаурядный, имел глубокие профессиональные знания и высокую компетентность, огромный опыт работы на руководящих должностях в органах юстиции и МВД. Даже его солидный и безупречный внешний вид мог внушить подчиненным уважение. Его хорошо знали высокопоставленные чиновники СССР в ДРА и афганцы. С ним я бывал на приемах у Бабрака Кармаля и Наджибуллы, у нашего посла Фикрята Ахметжановича Табеева, был в штабах у командующего 40-й армией генерал-полковника И. Родионова, главного военного советника генерала армии Григория Ивановича Салманова и многих других политических и военных руководителей.

Большим деловым авторитетом в представительстве пользовались заместители руководителя В. Максимов, П. Цыганков, Ф. Григорьев, начальники отделов В. Ладков, В. Баранов, советник командующего царандоем г. Кабула Н. Чергинец.

Николай Иванович Чергинец, полковник милиции (ныне генерал), из Минска, матерый оперативник. Его опыта хватит на троих, он еще и литератор, написал более десятка книг о милиции.

Словом, я познакомился с многими замечательными соотечественниками и афганцами, с людьми, с которыми надо было преобразовывать мир социальным трудом на той земле, где шла война.

Что не проходили в военном училище

1984—1986 гг. Из 29 провинций Афганистана контролировались законной властью 24, где были маленькие гарнизоны наших советников в царандое. Жили эти

15—25 человек на небольших виллах, огражденных от внешнего мира, охраняли сами себя. Если рядом дислоцировалась советская воинская часть или подразделение, то безопасность более-менее гарантировалась. В других случаях полагаться приходилось на оперативный батальон царандоя, который поможет в случае нападения моджахедов.

Одна из первых моих командировок была в провинцию Газни. Прилетел туда с небольшой группой представительства.

Прибыв на виллу, где жили наши советники, я осмотрел "апартаменты". Все готово к обороне: на крыше верранды установлен крупнокалиберный пулемет, окна заложены мешками с песком. Примерно в 2 км от виллы — оперативный батальон царандоя.

Стемнело. Едва мы закончили скромный ужин, как по нам был открыт артиллерийский и пулеметный огонь, причем довольно плотный, высунуть нос было невозможно. Кое-как связались по радио с оперативным батальоном и попросили открыть огонь по нападавшим. Но кто напал, какими силами, с какого направления — мы не знали, не знало и командование оперативного батальона. Ответный огонь открыли из единственного миномета, вышла одна мина, через минуту-другую комбат доложил, что миномет взорвался, около него находилось шестеро офицеров и все они погибли. Один наш офицер залез на крышу, открыл огонь из крупнокалиберного пулемета, он по следам трассирующих пуль примерно видел, откуда ведется огонь противника, и отвечал короткими

очередями. Так продолжалось до самого рассвета, стреляли мы, стреляли по нам, стреляли из оперативного батальона. С рассветом все стихло. Я выехал в оперативный батальон, мост через небольшую речку был разрушен снарядом, мы остановили машину и добрались до батальона пешком. Первое, что я увидел, ступив на территорию военного городка, — шесть трупов, сложенных рядышком. Как могло такое случиться? Вероятно, в результа-

Выставка трофеев после успешно проведенной операции. На снимке: полковники В. Сысоев, Н. Чергинец, подполковник А. Лопатин

те необученности офицеров была насажена мина на мину.

Шифровкой я доложил руководителю представительства о случившемся и попросил пару вертолетов для отправки погибших и эвакуации раненых. Оправившись от потрясения нелепостью случившегося, собрал афганских офицеров, попросил показать, как они владеют приемами стрельбы из стрелкового оружия, из гранатомета и миномета. Все они были элементарно не обучены. Посоветовал комбату организовать занятия по огневой подготовке со всем личным составом, доведя до автоматизма приемы стрельбы, дал кое-какие методические советы. Но многого сделать было невозможно: ни необходимых учебных пособий, ни материальной базы, ни стрельбища,

ни учебных полей или хотя бы учебных точек не было.

До наступления следующей ночи к отпору подготовились немножко получше. Заранее оборудовали огневые точки, были определены наиболее вероятные направления нападения, проведены боевые расчеты. В наступившую ночь не было ни одного выстрела, мы хорошо выспались.

В дальнейшем такой сценарий часто повторялся. Моджахеды всякий раз, видя высадку людей из Кабула, непременно подвергли обстрелу нашу виллу именно в первую ночь, скорее всего имея цель психологического воздействия, давая понять, что мы тут не хозяева.

Мне известно несколько случаев, когда ночные обстрелы приводили к гибели, контузии, ранениям наших людей. Случаев непосредственного нападения на наш маленький гарнизон мне не известно — видимо, моджахеды понимали, что в непосредственной близости наши ребята из Ограниченного контингента могут оказать должное сопротивление. У всех нас было автоматическое оружие ("калашников") и "малая артиллерия" — РГД и Ф-1, в некоторых провинциях непосредственно во дворах наших вилл стояли БТРы с соответствующим вооружением, БРДМы.

Словом, на войне как на войне.

Нет ничего проще, чем управлять государством

По долгу службы мне приходилось еженедельно устно или письменно информировать о состоянии дел в министерстве и политуправлении советника генерального секретаря НДПА Виктора Петровича Поляничко. При первом знакомстве с этим человеком он показался мне сухим, даже суровым, крайне экономным на слова, флегматичным, лишенным эмоций. Выглядел он старше своих лет, несколько тучным, сидел, обычно развалившись в кресле, не вставал и не здоровался за руку. По мере дальнейшего об-

щения он мне нравился все больше и больше: умный, рассудительный, добрый.

Однажды мы пригласили его к нам в представительство прочесть лекцию для личного состава об Афганистане. Я был в восторге от его эрудиции, глубоких знаний об этой загадочной стране.

Позже я узнал, что до командировки в Афганистан Виктор Петрович работал на высоких партийных должностях, был заместителем заведующего отделом пропаганды и агитации ЦК КПСС, секретарем Оренбургского обкома КПСС. После возвращения из Афганистана был избран вторым секретарем ЦК КП Азербайджана, потом был назначен заместителем председателя Совмина Российской Федерации. Как известно, он был злодейски убит во время осетино-ингушского конфликта. С большой горечью узнал о его гибели. Кому мог перебежать дорогу этот умный, добрый, славный человек? Непостижимо. Кажется, и по сей день никто не знает, кто убил Виктора Петровича, его самого забыли. Я же его вспоминаю часто с самыми добрыми чувствами и вовсе не потому, что он был для меня большим начальником, а в первую очередь потому, что он был порядочным, честным, интересным человеком, незаурядной личностью...

Как-то раз он позвонил мне и попросил срочно приехать. Оказалось, что вызвал он меня для инструктажа. Примерно через месяц планировалось заседание политбюро ЦК НДПА, на котором будут заслушаны десятиминутные доклады министра внутренних дел ДРА Гулябзоя и начальника политуправления МВД ДРА Фарука. Виктор Петрович обязал меня взять под контроль резолюции политбюро ЦК НДПА по обсуждаемому вопросу. Слова "взять под контроль" почти означали, что данные документы должен был подготовить я.

Задание есть задание. Доклады и проект резолюции были подготовлены в срок, и я поспешил к Виктору Петровичу на первое чтение. Я полагал, что Поляничко прочтет мои труды, сделает заме-

чания и вернет документы для доработки. Однако окончив чтение, он всего лишь сказал: "Хорошо, спасибо" — и отложил документы в сторону. В представительство я ехал в приподнятом настроении.

Но другое дело само заседание политбюро. В назначенный срок министр, начальник политуправления, заместитель руководителя представительства Н. Руденко и я прибыли во дворец Б. Кармаля. За широким и длинным столом сидели все члены политбюро, секретари ЦК НДПА, министры, силовики, начальники политуправлений и их советники. Вел заседание Бабрак Кармаль. Рядом с ним сидел чрезвычайный и полномочный посол СССР в ДРА Табеев. Поляничко сидел в стороне от стола в кресле.

Все шло как по маслу: доклады, выступления, заключительное слово Бабрака Кармаля, еще одно — Табеева, чтение резолюции. Все это длилось восемь часов с короткими перерывами через 2—2,5 часа. По окончании заседания, садясь в машину, я произнес вслух: "Нет ничего проще, чем управлять государством".

У нас в гостях Наджибулла

Руководство представительства МВД СССР в ДРА поддерживало постоянное тесное взаимодействие с ХАДом ДРА (комитет государственной безопасности). Его председателем до 1986 года был молодой генерал-лейтенант Наджибулла, одновременно он являлся членом политбюро НДПА — по аналогии с нашей тогдашней партийной и государственной структурой.

Несмотря на молодость, Наджибулла выгодно выделялся среди членов политбюро и министров. Это был широкоплечий крепыш среднего роста, с крупными чертами лица, с огромными умными, выразительными и добрыми глазами. Даже при первом знакомстве я уловил в его глазах доброжелательность, искренность. В нем не было никакого самолюбования, но вместе с тем держал он

На снимке (слева направо): президент ДРА Наджибулла, министр внутренних дел ДРА генерал-полковник Гулябзой, первый заместитель начальника политуправления МВД СССР генерал-майор Ю.Томашев. Кабул, 1985г.

себя достойно, был нетороплив, внешне солиден и красив.

Однажды на коллегии министерства я слушал его речь без переводчика и многое понимал по скупым жестам, интонациям, музыке речи. Словом, Наджибулла нравился всем. Поэтому известно о том, что он избран генеральным секретарем ЦК НДПА, президентом Афганистана, было воспринято с одобрением как народом Афганистана, так и нами, советниками. Все наши советники связывали с Наджибуллой крутой поворот в решении афганского кризиса, говорили о скором окончании войны, достижении национального согласия, о скором выводе наших войск.

Буквально в первые дни пребывания на самых высоких должностях Наджибулла нанес визит сначала в наше представительство, а потом и в министерство внутренних дел. Мы подготовили для президента тезисы выступления перед нашими товарищами, а я должен был выступить с ответной речью. Вот такая честь!

Поскольку мы Наджибуллу неплохо знали в бытность его министром, встречу готовили спокой-

но, без ажиотажа и суеты, составили небольшой сценарий, обговорили организационные вопросы, и встреча получилась непринужденной, теплой, без излишней помпезности. Было много журналистов.

В назначенное время в министерство, где мы, советники, собрались, приехал Наджибулла, причем без охраны, без сопровождения. Зашли в комнату для президиума, выпили по чашечке чая и точно минута в минуту начали встречу.

Президент тепло поприветствовал нас, зачитал текст подготовленной речи, дал высокую оценку работе Министерства внутренних дел, много лестных слов сказал в адрес представительства МВД СССР, каждого нашего сотрудника. Пожелал дальнейших успехов в нашей деятельности и скорого возвращения на Родину.

Потом слово было предоставлено мне. Я хорошо понимал и торжественность момента, и политическую и деловую значимость встречи. Может быть, поэтому речь моя была несколько пафосна, эмоциональна, содержала несколько преувеличенные прогно-

зы дальнейшего сотрудничества СССР и Афганистана, наших министерств.

Выступления наших сотрудников звучали в одной тональности, с заверениями преданности, с надеждами на самые добрые и скорые преобразования в ДРА, на скорый мир и вечную советско-афганскую дружбу. Это были искренние слова и чувства, они охватили весь наш коллектив, в нас крепла вера в скорый мир, готовность к выполнению самых серьезных, сложных задач.

Из газет, радио и телевидения мы знали, что и наша страна на переломе, к власти пришел молодой, энергичный М.С.Горбачев, многие смотрели на него как на мессию, ждали кардинальных, мудрых решений, в том числе и по Афганистану.

Но проходили недели, месяцы, а дела шли хуже прежнего: активизировалась афганская оппозиция в Пакистане, караваны с оружием шли свободно, у моджахедов появились американские «стингеры», летать стало еще опаснее.

В 1986 году мятежниками были захвачены такие, нам казалось, надежные провинции, как Кундуз и Нангархар, из некоторых других мы вынуждены были вывести советников. Словом, обстановка резко осложнилась, а решений на высоком уровне не было ни в СССР, ни в ДРА. Зато в нашей стране началась кампания по борьбе с пьянством. Это чем-то напоминало известную борьбу с воробьями в Китае. Не было больше проблем?!

Не было мудрым и решение о выводе войск в 1989 году — бросили Наджибуллу на произвол судьбы, без моральной, материальной и военной помощи, даже после отстранения от власти могли бы позаботиться о личной его безопасности. Кончилось тем, что Наджибулла был казнен талибами самым диким, сверхжестоким способом.

(Окончание следует)

Уроки прошлого

СТРОГАЧОМ ПО РЕФОРМАМ

Полковник в отставке Федор Григорьевич Коптев отслужил во внутренних войсках без малого три десятка лет. Повидал на своем веку всякое: от первого дня до последнего прошел Великую Отечественную, встречался с легендарным военачальником маршалом Г.К. Жуковым, пережил в войсках не одну реорганизацию. А в конце службы ему довелось осуществлять хрущевские реформы во внутренних войсках. О том, как пытались реорганизовать войска правопорядка на рубеже 50-х — 60-х годов и что из этого вышло, восьмидесятитрехлетний ветеран рассказал нашему корреспонденту.

В августе 1957 года я, полковник и командир расквартированного в ГДР 105-го Краснознаменного мотострелкового полка войск МВД, получил неожиданное предложение — стать помощником первого заместителя министра внутренних дел СССР. Перспективы службы в столице были заманчивы. Но смущала необходимость находиться у кого-то в услужении, как мне представлялось, на побегушках.

Но когда узнал, к кому планируюсь в помощники, мои опасения вмиг рассеялись. На должность первого заместителя министра внутренних дел был назначен Герой Советского Союза генерал-полковник С.Н.Переверткин — известный в армейских кругах военачальник. В годы войны боевой генерал ко-

мандовал стрелковым корпусом, бравшим Берлин и штурмовавшим рейхстаг. А еще он был в дружеских отношениях с маршалом Г.К. Жуковым, из-за чего милицейское начальство воспринимало это назначение с настороженностью: что ждать от армейского генерала?

В то время министром внутренних дел СССР был Н.П. Дудоров — человек сугубо гражданский, не имевший ни воинского, ни специального звания. Бывший строитель, возглавлявший до этого отдел строительства ЦК КПСС, он, естественно, слабо разбирался во всех тонкостях и премудростях служебной деятельности правоохранительного ведомства. К нему-то и назначили первым заместителем генерала Переверткина, человека до мозга костей воен-

ного, опытного организатора и руководителя армейского магштаба. Делалось это с целью укрепления высшего управленческого звена министерства, а также для руководства подведомственными войсковыми формированиями — пограничными, внутренними и военно-строительными войсками — и координации их взаимодействия между собой и с органами внутренних дел.

Напутствуя меня к новому месту службы, начальник войск генерал С.И. Донсков дал мне положительную аттестацию: «Правильно нацеливает свой штаб, политотдел и службы полка на решение задач, стоящих перед полком». Однако мои новые обязанности мало чем походили на то, о чем писал в характеристике начальник войск. Ко-

роче говоря, мои полномочия были несколько расплывчатыми, не ограничивались строгими рамками и формулировались примерно так: поддержание постоянной деловой связи с руководством министерских главков, сбор и обобщение материалов, касающихся всех сторон жизни и деятельности войск, подготовка документов к совещаниям, контроль за реализацией принятых решений и многое другое. Кроме того, приходилось постоянно сопровождать моего шефа, довольно часто выезжавшего с инспекторскими проверками в войска. Работы в таких случаях прибавлялось вдвойне. Помимо сбора и обобщения материалов о состоянии дел в частях, приходилось решать массу других вопросов, не связанных с моими официальными обязанностями. А это и хлопотно, и занимало уйму времени.

Так что работы, как я вскоре убедился, было непочатый край. Не меньше чем у командира полка. Особенно утомляла бумажная круговерть — подготовка огромного количества всевозможных докладных, справок, предложений, проектов решений и т.д. Объяснялось это тем, что с середины 50-х годов войска захлестнул вал реорганизаций. Их суть, порой доведенная до абсурда, была просто непостижима. Вот только несколько характерных примеров. В 1953 году, после слияния Министерства внутренних дел и Министерства госбезопасности в единое МВД СССР, в его составе для руководства войсками создается Главное управление внутренней и конвойной охраны (ГУВКО). Спустя три года — в июне 1956-го — ГУВКО сливается с Главным управлением пограничных войск в единое руководящее структурное подразделение министерства — Главное управление по-

граничных и внутренних войск (ГУПВВ) МВД СССР. А через девять месяцев — в марте 1957 года — пограничные войска со всем управленческим аппаратом и материально-технической базой передаются в ведение КГБ СССР. Наш войсковой

ного МВД и передача его функций республиканским министерствам. В результате войска оказались раздробленными по союзным республикам и центрального подчинения у них не стало. Гражданского министра Н.П. Дудорова вновь отправили

Первый заместитель министра внутренних дел СССР генерал-полковник С.Н. Переверткин (в центре) и его помощник полковник Ф.Г. Коптев (слева) в одной из частей внутренних войск, дислоцированных в ГДР (50-е годы)

главок уже в который раз вновь реорганизуется и переименовывается в Главное управление внутренних и конвойных войск (ГУВКВ). Вся эта сумятица отрицательно сказывалась на качестве управления войсками, что в свою очередь не способствовало успешному выполнению служебно-боевых задач. На мой взгляд, субъективный подход к проведению подобных реорганизаций, несомненно, отрицательно сказался на всем развитии войск и привел их к началу 60-х годов в плачевное состояние.

Завершающим этапом реформирования правоохранительных органов, а точнее, их разрушения явилась ликвидация союз-

руководить производством строительных материалов. Его первый заместитель генерал С.Н. Переверткин вернулся в Министерство обороны. К сожалению, он вскоре погиб в авиакатастрофе. А меня за полгода до ликвидации союзного МВД назначили начальником оргмоботдела войскового главка.

Лишившись централизованного руководства и войдя в подчинение республиканских МВД, воинские формирования стали постепенно превращаться в некое подобие ВОХР. Даже в их наименовании было официально закреплено слово «охрана». Например, созданное в МВД РСФСР структурное под-

разделение для руководства войсками называлось так — Управление внутренних войск, конвойной охраны (УВВВико). Около года его возглавлял генерал-майор Г.И. Алейников — очень грамотный, подготовленный в военном отношении и внимательный к людям руководитель. Офицерский коллектив управления его очень уважал. Все служебные вопросы при нем решались по-деловому, без крика и ненужной нервозности. Алейников неоднократно делал попытки превратить внутреннюю и конвойную охрану в полноценные внутренние войска. Но, к сожалению, в 1961 году его перевели в погранвойска, и все осталось по-прежнему.

После Алейникова начальником войск и охраны республиканского министерства был назначен генерал-майор Н.И. Пильщук — политработник с двадцатилетним стажем. С офицерами управления он разговаривал свысока, обрывал их на полуслове, называя при этом бездельниками. Чужое мнение не принимал в расчет, даже если оно выглядело более разумным, чем его собственное. И со мной, своим однокашником по Военному институту МГБ, вел себя высокомерно и грубо. Но однажды крутой нрав генерала сыграл с ним злую шутку. А случилось вот что.

Глобальные реформы всего госаппарата, проводимые Н.С. Хрущевым, затрагивали и войска. Нам предстояла большая работа по реорганизации существовавшего на тот период разномастного войскового организма. Планировавшуюся перестройку решили провести с максимальной пользой для войск.

Дело в том, что после 1951 года, когда войска были значительно сокращены, из-за неадекватности некоторых руководителей их неуклонно

превращали в некое полувоенное охранное формирование. В результате произошло ослабление общевоинских начал в строительстве и ухудшение контактов с армейскими структурами. Продолжала снижаться численность войск. Хроническая нехватка людей приводила к огромной служебной нагрузке на личный состав. Все эти факторы вызвали серьезное беспокойство у войскового руководства всех уровней и желание как можно быстрее выйти из кризисного состояния.

К слову сказать, одна из первых попыток поднять войска на должный уровень была предпринята еще в конце 1957 года. Тогда мы, не особо надеясь на успех, рискнули подготовить аргументированное письмо во властные структуры за подписью министра. В документе излагались предложения о некотором увеличении численности войск, улучшении их оснащения, ликвидации чрезмерной нагрузки на личный состав, несущий караульную службу — основной вид деятельности войск.

Министр внутренних дел Н.П. Дудоров направил документ в правительственные инстанции. Однако в верхах реакция на наши предложения была резко отрицательной: вооруженные силы значительно сокращаются, а тут какая-то конвойная охрана собирается расширяться и военизироваться.

И вот теперь вновь решили вернуться к наболевшему вопросу. Подстегивало и то обстоятельство, что в верхах вдруг приняли решение передать в состав войск ведомственную конвойную охрану исправительно-трудовых лагерей и колоний, которая с 1956 года комплектовалась по призыву из числа ограниченно годных для строевой службы. Какие из нестроевиков воины, говорить не

приходится. Но делать нечего. Надо приводить их к “нормальному бою” — превращать в хвосты в настоящих солдат правопорядка. Прежде всего порешили переформировать малоэффективную охрану в настоящие войска с армейской структурой, дисциплиной и уставным порядком.

Вновь подготовили письмо в ЦК КПСС и Совмин за подписью министра с предложениями привести организационно-штатную структуру внутренней и конвойной охраны в соответствие с армейскими нормами. В первую очередь предлагалось назвать ее по-военному — внутренними войсками МВД РСФСР. Существовавшие на тот период отделы, отряды, дивизионы переименовать соответственно в дивизии, полки, батальоны, вооружить их современным стрелковым оружием и техникой.

На сей раз докладная дошла по назначению и легла на стол первого секретаря ЦК и председателя Совмина Н.С. Хрущева. Ознакомившись с документом, глава государства наложил резолюцию: “Одобрить предложения Министерства внутренних дел Российской Федерации”. Поддержка первым лицом государства нашей инициативы окрылила руководство министерства и командование войск. И они, не дожидаясь официальных правительственных решений, опометью кинулись ковать железо, пока горячо — претворять задуманное в жизнь.

Вспоминаю, как меня однажды вызвал к себе в кабинет начальник управления генерал-майор Н.И. Пильщук и торжествующим голосом произнес:

— Есть решение о реализации наших планов по реорганизации войск.

— А что, — спросил я, — на этот счет имеется постановление

ние ЦК и Совмина или всего лишь резолюция?

— Не важно, — раздраженно бросил генерал и, указав пальцем в потолок, добавил: — Есть добро самого... А посему будем немедленно приступать к реорганизации.

Но я не отступал и продолжал убеждать начальника войск в том, что столь серьезное мероприятие необходимо согласовать с Совмином, Минобороны, Госснабом, Минфином, другими государственными учреждениями, так как подобная реорганизация повлечет за собой значительное увеличение численности войск, огромные затраты на вооружение и материально-техническое обеспечение. Но генерал оборвал мои рассуждения на полуслове и в приказном тоне потребовал немедленно начать пересмотр штатов. На эту работу у нас ушло три месяца напряженного труда всего оргмоботдела. И списав горы бумаги, истратив сотни метров пишущей ленты и изрядно попортив друг другу нервы, справились с заданием раньше срока. Пильщук отвел нам на все дела до полугода.

Потрудившись по-стахановски, организационную структуру сделали, как в армии: отделы внутренней и конвойной охраны стали дивизиями внутренних войск, в состав которых вошло по нескольку полков — бывших отрядов. Там же, где была необходимость, вместо недоукомплектованных дивизионов предусматривали отдельные батальоны с необходимыми подразделениями обеспечения. И так до самого низа — до взвода и отделения включительно.

В один из дней мы с начальником войск, загрузив в машину огромные стопы толстенных дел с переработанными штатами соединений и частей, поехали к министру — генералу внутренней службы второго ранга

В.С. Тикунову для утверждения. В его кабинете папки с документами завалили весь огромный стол для совещаний.

Тикунов смотрел на эти бумажные горы с недоумением. А начальник войск ему бодро доложил:

— Товарищ министр, ваше указание выполнено — штаты войск переработаны по единому общевоинскому принципу.

— Постойте. Как это переработаны? — удивился Тикунов. — Что, разве есть на этот счет правительственное постановление или хотя бы его проект? Насколько мне известно, такого документа мы не готовили.

Министр говорил как раз о том, что я ранее растолковывал Пильщuku. Тогда начальник войск начал настойчиво убеждать Тикунова: мол, если есть резолюция самого Хрущева, то остальное дело техники. Но я понял, что мы попали впросак. Однако за своего начальника, с легкой руки которого в войсках уже развернули подготовительные мероприятия по реорганизации, решил стоять до конца. Министр не без колебаний согласился подписать все необходимые документы, сказав при этом, что пока будем считать его подпись условной. И пригрозил:

— Как только со стороны Минобороны или других ведомств будут какие-либо возражения, заставлю вас все возвращать к старому.

В войсках к реформированию приступили с энтузиазмом. В короткий срок появились дивизии и полки внутренних войск. Слово «охрана» напрочь исчезло из действительных наименований частей и соединений. Но радовались успеху недолго. Как только мы направили заявку в Министерство обороны на дополнительный призыв в войска, сразу же получили отказ. И в верхах реакция на наши «ре-

формы» тоже оказалась, мягко говоря, неодобрительной. Вооруженные силы страны, в соответствии с международными соглашениями, сокращаются на 1,2 миллиона, а внутренние войска, как бы вразрез с договорами, собираются бряцать оружием.

Репрессивные меры в отношении нашего руководства последовали незамедлительно. Министра внутренних дел и начальника внутренних войск вызвали на заседание ЦК и Совмина, где им за допущенные ошибки и непонимание международной политической ситуации было объявлено по строгому выговору.

После такого оборота дела все, что уже было сделано по реорганизации охраны в полноценные войска, пришлось отменять и возвращаться к прежнему — к внутренней и конвойной охране и полувоенной структуре — отделам, отрядам, дивизионам и командам. Мало того, само МВД обрело странную и малопонятную аббревиатуру МООП — Министерство охраны общественного порядка. Генерал Пильщук, побывший как бы на нелегальном положении начальником внутренних войск всего около четырех месяцев, продолжал руководить внутренней и конвойной охраной еще шесть лет. Но после строгача с подчиненными стал разговаривать мягче и корректнее.

Мне же свои воспоминания хочется закончить словами нашего недавнего «красноречивого» премьера: «Хотели как лучше, а получилось как всегда...».

**Записал
полковник Николай СыСОЕВ**

Фото из домашнего архива
Ф.Г.Коптева

ЧЕЧНЯ И ЧЕЧЕНЦЫ: 200 ЛЕТ НАЗАД

Тревожные события в Чечне, нынешняя беспокойная ситуация на Северном Кавказе заставляют нас все чаще обращаться к истории непростых взаимоотношений между Россией и многочисленными горскими народами, насчитывающей не одно столетие. К сожалению, большинство документальных свидетельств современников прошлого до сих пор остаются невостребованными. Одно из таких забытых исследований жизни и быта горцев — книга генерал-лейтенанта С.Б. Броневского «Новейшие географические и исторические известия о Кавказе», изданная в двух частях в Москве в 1823 году.

Прежде чем познакомить читателей с главой, посвященной чеченцам, приведем некоторые страницы богатой событиями биографии автора любопытного исследования жизни и быта горских племен начала прошлого века генерал-лейтенанта Семена Богдановича Броневского.

РЕТРОСПЕКТИВА

В 1803 году выпускник Гродненского кадетского корпуса семнадцатилетний прапорщик Броневский получил назначение в Нижегородский драгунский полк, расквартированный в предгорьях Кавказа. Военную карьеру будущий исследователь начинал не придворным плац-парадным шаркуном, а боевым офицером под пулями горцев. Жаркие стычки с бандами абреков, в которых довелось участвовать драгунскому прапорщику, происходили, как сказано в записках Броневского, "между Чегемом и Шалухою, за рекой Баксаном и вплоть до урочища Кисбурун, когда закубанские (горские.— Ю.Б.) народы сделали вторжение в границы наши". Вскоре храбрость и неустрашимость молодого офицера были отмечены "высочайшим благоволением" самого императора Александра I. Вслед за этим открылись и новые перспективы служебного роста.

Затем прапорщик Броневский некоторое время служил в одном из самых боевых подразделений русских войск на Кавказе — обсервационном отряде под началом генерал-лейтенанта П.М. Капцевича, будущего командующего внутренней стражей России. Главной задачей отряда являлось наблюдение и разведка местности, перекрытие вероятных путей прорыва банд немирных горцев и их уничтожение. Из этого следовало, что будничная жизнь офицера протекала в походах и боевых делах, постоянных разъездах и отражениях набегов бандитов. Напряженная обстановка требовала от молодого офицера немало самообладания, храбрости и отваги. Судя по всему, он не был лишен этих качеств, присущих человеку военному. Вместе с тем, кроме храбрости и отваги, его отличали такие черты характера, как наблюдательность и серьезный анализ событий, в которых доводилось участвовать самому, либо быть

сторонним свидетелем. А еще Броневского неудержимо тянуло к книгам — старинным фолиантам и манускриптам — свидетелям далекого, загадочного и поучительного прошлого. Вот что на этот счет писал он после персидского похода: "В праздные от военных занятий минуты рылся бесполезно в книгах, с трудом доставаемых, дабы познаться с землею, куда судьба меня завела на службу". Однако занятия эти оказались далеко не бесполезными. Изучение трудов известных путешественников, беседы со старослужащими, общение с местными жителями навели этого человека на мысль заняться систематизацией своих записок. В своем увлечении молодой офицер был не одинок. По его свидетельству, в то время многие русские офицеры, служившие на Кавказе, заводили знакомства с местными старейшинами и "занимались учеными прениями со стариками-философами". Но Броневский не ограничился простым любопытством и пошел дальше своих сослуживцев — поставил перед собой цель в будущем издать серьезный научный труд.

Еще больше возможностей в плане накопления материалов о Кавказе дала будущему генералу двухлетняя служба в Грузии в качестве "правителя дел при Главнокомандующем генерале князе Цицианове", а также непродолжительная работа в Департаменте иностранных дел. Но, к сожалению, работа по подготовке собранного материала к публикации все откладывалась. В 1808 году Броневский получает предложение командующего Отдельным Сибирским корпусом генерал-лейтенанта Г.И. Глазенапа стать его адъютантом. Боевой генерал до этого возглавлял Кавказскую линию, был шефом "гордости и радости русской кавалерии" — Нижегородского драгунского полка и хорошо знал автора будущего

научного трактата. Гадать о том, как сложилась бы дальнейшая судьба офицера-кавказца, не дай он согласия на перевод в Сибирь, занятие бесполезное. Возможно, он добился бы в своей военной карьере большего. А может быть, пуля горца оборвала бы его жизнь, не дав осуществиться задуманному. Как бы там ни было, но ровно через десять лет корпусной адъютант возглавит только что образованную Омскую область. А еще через пятнадцать — по личному указанию Николая I станет генерал-губернатором Восточной Сибири.

Однако мысль о написании научного трактата о Кавказе не покидала Броневского все эти годы. Несмотря на огромную занятость по службе (кроме губернаторства он еще был атаманом Сибирского казачьего войска и начальником штаба Отдельного Сибирского корпуса), Семен Богданович находил время для обработки собранного огромного материала. Наконец в 1823 году многолетний труд увидел свет.

В предисловии к исследованию автор пишет: "Наконец-то поощряем Высочайшим Его Императорского Величества благоволением к труду моему, решился я издать оный в настоящем виде под названием: "Новейшие географические и исторические известия о Кавказе". С научным исследованием ознакомился сам император и, по свидетельству современника, "всемилоостивейше назначил особый пенсioen как знак монаршей оценки способностей и заслуг Броневского, чем успокоил и облегчил последние дни его".

Многолетняя "отлично-усердная и ревностная служба" генерал-лейтенанта С.Б. Броневского государю и Отечеству была оценена по достоинству. Его парадный мундир украшали восемь орденов, среди которых такие высокие награды, как Бельый Орел, Св. Георгий и Св. Владимир. Сыновья генерала,

Григорий и Николай, в знак уважения заслуг их отца, были приняты на учебу в Пажеский корпус на казенное содержание.

Но вернемся к "Новейшим географическим и историческим известиям о Кавказе". Глава "Чеченцы, или шешены" в интересах сохранения колорита эпохи дается без литературного редактирования, с небольшими купюрами, без комментариев и исторических параллелей. Читатель сможет провести их сам.

"Чеченцы называются также соседними народами мычкизами. Земли чеченские гористы и пересекаемы множеством горных протоков и водороев, образующих глубокие ложбины и тесные проходы, которые служат чеченцам вместо крепостей для охранения от внешнего неприятеля. Между кистинскими наречиями чеченский диалект наиболее разнствует (отличается. — **Ю.Б.**) от коренного языка, а нравы сего колена отличаются от всех кавказских народов злобою, хищностью и свирепым бесстрашием в разбоях, составляющих главное ремесло чеченцев. По сей причине соседство их с российскими границами почитается весьма беспокойным, так что сношений с ними других не бывает, кроме воинских или временной и притворной их покорности, которая при первом удобном случае опять превращается в необузданную наглость. Со времени императора Петра Великого для усмирения чеченцев предпринимаемы были неоднократные воинские поиски, из коих знатнейшие учинены в 1718 и 1722 гг. казаками Войска Донского внутри жилищ их на Сунже и Аргуни, равно как в 1758 г. регулярными войсками, и после каждого поиска чеченцы приведены были к присяге.

Генерал-майор де Медем в 1770 году, покорив сунженских чеченцев оружием, принудил их дать аманатов (заложников. —

Ю.Б.), и чеченцы сии потому названы мирными. Когда в 1785 году появился у них известный лжепророк Ших-Мансур, возмущавший горские народы против России, то послан был на Сунжу отряд войск до трех тысяч под командою полковника Пиеррия, который по неосторожности, столь часто вредящей мужеству, зашел в лесные дефилеи (ущелья. — **Ю.Б.**), оставя тыл свой без прикрытия, отчего сей поиск был неудачен, и отступление последовало с нарочитою потерею по числу отряда, причем большая часть офицеров и сам начальник остались на поле сражения. Такой успех обольстил чеченцев суеверным в них самонадеянием, что они непобедимы и даже невредимы, по словам Ших-Мансура, от пушечных ядер. Но вскоре жестокие поражения, ими претерпенные от российских войск, умерили испугленные новых поборников мусульманства, доказав им наглую ложь их проповедника, который и сам попал в плен при взятии Анапы. В сих последних годах (1807) генерал Булгаков наиболее причинил им урона, покорив три независимые общества: Большую Атагу, Малую Атагу и Гихи, с приписанными к ним деревнями, взяты аманаты. Так как чеченцы, беспрестанно переходя в российские границы, производят воровство и разбои, то признано за нужное от времени до времени наводить на них страх, заставляя их помышлять о собственных своих жилищах. Однако чеченцы, перестроивши плешневые (голые места среди леса и гор. — **Ю.Б.**) свои деревни в несколько недель, опять принимаются за то же ремесло, не щадя ни христиан, ни магометан и убивая купцов и проезжих, если кого не могут захватить в плен.

Чеченцев можно разделить по приличию: 1) на мирных, 2) независимых и 3) на горных чеченцев (иксары мычкиз)...

Всех деревень, принадлежа-

щих независимым и горным чеченцам, числится до 50. Они-то, славнейшие на Кавказе разбойники, приходят к российским границам малыми шайками от 5 до 20 человек. Раздевшись у Терека, кладут платья и оружие в кожаные мешки (шулуки), с помощью коих переплывают на ту сторону реки, и живут по нескольку дней в камышах и кустарниках, подстерегая неосторожных путешественников или работающих в полях худо вооруженных земледельцев. Как скоро захвачена добыча, перевязывают пленника под пахи длинную веревкою и тащат за собой через Терек вплавь. Буде же он не умеет плавать, всячески ему помогают и не допускают утонуть, подвязывая под него вышеупомянутые мешки, крепко платьем набитые вместо пузырей. Потом завязывают ему глаза и, посадив на лошадь, возят взад и вперед по горам и лесам, но не вдруг привозят до назначенного места, дабы рассеявши таким образом внимание пленника, отнять у него все способы к побегу. Ежели пленник значущий (знатный. — **Ю.Б.**) или зажиточный человек, офицер, купец, словом, такой, за которого могут получить большой выкуп, то приковывают его за шею, за ногу и за руку к стене, худо кормят, не дают спать и потом через несколько дней приносят бумагу, перо и чернила и приказывают ему писать куда знает письма, с объявлением назначенной выкупной цены. Письма через третьи руки немедленно доходят в российские границы. Коль скоро они получают от посредника своего обнадеживание, что мученик их произвел сожаление и есть надежда, что будет выкуплен, дают ему несколько свободы, хорошо кормят и стараются о сохранении его здоровья. Но буде пленник из простых людей, не стоящих труда, чтобы их мучить, то годных к продаже отвозят в Андреевскую деревню, главную в сей

РЕТРОСПЕКТИВА

стороне ярманку, а старых и увечных определяют в пастухи, которые, обжившись там, нередко женятся и остаются на всегдешнее жительство.

Таково главнейшее упражнение чеченцев, обнаруживающее зверский их образ жизни в высшей степени. Мирные чеченцы, не смея то же делать явным образом, помогают своим соседям, покрывая их разбои, и хотя с некоторого времени не могут они хвалиться удачею, по осторожности воинской стражи, наипаче со стороны гребенских казаков, совершенно испытанных в чеченских условиях, однако не отстают от ремесла предков своих, как будто вместо наследства им оставленного.

Чеченцы не имеют своих князей, коих они в разные времена истребили, а призывают таковых из соседственных владений, из Дагестана или Лезгистана, наипаче от колена аварского хана. Но сии князья мало пользуются доверительностью и уважением...

Дружба (куначество) и гостеприимство соблюдаются между ними строго по горским правилам, и даже с большею против прочих народов разборчивостью: гостя в своем доме или кунака в дороге, пока жив, хозяин не даст в обиду. Из ружья стреляют метко, имеют исправное оружие и сражаются большей частью пешие. В сражении защищаются с отчаянною храбростию, которую можно назвать ожесточением, ибо никогда не отдаются в плен, хотя бы один оставался против двадцати. И буде кому случится нечаянно быть схвачену, такая оплошность причитается семейству его в поношение...

В образе жизни, воспитания и внутреннего управления чеченцы поступают как следует отчаянным разбойникам. Но взяв сию разбойничью республику в политическом ее составе и в сношении с соседями, по примеру других подобных же на

Возвращение горцев с набега

Кавказе республик, только в степени злодейств от чеченцев отличных, должно бы ожидать, что для собственной безопасности они будут стараться о сохранении с какой-либо стороны дружественных связей и доброго соседства. Напротив того, чеченцы отличаются от всех кавказских народов оплошным (склонным к ошибкам. — Ю.Б.) непредвидением, ведущим их к явной гибели. Все соседи их — кабардинцы, ингуши, аксаевцы, дагестанцы и лезгины почитают их за злейших себе неприятелей, ибо чеченцы так обуяли в злодействе, что никого не щадят и не помышляют о будущем. Нередко сами старшины их подают им благоразумные советы, наклоняя к лучшей жизни и наипаче изъявляя желание пребывать в мире с Россиею, но ветерники их, как они называют своих зачинщиков или разбойничьих атаманов, на то не соглашаются.

Из всех чеченских отделений собраться может до 15.000 вооруженных людей, из чего заключить должно, что население

чеченской области распространяется до 20.000 дворов..."

К приведенному отрывку из книги генерала С.Б. Броневского следует добавить, что его описание кавказских народов лишены какой-либо тенденциозности. Автор старался быть объективным и непредвзятым в своих наблюдениях и оценках. Например, о ближайших соседях чеченцев он пишет следующее: "Ингуши, не столько наклоненные или менее других имеющие удобностей к грабительству, почитаются за добрых и кротких людей".

Почаще бы нам заглядывать в историю, учиться на ее уроках мудрости, чтобы не совершать ошибок, за которые будет стыдно перед потомками.

К публикации подготовил полковник в отставке Юрий БРАТЮЩЕНКО, кандидат исторических наук

Андрей МАКАРОВ

Прощай, капитан!

Повесть

ПРОЩАЙ, КАПИТАНИ

1.

Пришло лето, и прилетел самолет. Мне сказочно повезло — прибудная "тушка", Ту-134, словно спорхнувшая со старой болгарской сигаретной пачки, покружилась над грозненским аэропортом Северный, покружилась и села, будто желая разнюхать своим остреньким носом: "Как тут у вас, действительно ли мир и надолго ли?". Прилетевший за каким-то чиновником самолет догрузили маявшимися в ожидании вертолетов военными. И я, капитан Игорь Новоселов, оказался среди счастливых, допущенных в стерильный салон. Стюардесса, девушка в синем, то и дело шастала с подносом в первый класс, брезгливо косясь на наш пропыленный камуфляж. Пускай косится. Плевать, переживем. В кресле передо мной кармашек, и в нем белая салфетка. Класс! Мы уже и на взлет порулили. И не надо вертолетом прыгать до Моздока и давиться там в очереди в безразмерный десантный Ил-76 — сарай с похмельным бортехником вместо стюарда. Тут вам не там, тут лайнер и каждому белый подголовник. Все. В Москву. Аллаху акбар, а я отвоевался.

А пока "тушка" рулит на взлет, хочу о себе кое-что рассказать. Например, что я, Игорь Новоселов, дожив до тридцати лет и дослужившись до капитана, решил со всем этим завязать. Не с жизнью, конечно, а со службой, поскольку жизнь тогда у меня только и начнется. Заново. С белого листа.

Можно вспомнить давние семнадцать лет, когда начинал служить еще курсантом, или двадцать два года, когда стал лейтенантом. Впрочем, хватит об этом.

Короче, первая часть моей жизни, которая должна быть лучшей, прошла в погонах. И лучшей она как-то не получилась. А вот вторую, еще более главную, я собираюсь провести на гражданке.

Самолет тихо плыл над облаками на северо-запад.

Я расшнуровал берцы, и мысли мои плыли тоже на северо-запад. Плыли сначала косяком, словно гуси, одна за другой, потом потянулись все реже и реже, и наконец я заснул.

2.

Капитан Михаил Портнов построил группу прямо перед палатками. Бойцы уже переминались с ноги на ногу, а Михаил все не мог начать и стоял, опустив большую лобастую голову.

— Ухожу я, — наконец сказал он, — вот так вот, братишки...

Его слова заглушил гул садящегося на поле вертолета. Полевой аэродром начинался сразу за палатками. Его отделял от них лишь ров да КПП, обложенный мешками с песком.

Михаил помолчал, еще раз оглядел строй. У его ног стояла уложенная сумка. С офицерами он простился еще вчера, выпив на посошок.

Так получилось, что все построения отряда делались напротив памятника погибшим солдатам и офицерам. Временного, что поднялись здесь едва ли не у каждой стоящей лагерем части. И сейчас перед строем Михаил мощным затылком ощущал за собой цементную плиту с железной пирамидкой (старшина свернул из жести) и звездой, которую покрасили, обменяв тушенку на банку красной краски.

— Ухожу я... — тоскливо повторил капитан.

Среди солдат было много желторотых. Прибыло пополнение. Новички выделялись бледными, незагорелыми лицами. Они равнодушно смотрели на незнакомого офицера, который уже не будет командиром их группы. Снова зашумела на летном поле "вертушка".

Из штабной палатки выглянул дежурный, сложил рупором ладони и крикнул в сторону строя:

— "Черепашки", на вылет! Михаил, они на Моздок пойдут, давай с ними, на сегодня последний борт.

Михаил махнул рукой, подхватил сумку и зашагал к вертолету.

Впереди к зеленым, похожим на кузнечиков Ми-8 уже бежали два бойца: в черных бронжилетах с пулеметами, закинутыми на плечо, на головах затянутые в узел на затылке косыночки. Со стороны — точно черепашки-ниндзя из мультфильма.

Михаил забросил в вертолет сумку и полез следом, ни разу не оглянувшись на палаточный горо-

Андрей Макаров родился в 1962 году. Военный журналист, майор, был корреспондентом газеты Северо-Западного округа внутренних войск «Защитник Родины», с 1995 года проходит службу в журнале «На боевом посту». Автор нескольких повестей и десятков юмористических рассказов. Публиковался во многих изданиях. Участник первого совещания литераторов — сотрудников МВД 1995 года. В этом же году в Санкт-Петербурге вышла его первая книга. Героями новой повести стали офицеры внутренних войск.

док. «Вертушка» поднялась, подождала, пока взлетит вертолет прикрытия, и они парой пошли на бреющем, едва не цепляя вершины пологих чеченских гор.

3.

Через три часа самолет приземлился на Чкаловском, самом большом военном аэродроме под Москвой. Мы долго рулили вдоль бесконечного ряда «илов» и «тушек», пока не въехали в кольцо черных «ауди» и БМВ в конце полосы. Встречали, конечно, не меня. Трап подали к салону первого класса. Кто-то сановный в окружении свиты вальяжно спустился на бетонку. Лимузины приняли неизвестное начальство, пыхнули на прощание дымком и под вой сирен и блеск мигалок умчались.

Наконец подали трапи нам. Офицеры уже стояли между кресел в очереди на выход, словно в трамвае. Так, гурьбой, мы и побрели по бетонке к КПП аэропорта. Наш самолет был неплановым, и никто не позаботился об автобусах или хотя бы грузовиках. Впрочем, я прекрасно себя чувствовал, сидя у окна в электричке среди возвращающихся с дач москвичей, и дико, как и после каждой командировки на войну, было видеть сразу столько гражданских в одном месте. Они вели себя вызывающе беззаботно: ели мороженое, читали газеты, а то и просто спали. Расслабился и я, ехал, глаза по сторонам, до первой совпавшей со станцией метро платформы. А там — рукой подать до штаба части.

4.

В военном городке было по-летнему пусто и от этой пустоты уныло. В штабе от командования дежурил какой-то новый, незнакомый мне полковник. Из таблички на его двери было ясно лишь, что звать его Александр Васильевич. К нему я и завернул доложить о прибытии.

Полковник, посверкивая темечком, старательно водил ручкой по бумаге. Листы были разложены по всему столу, и среди них он смотрелся, как в клумбе.

— Месяц отпуска. А общежитие на ремонте, — бросил полковник, не поднимая головы. — Есть путевка на реабилитацию на февраль следующего года. Хочешь на море?

— Да мне бы расчет.

— Денег нет. — Он наконец поднял голову от бумаг. — Денег нет, путевка есть. Бери путевку. Там море не замерзает.

— Мне бы совсем расчет, чтобы уволиться.

— Садись. — Он с сожалением сдвинул ладонью

бумаги к краю стола. — Садись, капитан. У тебя когда контракт кончается?

— Да он все как-то никак не кончается. Три года еще.

— Вот, — назидательно поднял указательный палец полковник, — три года, и надо их прослужить как?..

— Да не хочется, Александр Васильевич...

— Я для вас не Александр Васильевич, не друг и не родственник, а товарищ полковник. Это первое. Второе, контракт может быть прекращен... вы сами знаете, что он не может быть прекращен. О семье подумайте.

— Да холостой я, а служить не хочу.

— Хотеть вас никто и не заставляет.

— Еще я морально не воздержан.

— Ну-ну, чего там, это ничего, это со временем пройдет само собой. Служи, майора дадим, — широко пообещал он.

— И в смысле идеологии, — подумав, добавил я, — как-то совсем нет у меня никакой идеологии.

— Ну сам видишь, Новоселов, — развел руками полковник, — как же можно такого незрелого человека на гражданку выпускать? Такого надо в здоровом воинском коллективе воспитывать. С таким надо работать. Долго работать. Года три.

— Хорошо, — согласился я. — Тогда по семейным обстоятельствам давайте увольняйте.

— Какие же у тебя обстоятельства, если ты холостой? — засмеялся полковник, который не друг. — Нет у тебя, капитан, никаких обстоятельств.

— Тогда я женюсь так, чтобы с обстоятельствами.

— Точнее, на обстоятельствах, — поправил он меня. — Рекомендую на инвалидности первой группы жениться или хотя бы второй. Тогда будет повод для рапорта.

— Ладно, понял, — поднялся я и, уже взявшись за ручку двери, обернулся:

— Товарищ полковник, у вас есть дочка? Можно даже с первой группой.

— Вон!..

5.

В нашем офицерском общежитии, пока я воевал, начали ремонт. Точнее, было «состояние ремонта», когда бригада строителей все перевернет, сломает, перепачкает краской и уйдет гадить в какое-то другое место. Комендант дал мне ключ от спортзала. Два солдата притащили старую двухъярусную кровать и шатающийся от малейшего прикосновения шкаф. В углу пыльной горой лежали гимнастические маты, у перекладки было свалено грудой какое-то железо. Рядом смиренно стоял гимнастический конь. Но свободного про-

ПРОЩАЙ, КАПИТАН!

странства все равно оставалось с избытком. Наверно, с тем же успехом можно было поставить койку прямо на плацу. В первый же вечер я лежал в этом спортзале, как в ущелье. За высокими окнами по шоссе проносились машины. Свет их фар выхватывал из темноты свисающие с невидимого потолка канаты, и мне начинало казаться, что я уже не в ущелье, а в джунглях. И тут я еще раз порадовался, что наконец живым и невредимым вырвался с войны и уже точно никогда на нее не вернусь. "И вообще, хватит воевать, жениться пора". С этой мыслью, счастливый, я и заснул.

6.

Девушка была стройной. Я старательно шел за ней уже минут двадцать. Весь сегодняшний день я решил отдать поискам невесты. Вообще-то выбирать было из кого. Можно сказать, что девушки по улицам Москвы ходили вдоль и поперек. И мне, измученному службой в дальних гарнизонах, не избалованному женской лаской и вниманием, они нравились решительно все. Будь я мусульманин, так сразу бы завел гарем и спокойно в нем плодился и размножался. В гареме обязательно была бы у меня парочка фотомоделей, для увеселения глаз, пара отменных поварих и непременно две кандидатки каких-нибудь наук — для приятных и познавательных бесед. Само собой две путаны для улады. Не помешает и жена-спринтерша, не меньше чем рекордсменка Европы, за пивом бегать. Вжик! И перед тобой полная сетка "Жигулевского".

Впрочем, пережитки общественного сознания оставляли все это лишь в области фантазий, к тому же такую ораву, если и заведешь, попробуй прокорми, и я, вздохнув, решил умерить желания и не быть особенно привередливым. К тому же следовало не забывать и жестких условий, поставленных мне командованием.

Сразу отпали пожилые тети-тихоходы, тащившие большие хозяйственные сумки на колесиках. Отпали и тети помоложе, толкающие перед собой детские коляски. За чужие грехи я расплачиваться не собирался.

Круг поисков постепенно сужался. Отпадали сопливые студентки с конспектами в рюкзаках и сигаретами в руках.

Вне зависимости от возраста решительно не подходили тихоходные дамы, едва волочащие при ходьбе ноги. Но большинство москвичек почему-то имели привычку не идти, а куда-то мчаться. Лицо напряжено, глаза в кучку, волосы, как флаг, развеваются где-то сзади, и вот она уже пронеслась мимо вихрем. Я попробовал было угнаться за одной такой, но быстро запыхался и безнадежно отстал.

Конечно, на роль жены-спринтера такая бы, несомненно, сгодилась, но в будущей супруге хотелось бы иметь и другие полезные уже упомянутые качества.

Наконец, устав от бега за судьбой, я присел на скамейку.

Людской поток тихо струился мимо.

Я вяло следил за прохожими и вспоминал войсковую заставу в ногайских степях. Туда к нам однажды с концертом занесло ансамбль районного масштаба с названием "Леди", и леди в нем было аж три. "Леди" спели две песни и улетели, а это событие и самих леди и офицеры, и солдаты вспоминали все три месяца до замены.

Неожиданно я вскочил со скамейки. Видимо, сработал охотничий инстинкт, и сработал он на силуэт девушки, вышедшей из автобуса на остановке.

Ото всех других ее отличала неторопливость. Она не шла, а словно парила над асфальтом. Девушка была стройной, в стильных, слегка расклешенных джинсах, верно, такие и модны в Москве в этом сезоне. Блондинка, со стрижкой, настолько короткой и аккуратной, что от нее повеяло чем-то родным, армейским. Но, впрочем, девушку это совсем не портило. Я довольно долго шел следом и любовался, не решаясь обогнать ее и заглянуть в лицо. Совершенство в жизни встречается так редко. И фигуристая девица может оказаться вовсе не писаной красавицей, а как раз наоборот. Может быть и того хуже. Помнится, как-то я так же шагал за стройной студенточкой с роскошными каштановыми волосами. Она махала чертежной папкой, и стянутые простой аптечной резинкой волосы трепало ветром и задорно расклевывало в такт шагам. Фигуру скрывал плащ, иногда, под ветерком, вылепляя стройную линию. Студентка шагала размашисто, а потом залезла в карман плаща и достала трубку. Обалдев, я пошел на обгон и долго еще потом плевался, вспоминая мутную, похмельную харю этого хиппи.

Может, помня о том случае, я и не торопился обгонять девушку. Впрочем, трубка в карман узких, в обтяжку джинсов явно не влезла бы. Вздохнув, я зашагал быстрее, обошел ее и оглянулся. Вдобавок ко всему девушка оказалась красивой. А если и не красивой, то просто симпатичной. На круглом лице все было аккуратно. Аккуратный вздернутый носик, аккуратные живые глазки, наконец, аккуратные ямочки на щеках. Девушка явно была здорова. То есть мне решительно не подходила.

Словно приготовившись нырять, я набрал в грудь побольше воздуха и спросил конкретно:

— Девушка, вы знаете, была бы у вас инвалидность первой группы или хотя бы второй, я бы немедленно на вас женился.

— Чтоб горшки выносить? — заинтересовалась она, замедляя шаг.

— Нет, чтобы из армии уволиться.

— Да? Вот вы шутите, наверно, а у меня как-то вывих был. Неделю гипс таскала. Но ничего, вправили. Так что не повезло вам.

— Да нет, — дал задний ход я, — дай вам, конечно, Бог здоровья. Просто не то чтобы очень ухаживать за кем-то хотелось, но у нас в войсках закон такой: пока у тебя никаких обстоятельств сложных жизненных нет, тебя не увольняют и гоняют все, как паршивого кота. А стоит появиться какой проблеме — тебе все внимание. В общем, как у тимуровцев, — не совсем складно заключил я.

— Как-то у вас, военных, все странно...

Так мы и шли, разговаривая, пока не уперлись в высокие двери какой-то конторы.

— Я вам дам телефон, — сказала она напоследок, достав из сумочки блокнотик и ручку, — может, найду вам что-нибудь такое, покалеченное, как вы хотите. А может, сама что-нибудь сломаю...

— Ладно, не калечьтесь, — милостиво разрешил я, принимая блокнотный листок, — чего уж там, живите.

Дверь за ней закрылась. У меня в руках осталась бумажка с номером телефона и именем — Катя. Рядом с дверью была массивная вывеска с надписанными медными буквами: "НИИЧЕРМЕТ".

"Что она там, интересно, сталь, что ли, варит?" — пожал я напоследок плечами.

7.

Десантно-грузовой Ил-76 комфортом не отличается. Под потолком наварены какие-то рельсы, висят скрученные тросы. Под ними сделано нечто вроде насеста с узкими длинными лавками. В этом самолете можно перевезти батальон. Можно разместить внутри танк, два грузовика или бронетранспортера. Сейчас в него загнали триста с лишним военных, и самолет с ровным гулом тащил их на высоте десяти километров. Внутри полумрак. Света от нескольких дежурных плафонов едва хватало, чтобы выхватить усталые, изрезанные тенями лица. В хвосте, в темноте, лишь угадывалось скопление людей. Маленьких сидений внизу вдоль борта и узких лавок на втором ярусе хватило не всем. И в хвосте стояли, переминаясь с ноги на ногу, солдаты. Некоторые, даже стоя, умудрялись дремать.

На подлете к аэропорту самолет стал резко проваливаться вниз. Заложило уши, все разом зашевелилось, просыпаясь. Аэродромной полосы коснулись незаметно. Наконец двигатели взревели последний раз и смолкли. Поползла вниз рампа, и

в душный салон хлынул пропитанный запахом зелени воздух подмосковного леса.

Капитан Михаил Портнов сбежал на бетонку и вздохнул полной грудью.

К самолету подогнало несколько автобусов, грузовики для солдат. Когда разгрузка была закончена, колонна тронулась и медленно большой гусеницей выползла с аэродрома. Михаил сидел в первой машине и рассеянно глядел в окно. За окнами началась Москва, и колонна машин потянулась по ней, застревая у каждого светофора. Заметив газетный киоск, Михаил хлопнул по плечу солдата-водителя:

— Притормози.

У киоска он терпеливо выстоял небольшую очередь и протянул продавщице пятидесятитысячную купюру.

— Дайте газет на все и еще справочник. Такой, чтобы в нем все московские больницы были.

Колонна неторопливо ехала мимо.

Михаил, подхватив кипу газет, книгу-справочник, успел запрыгнуть в кузов последнего грузовика.

8.

Мне уже выдали отпускной билет, подсчитали какие-то отгульные дни. Но ехать куда-либо не хотелось, к тому же денег в кассе не было, и я целыми днями валялся на койке. Когда за широкими окнами спортзала проводили строевые занятия с солдатами, я от их криков уходил шататься по городу, нарезая улицу за улицей. Особенно мне нравилось гулять в дождь. Не в тот, что как из ведра, а в тихий, моросящий. Прохожие прятались под зонты, жались под навесы на остановках, а то и вовсе исчезали, стоило лишь свернуть с центральных улиц в кривые московские переулки с маленькими, совсем провинциальными домами. А я шагал, давя берцами пузыри на лужах. Где-то за серыми облаками пряталось солнце, и лишь когда оно закатывалось куда-то на запад Москвы, я возвращался в свой уже полутемный спортзал, чтобы наскоро всухомятку перекусить и завалиться в койку.

На этот раз "родной дом" встретил меня желтыми пятнами окон. Сбежав по лестнице, я распахнул дверь.

Огромный круглолицый мужик в тельняшке поднялся навстречу с моей койки. Большая, шишковатая, стриженная под ежик голова, бесформенные мятые уши. Лицо, словно небрежно вырубленное топором, растянулось в широкой улыбке.

— Здорово, — пробасил он, протягивая огром-

ПРОЩАЙ, КАПИТАНИ

ную, как лопата, руку. — Соседями будем, Михаил я.

А улыбка на его зверском лице оказалась совершенно детской, от уха до уха, с ямочками на синих от бритвы щеках.

— Право первой ночи знаешь? — ответил я, не отпуская его руки. — Моя койка нижняя.

— Нет проблем.

Впрочем, за свою дедовщину я тут же был наказан. Забравшись на второй ярус, Михаил продавил панцирную сетку до самого моего носа.

9.

Рано утром я проснулся от грохота. Мой сосед уже встал и спозаранку принялся разбирать кучу железа в углу. Он выбрал и выволок на середину спортзала несколько гирь, ржавую штангу, еще какие-то жуткие спортивные снаряды, напоминавшие приспособления для инквизиторских пыток. Для тренировок сгодилась и старая многосекционная чугунная батарея.

— Проснулся? — повернулся он ко мне. — Делай зарядку и будем завтракать.

— Я бы еще поспал, — буркнул я в ответ. — И вообще, надо быть полным идиотом, чтобы в отпуске рано вставать, да еще зарядку делать.

— А я вот без зарядки не могу, — вздохнул он. Затем выбрал из кучи железа самые большие гири, примерился и ловко стал тягать их вверх-вниз.

— Тяжело тебе, — посочувствовал я, — это же форменное издевательство над собой.

— Не, — не согласился он (теперь мой сосед зашвыривал гири вверх рывком). — Вот так, х-ха, поиздеваешься с утра, и весь день служить можно.

— А ты, Михаил, чего сюда приехал? В отпуск?

— Не, переводиться буду, да и дела тут в Москве есть кое-какие.

Он взялся за ржавую батарею, поднял ее над головой и, раздувая от усилий ноздри, стал быстро приседать с «железом» на вытянутых руках. Длинная батарея напоминала растянутую гармошку. Со стороны казалось, что мой сосед и играет на ней что-то народное, и одновременно пляшет вприставку.

Лицо его покраснелось, по лбу скатывались большие капли пота.

— Переводиться? В штангисты, что ли?

— Не... двадцать три, двадцать четыре. В милицию пойду. Ментом буду. Участковым. Уже и приказ должен подойти.

— Участковым — это правильно. Здесь, в городе?

— Не. — Он отставил батарею и полез на шведскую стенку, качать пресс. — В деревню поеду, там жилье сразу дают.

Рассохшаяся шведская стенка скрипела, трещала, и казалось, вот-вот оторвется от стены.

Наконец мне стало стыдно, что я все валяюсь в койке. Пришлось спустить ноги на пол. Поднявшись, я даже один раз присел, а вот вставать уже не хотелось. Я все же переселил себя, опираясь на койку, встал и побрел к умывальнику.

10.

Спокойная жизнь была нарушена. Михаил привез с собой из горячей точки кучу нерастроченной энергии. Я приехал оттуда же, но ничего, кроме отвращения к службе, любому виду труда и вообще какой-либо деятельности, не вывез.

Спецназовец же, подойдя к вопросам досуга основательно, обзавелся картой города и решил резко повысить наш общий культурный уровень.

С утра, «зарядившись железом», он раскладывал карту прямо на полу.

— Игореха! Вокруг же Москва, столица, сплошные достопримечательности...

Он сверялся со справочником, театральной афишей и катал по карте курвиметр, намечая кратчайшие пути подхода к местам культурного досуга. Здесь в дело вступал я, преодолевая силой убеждения его напор, доказывая соседу, что лето — время театрального межсезонья, порядочные театры уехали на гастроли, и все искусство в принципе упадочно.

Борьба шла с переменным успехом. Если перебивал Михаил, приходилось тащиться в город по культурно-историческим и прочим полезным местам. Если верх одерживал я, то вечер заканчивался у той же карты, заставленной пустыми пивными бутылками и щедро засыпанной рыбьими скелетами и чешуей. Часто, впрочем, Михаил уходил хлопотать насчет своего перевода в милицию или, взяв под мышку медицинский справочник, исчезал по каким-то таинственным медицинским делам. Куда он уходил и зачем, я не знал. Спецназовец на мои вопросы отмалчивался или переводил разговор на другое. Впрочем, я и сам был рад избавиться от него хоть на часок. А в этот раз, наткнувшись в кармане на листок с номером телефона и именем Катя, решил позвонить девушке, с которой познакомился в один из своих первых московских дней.

— Катя?... Хочу поинтересоваться, как здоровье.

— А, это вы, — сразу узнали меня. — Могу вас огорчить: здорова, здорова... Не болит нигде, не тянет.

— Это как знать, как знать, — осторожно усомнился я, — порой недуг самому и не определить, лучше когда организм под сторонним наблюдением.

— И когда вы мой организм понаблюдать хотите? — заинтересовалась девушка.

— Чего ж откладывать? Здоровье дело такое, что откладывать себе дороже.

— Ладно, подходите в пять к институту, помните, где тогда распрощались. Здоровье — это святое. Будем наблюдаться.

II.

Ровно в пять вечера высокая дверь института открылась, на улицу выскочила Катя и сразу завертела головой, высматривая меня.

Она сняла большие темные очки, и я понял, что тону, весь до последней пуговицы с зеленой звездой безвозвратно тону в этих черных смеющихся глазах.

— Привет! — Она подхватила меня под руку, и мы растворились в плотном потоке возвращающихся с работы москвичей.

Я шел и молчал, не зная, с чего начать разговор. Со своими, военными, все гораздо проще. Ритуал отработан годами. Первый вопрос: "Ты какое училище закончил?" После ответа следует уже утверждение: "Хреновое у тебя училище..." И сразу есть тема для большой, долгой и бурной дискуссии. Есть не менее классический вариант: "Вы в каком полку служили?" Но сейчас испытанные методы решительно не годились. Такие девушки военных училищ не кончают и в полках не служат. Они им без надобности. Если и попадет такая случайно в какую-нибудь часть писарем или библиотекарем, то через месяц-другой становится минимум майоршей. То есть женой майора. А старая толстая экс-майорша потом долго и безуспешно ходит по командованию, жалуется и грозит выцарапать глаза молодой обидчице.

Не думаю, что эти мысли развлекали шагающую рука об руку со мной девушку. Дальше молчать было неудобно и, хочешь не хочешь, надо начинать светскую беседу.

— Хорошая улица, — одобрил я.

— Да? — удивилась она. — Не знаю, улица как улица.

— Название хорошее, конкретное — "Радио". Радио, оно радио и есть, и какая власть ни приди, переименовывать не надо.

— У нас еще Газгольдерная есть и Перерва какая-то, — вроде как похвасталась она.

Снова воцарилось молчание.

Девушка пару раз глянула на меня, вздохнула и решительно взяла беседу в свои руки:

— Вы, наверно, в военной академии учитесь?

— Почему в академии? Вовсе нет.

— Ну не знаю, тут рядом академия какая-то военная и химическая. Так они там, верно, какие-то

опыты ставят, а ровно в пять вываливают и начинают к девушкам приставать. Только они инвалидок не ищут. Наоборот, здоровых, и все предлагают вином угостить.

И точно, откуда-то разом повалили военные. Все, как один, с «дипломатами», видимо, полными вина, и шевроном войск химзащиты на рукавах. Военные смотрели голодно и шныряли по толпе глазами, явно высматривая симпатичных девушек.

— Да нет, — успокоил я ее, — эти просто от семьи оторвались. Приехали учиться года на два, жены в гарнизонах, вот и рыскают глазами.

— Да-а? — разочарованно протянула она. — Ваша семья тоже в гарнизоне?

— Моя семья — армия! — выскочил из головы старый лозунг.

— Так вы тогда вроде многодетный?

— Наверно, только дети в семье сплошь непутевые, — признался я.

Наконец мы дошагали до метро.

— А куда мы едем? — поинтересовалась она.

— В гости.

— И там вся семья в сборе?

— Да нет, так, узкий круг...

Михаил, закончив дела в городе, вернулся в дом-спортзал, готовил ужин и качался.

Он включил электроплитку, выложил днище сковородки толстыми кусками мяса с кольцами лука поверху и принялся тягать "железо".

Михаил старательно выжимал штангу. Мясо на сковороде шкворчало, спецназовец пытел. На футболке расплылись темные влажные пятна. Воняло потом. Отставив штангу, сосед начал кидать вверх-вниз огромные, напоминавшие цирковые, гири. Потом он поел мяса прямо со сковородки и принялся укрощать батарею.

Мы прошли через КПП, пересекли плац. В дверях спортзала я пропустил Катю вперед, рассчитывая на эффект.

Эффект был, фокус удался.

Увидев девушку, Михаил замер с поднятым "железом" и стал медленно наливать краской.

— Вольно, — торопливо сказал я.

Батарея с грохотом упала.

— Ой, — взвизгнула от восторга Катя, — а вы что, тут и живете?

Она с разбегу оседлала гимнастического коня, ловко прыгнула и схватилась за свисающий с потолка канат, разбежалась и стала летать вокруг нас кругами, словно ведьма. Под конец, как следует разогнавшись, залетела на гору гимнастических матов. Отпустила канат и ловко съехала с них прямо к нам.

— Ну вы даете, — изумилась она, — знала я, что военные спорт любят, но чтобы аж прямо в спортзале жить...

ПРОЩАЙ, КАПИТАНИ

Сосед наконец пришел в себя, тяжело топоча, побежал в раздевалку приводить себя в порядок. Я успел вскипятить чайник, когда он вернулся, смиренно сел напротив, пригладил еще мокрый ежик волос и вздохнул:

— Это надо же в Москве какие акробатки... А мы вот с Игорехой никуда не ходим... — пригорюнился и грустно заключил он.

Впрочем, вскоре Михаил освоился, активно включившись в беседу:

— Я ж увольняться хотел. Отвоевал и шабаш. Говорю комбригу, что в менты пойду. А тот — фиг! Ладно, мы тоже крученные. Тогда по болезни собрался, у меня, говорю, геморрой, шишка с кулак лезет. А замполит наш — душа, блин, солдата — говорит: я тебе сам вправлю, лучше чем в аптеке...

Катя крутила ложкой в стакане и согласно кивала, сопереживая.

Спецназовец же разошелся не на шутку.

— Да что мы тут сидим? Вокруг же Москва! Давайте в театр, что ли, пойдем.

— Идем, а в какой? — легко согласилась Катя.

— В лучший, конечно.

— Да? В лучший? В Малый или Большой?

— Конечно в Большой! — оскорбился спецназовец.

— Так туда еще билеты надо взять, — все еще сомневалась Катя.

— Я, — Михаил поднялся и постучал себя кулаком в грудь, — Бамут брал. А уж какие-то билеты...

12.

Я проводил Катю и вернулся. Встревоженного явлением красивой девушки Михаила потянуло на задушевные разговоры.

— Вот так вот мотаешься по всей стране, служишь, как бобик, а тут такие девицы цветут. Кто она хоть?

— Сталевар, — не моргнув глазом, уверенно заявил я, — черный металлург, внучка Стаханова.

— Да? — недоверчиво переспросил спецназовец. — Так тот вроде шахтер.

— Ну а тебе какая разница? Я ж тебе в гости не его, а внучку привел.

В душе у меня играли трубы. В бравурную мелодию фанфар горны вплетали то ли "зарю", то ли "побудку".

И лишь Михаил назойливо махал рукой горнистам.

— Нет, подожди, давай разберемся, у него и внучке уже лет сорок должно быть.

— Косметика! Намарафетилась, макияж, короча.

— Ладно, — вздохнул Михаил, — завтра в театре рассмотрим.

И его вновь потянуло на разговоры о службе.

— Служил и служил бы, — тоскливо тянул он, словно объясняя самому себе, — но достало. Жилья нет, зарплату задерживают. Ребят сколько, пацанов-срочников погибло. Из этих горячих точек не вылазишь... Хотя спецназ! Гордость войск. Элита!

Михаил помолчал и подозрительно глянул на меня.

— А ты, Игореха! Почему ты в спецназ не пошел? — сурово спросил он.

— Не пошел, не пошел! Я, если хочешь знать, в училище полгода на спецназовца учился, вместе со всей ротой.

— Ну, — одобрительно потянул он.

— Вот тебе и ну. Нас еще на первом курсе ротный построил. Ребята, говорит, вам повезло. Буду вас на спецназ учить. А мы молодые были, зеленые... Ну вот, готовьтесь, хлопцы, говорит, среди ночи подъем и кросс с полной выкладкой. А как выложились — в казарму. Ну а там уж за ночь, может, и еще пару раз подъем и кросс, потому что спецназ — дело серьезное.

— Ты какое училище закончил? — уважительно поинтересовался, приподнимаясь на койке, Миша.

— Ленинградское.

— Так это же на замполитов?

— На них самых, — широко зевнул я, — певцов застоя и конвоя. Так мы полгода на спецназовцев и учились.

— Что-то маловато. — Михаил не выдержал, поднялся и принялся расхаживать по спортзалу.

— Да, полгода, — подтвердил я. — И каждую ночь — "подъем 45 секунд" и вперед, а то и два раза за ночь. Так забодали этими кроссами, что я шесть месяцев спал не раздеваясь.

— А потом?

— Потом ротный заболел. Дали другого и сразу весь спецназ насмарку.

— Как так?

— Да так. Ночь спим спокойно, другую ночь отдыхаем. А перед третьей на построении кто-то и спросил: «Нас что, на спецназ уже не готовят? Или теперь наконец от бега к рукопашному бою перейдем?»

— Верно! — подтвердил Михаил. — На хрена только бегать? Это не спецназ.

— Точно, не спецназ. Нам и новый ротный это подтвердил. Сказал, что просто офицеры по вечерам на бильярде дулись. Кто из ротных проиграет, его бойцам — подъем и кросс с полной выкладкой. А они, ротные, в окно смотрят. Так наш на бильярде ни хрена играть не умел.

Миша прыгнул со своего второго яруса и задумчиво прошелся у койки.

— Подожди, я так и не понял. Что же, из вас красный берет так никто и не получил?

— Не-а, правда, бегаю я теперь здорово. Если надо, всегда смоюсь, твои «краповые береты» только сзади в две дырки сопеть будут.

Миша долго молчал, меряя спортзал из угла в угол аршинными шагами. Потом подошел ко мне и скупо бросил:

— Зря ты так сказал, брат.

— Отстань.

Но уснуть мне так и не удалось. Точнее, я уже уснул, когда меня грубо растолкали.

— Пошли...

Над койкой глыбой навис Михаил, одетый в тренировочный костюм.

— Ты что, — пробормотал я, стараясь разглядеть в полумраке циферблат часов, — с ума сошел?! Куда еще пошли?

— Бегать пошли.

— Сам ты иди! Разминайся, а я утром подойду.

— Нет, пошли. Вставай! — не отставал спецназовец. — Бегать будем! Поглядим, кто будет сзади в две дырки сопеть.

13.

К походу в театр готовились основательно. Начистились, нагладились и выехали за два часа до начала спектакля. Катерине было назначено прийти сразу ко второму звонку.

Народу у театра оказалось предостаточно. Спрашивали лишние билеты, кавалеры поджидали своих дам. На огромных автобусах с затемненными стеклами прямо к ступеням подруливал «Интурист». Михаил ввернулся в толпу, пошнырял туда-сюда и, вернувшись, озабоченно бросил:

— Оперу дают! Пошли в кассу.

В кассе было немногочисленно. Наверное, потому, что висела табличка «Все билеты проданы». Лишь к крайнему окошку выстроилась жидкая очередь льготников в ожидании входных билетов без места. Да в стороне стояли несколько представителей деловой молодежи в ярких пиджаках и с сотовыми телефонами в руках. Время от времени телефоны мелодично звонили. Деловые тут же, не отходя, переговаривались, а поскольку часто телефоны звонили сразу у нескольких одновременно, со стороны казалось, что и разговаривают они друг с другом.

Михаил легко, как ледокол в хлипком льду, протаранил льготников и уткнулся в окошко кассы.

— Три билета на лучшие места, — бросил он в окошко.

— Нет билетов, — не поднимая головы, буркнула кассирша, — ждите входных.

Миша вздохнул, оглянулся на сурово смотревших на него льготников и, наклонившись, попытался просунуть голову в окошко кассы.

Голова в окошко упорно не лезла — уши мешали. Мягкие, словно тряпочки, бесформенные, видимо, не раз битые спецназовские уши цеплялись за края окошка кассы, как Михаил, тяжело вздыхая, будто слон, ни вертел репой.

В очереди кто-то пискнул. Кассирша сорвалась с места и куда-то убежала. Наверное, потому что в кассу не лезла не только его голова. У него и рука туда проходила еле-еле, только если собрать пальцы в жменю.

«Пора сматываться», — подумал я, все это время с независимым и отстраненным видом изучая афиши.

Когда Михаила похлопали по плечу, он недовольно оглянулся.

— Что, братан, билет нужен?

За спиной стоял один из деловых в малиновом пиджаке. Видимо, главный. Остальных малиновых и деловых он был круче в два раза, у него оказалось аж два телефона. Один в руке, а антенна второго торчала из нагрудного кармана.

Они оценивающе посмотрели друг на друга.

— Три! — растопырил пальцы спецназовец.

С другой стороны его теребила вернувшаяся кассирша, протягивая через окошко билеты в дрожащей руке...

Все было шикарно. Мы сидели в ложе над сценой. И все эти певцы выводили свои рулады прямо под нами...

Голосили они здорово, с чувством. Только однажды их солистка чуть своей арией не подавилась, когда увидела направленный на нее снайперский прицел. Предложенным в гардеробе биноклем Михаил побрезговал.

14.

Прошло еще несколько дней. Я все чаще встречался с Катей. Ей было интересно со мной. Порой она смотрела на нас с Михаилом как на диковинных зверей.

— Ну вы военные ваще... как с Луны, — бросала она время от времени.

У нее наверняка оставался какой-то свой круг друзей и знакомых, в который меня пока не допускали. Но встречались мы теперь едва ли не каждый день. Шли куда-нибудь в кино или театр, а то и просто гуляли по Москве. Иногда следом увязывался Михаил. Плелся сзади, словно в почетном эскорте, и бубнил что-то про свою службу, про дикое таежное место, где он когда-то пахал лейтенантом, про давнюю учебу, про друзей, которых никто, кроме него, и не знал.

В один из дней нас занесло в кинотеатр повторного показа. Крутили старую черно-белую ленту

ПРОЩАЙ, КАПИТАН!

про войну — “Торпедоносцы”. Крутили словно специально для нас — никого в зале больше не было.

Классный фильм. Торпедоносец, взяв боевой курс, свернуть уже не может, идет на вражеский корабль, как по ниточке. Не может закрутить виражи, чтобы обойти огонь зениток, не может вступить в бой с истребителями. Летящий на вражеский корабль торпедоносец — отличная мишень.

Он упрямо пробивается сквозь разрывы снарядов корабельных зениток, сквозь пулеметные очереди “мессершмиттов”. Пламя охватило кабину и лижет руки летчика на штурвале. Пилот уже никогда не узнает, уничтожил ли он фашистский рейдер, но продолжает упрямо, до последнего тянуть самолет до расчетной точки сброса торпеды...

Когда мы вышли из кино, зарядил дождь. Я старательно обводил Катю вокруг луж, прикрывал ее от грози, летящей из-под колес проносящихся по дороге автомобилей.

Михаил шел сзади и монотонно бубнил:

— Они, что же, с парашютом прыгнуть не могли?

— Не-а, — бросал я, не оборачиваясь, — все парашюты НКВД отбирало перед полетом и опечатывало.

— Да ну?! Ведь они же прямо через огонь летели и свернуть никуда нельзя. А мы... мы вот тоже получается... Ездишь с войны на войну, мотаешься по этим горячим, блин, точкам, и не свернуть никак?!

Его, видимо, заело.

— Ты — банальный пехотный капитан, — поставил я его на место, — и не надо примазываться к военным героических профессий — летчикам, морякам там или хотя бы танкистам.

В конце концов надоевшего Михаила отправили в магазин за тортом, чтобы попить вечером чайку почти в домашней обстановке. К тому же дождь отменил все наши планы на прогулку по Москве. Добираясь до части, мы вымокли до нитки. Пришлось одежду развесить для просушки. Катя надела на смену мой запасной комплект вылинявшего от частых стирок камуфляжа. За неимением зеркала долго вертелась, лоя свое отражение на пыльном стекле окна спортзала. Смотрелась она в этой амуниции совсем по-домашнему, словно в халате.

— Ну давай развлекай, — капризно потребовала она, устраиваясь с ногами на моей койке.

— Как развлекать?

— Как хочешь, можешь сплясать, анекдот рассказать. Хочешь, стихи читай наизусть и с выражением. Привел девушку — давай развлекай.

— Да у меня, когда тебя вижу, язык прилипает к гортани, — честно признался я.

— Ой! Вот только подлизываться не надо...

— Подожди, сейчас Михаил торт притащит.

— Не бойся, торт ваш не пропадет. К тому же твой друг опять заявит, что он в душе торпедоносца и вот уже горит синим пламенем и не знает, куда торпеду бросить...

Мы помолчали. За широкими окнами барабанил по асфальту плаца дождь.

— Ладно, — вздохнула Катя, — стихов не знаешь, развлекать меня не хочешь, песни у тебя наверняка только строевые, давай тогда фотографии смотреть.

— Какие фотографии?

— Ну должны же быть у тебя какие-то фотографии, военные там, детские, курсантские, девочек, наконец, знакомых.

А у меня действительно валялся где-то в чемодане выпускной альбом, в который я и не заглядывал, но старательно таскал за собой всю службу.

Катерина сначала быстро перелистала большие картонные страницы, потом, вернувшись в начало, стала внимательно рассматривать каждый снимок, с пристрастием выпрашивая у меня все про одноклассников по училищу.

— Это Колька, как попал в Среднюю Азию служить, так там и остался, не выбрался, сидит где-нибудь у арыка в тубетейке... Этот, старшина наш, был ранен в Фергане, когда заварушка случилась, уволили по инвалидности...

Листы переворачивались один за другим, и мне самому было интересно все, что я знал о каждом из давних друзей, свести сейчас воедино, словно в какую-то общую судьбу.

— Этого убили первым из курса в Карабахе. А вот его там ранило, потом в Сумгаите зацепило, но ничего, до сих пор служит... Витька не знаю как выпустился — ни слуху ни духу... Этого в Чечне встретил, уже комбат... Толя погиб под Новый год, когда в Грозный входили...

Пришел Михаил, притащил огромную круглую коробку с тортом. Катерина, увидев ее, аж заерзала, сразу отбросив альбом.

— Если это комплимент, то очень уж большой, — заявила она. — Не надорвался? Нам с таким неделю бороться.

— Спецназ не знает, — пренебрежительно заметил Миша, открыл коробку и приготовил огромный тесак. — А вы тут что, фотографии смотрели? Лучше бы чайник поставили...

— Да, фотографии училищные. — Катю с койки как ветром сдуло, она уже сидела у коробки со столовой ложкой в руках и преданно смотрела на Михаила. — Там у него не поймешь, сплошной колумбарий — кто умер, кто ранен. Мишенька, а можно я розочку прямо так, без чая съем?

Нож в его руке дрогнул.

— Они не умерли, они погибли.

— Ну погибли, Миша, какая разница?..
— Большая, — надулся тот.
— Ну а зачем?
— Как это зачем? — не понял Михаил.
— Ой, ну что вы, как с Луны... Вот вы там, откуда приехали, за что воевали?
— За державу, — не задумываясь ответил Михаил.

— Вот! — с каким-то торжеством заключила она.
— Так ведь нет теперь державы. И пока вы там за державу боролись, умные люди давно ее на части поделили и схавали, как мы сейчас этот торт...

Я занимался чайником и не вмешивался в их разговор.

—... И Фергана эта, Сумгаиты, Карабахи, Оши всякие... Что там еще Игорь называл? Делили эту самую державу. Вас, как поленья, в костер бросали, а потом еще и плевали вслед. А теперь туда без загранпаспорта и не пустят. Держава?! И кто сейчас вспомнит, что вы ее спасали? Те, кого там ранило, в той же Фергане, Сумгаите, Баку. Да кому они, те погибшие, искалеченные нужны? Кто их помнит и хотя бы спасибо скажет?

Михаил под ее напором молча кромсал торт.

— И сейчас то же самое: снова умные дяди куски от страны рвут, а вы все грудью норовите на пулеметы. И за все одна радость — на метро бесплатно ездить. Но ничего, — тут же утешила она, — вы ребята здоровые, с опытом, вот уволитесь, и вам кусочек найдется, если тоже будете умными.

— Я не буду, — пробубнил Михаил.

— Что не буду? — удивилась она. — Умным?

— Не буду, — непонятно о чем, набычившись, повторил Михаил. — Пусть уж другие будут такие умные.

Он даже, разобидевшись, отказался от чая и торта. Залез на свою койку и весь остаток вечера лежал там, повернувшись к нам спиной.

Закончился дождь, подсохла наша одежда, и я пошел проводить Катю до метро.

— Меня твой дружок, слонopotам этот, что-то в последнее время раздражает, — пожаловалась она по дороге.

— Две контузии, — постарался оправдать я друга.

— Пусть контузии, я что, против? Но все хорошо в меру. Ты-то, — ластилась она, — посообразительней будешь. В общем, увольняйся, работу тебе подберем.

— Катюха, — развел я руками, — с тобой хоть на край света.

— А вот это уже лишнее. В Москве место найдём.

Я не спорил, я не хотел спорить. Мне очень нравилась девушка. К тому же человек должен меняться. Стыдно не менять своих убеждений, как

сказал кто-то великий и тоже умный, Толстой, что ли?

Когда я вернулся, Михаил так и лежал на своей верхней койке.

— Не спорь ты с ней, — попытался я его успокоить. — В конце концов два героя, смывшиеся с войны, надувают щеки и объясняют смазливой столичной девчонке, как они за державу радеют.

— Я все равно не потому уехал, — словно продолжая прежний разговор, глухо сказал Михаил. — Я там несколько ребятишек случайно замочил.

Он рывком сел на койке.

— Мы блокпост держали, и что-то обстрелы пошли уж очень регулярно, как по расписанию. Пару очередей с одного дома, десять минут проходит — с другого, потом, между домами дворик, оттуда начинают палить. И ведь неприцельно лупят, так, по верхам, но раздражает! На третий день АГС поставили, я сам сел. Ага! Из дома очередь, из второго... а по двору мы как из всех стволов влупили, только штукатурка полетела!

Михаил спрыгнул с койки, походил.

— Во двор прибежали, а там среди кирпичей битых пять пацанов чеченских лежат, все черненькие, лет по четырнадцать-пятнадцать. И от гранат моих их просто разметало. У одного старый АКМ с деревянным прикладом был... Меня наши назад тянут, сейчас, мол, начнется, а я стою, в голове шумит, как после контузии, и все на них смотрю... Как по нам потом со всех дырок лупили! Неделю головы поднять не могли.

Он еще помолчал, походил.

— Война, и они с оружием. Да и будешь каждый раз прикидывать, что и как, так самого и замочат, — сказал я, вовсе не для того, чтобы что-то объяснить. — А я просто понял, что больше не могу. Война эта, за что, почему? Да и в жизни как-то вертеться, устраиваться надо.

— Тогда пой...

— Что?

— Ну не пой, так подпевай тем, кто уже устроился. Тебе же объяснили, что все места уже заняты.

Мы еще помолчали.

— Ладно, — наконец глубоко вздохнул Михаил, — давай, что ли, торт добьем? Чего ему-то пропадать?

15.

Прошло еще несколько дней. Наступил июль, в спортзал я приходил уже лишь к ночи. Сразу заваливался в койку. Ноги от беготни за день гудели. Закроешь глаза, а городские исхоженные за день улицы все стоят перед тобой, как наяву. Семь покатых, утыканных домами, спрятанных под асфальтом московских холмов, где в узких переул-

ПРОЩАЙ, КАПИТАНИ

ках маленькие кургузые церквушки и ударная стройка пятилетки — храм Христа Спасителя. Москва-река, ленивая и вальяжная, маслянистая вертлявая Яуза, неожиданно маленькая и горбатая Красная площадь. Все эти здания, мосты... Но странное дело, стоило лишь провалиться в сон, как приходили совсем другие картины, казалось, в суматохе уже давно забытые или которые хотелось забыть. Они из ночи в ночь упрямо лезли в голову...

Я вновь проваливался в вагончики, окопы, палатки. Деловито сновал вокруг камуфляжный люд. Лейтенант, учитель-математик, призванный на два года после педагогического института, с еще не бритым пушком на пухлых щеках, каждое утро шел на свою батарею, словно на уроки в школу. Он поправлял очки и, по-детски шмыгая носом, вносил поправки в таблицы стрельб. Вечером его менял кадровый старлей со щетиной и вечным перегастром.

Гаубицы бухали день и ночь, раскатами выстрелов стегая туго натянутое полотно нашей палатки.

И ночью, уже в который раз, мне снился один и тот же сон. Поле под Ханкалой, заставленное разбитой техникой. Два огромных армейских тягача с именами далеких девчонок на кабинах — “Маринка” и “Аленка” — таскали сюда с улиц Грозного сожженную технику. Я брел, утопая по колено в грязи, мимо выжженного танка Т-72. Изнутри тянуло невыветрившейся гарью и сладким прелым запахом. Танк был исписан белой краской: “приехал Ванька”, “заземлился Ванька”, “смерть России”.

На искореженном взрывом БТРе остался на люке автограф давно убитого и похороненного владельца — “Борисыч”. Еще на одном было старательно выведено “Ксюша” — имя девчонки, которая уже никогда не дождетс солдат.

Подбитую технику выставили строем, словно для последнего парада. Остовы машин плакали стекающими по броне дождевыми каплями по своим сгоревшим заживо солдатам и командирам.

Поле не отпускало, вязкая пластилиновая грязь хватала намертво, и я, с трудом выдирая ноги, бежал, задыхаясь, к палаткам, к полевому аэродрому, где в бесконечной карусели взлетали и садились вертолеты.

16.

Жаркое лето выгоняло нас из города. Несколько раз мы с Катей ездили на пляж в Серебряный бор. Как-то, расставаясь вечером, договорились завтра выбраться за город. Но утром на небо выползли тучи. Прохладнее не стало, наоборот,

парило, словно в бане. За город Катя ехать отказалась.

— Что же тогда делать? Поехали к нам, — предложил я. — Михаил как тебя увидит, так потом день прийти в себя не может.

— Ладно, не будем волновать твоего трепетного дружка, — вздохнула она, — поехали ко мне в гости. Ты-то мне как раз там сегодня и нужен.

Ехать пришлось недалеко, всего пару остановок на метро до “Китай-города”. Дальше шли пешком по улице со столовским названием Солянка. Катя на ходу успевала пояснять:

— Школа, обрати внимание, второй этаж, пятое окно от угла, там моя парта стояла... Детский сад, да не там, видишь, это теперь здесь банк, а раньше мы на горшках сидели... Речка Яуза, рекомендую — бабушка русского флота.

Перебрались через Яузу и встали у развернутого перед нами огромного дома, воткнувшего шпиль в самое небо.

— Ого!

Закинув голову, я разом оценил его основательность, монументальный камень в облицовке и строгий ампиризм или еще чего-то там. Было просто капитально, здорово.

— Хорошо устроилась. Не коммуналка?

— Сам ты коммуналка... деревня, — обиделась она. — Это сталинская высотка. Еще дедушка квартиру получил за то, что сталь придумал новую. Вон там, видишь, наши окна без света. Давай пока вокруг погуляем.

Чтобы не спеша обойти этот каменный исполин, потребовалось с полчаса. Магазин «Букинист», почта-телеграф, гастроном, кинотеатр. Все это перемежалось мемориальными досками. На втором витке окна ее квартиры зажглись. Катя торжествующе сказала:

— Ага! — и сразу потащила меня в подъезд.

Мы проскочили огромный холл с консьержкой, влетели в лифт. Лифт был старый, обшитый деревом, а не пластиком, и шел вверх ходко и плавно.

Дверь в квартиру оказалась железной и с кучей хитрых замков.

— А там кто? — почему-то шепотом спросил я. — Родители?

— Там?... Кормильцы. Только ты лучше молчи, можешь щеки надувать для важности или мускул бугрить.

— Чего? — изумился я.

— А, просто стой хмурый, там поймешь.

Она утопила кнопку звонка.

Из-за капитальной железной двери послышалась трель, но никто не отозвался. Катя нажала на кнопку еще несколько раз. Потом нагнулась к замочной скважине и голосом, в котором слышались и ласка, и угроза, и досада, пропела:

— Люция Карповна... Это Катя, открывайте, я знаю, что вы дома.

Мы замерли, внимательно вслушиваясь в тишину за дверью.

Положение становилось идиотским. Катя растерянно глянула на меня.

Нутром чувствовалось, что за железной дверью кто-то стоит.

— Ну-ка отойди.

Я примерился и как следует припечатал дверь ногой в высоком армейском ботинке.

Дверь под ударом загудела. Отойдя, я с разбегу приложился к ней еще пару раз.

Наконец, когда утих гул, рывкнул командирским голосом:

— Эй! Поллюция Карловна! Чего сидишь, как в сейфе?.. Открывай, зараза, пока дверь не вышиби!

Катя прижала ко рту ладонь и стала тихо оседать, задыхаясь от смеха.

Медленно закрутились ключи в замках, и дверь без скрипа поехала в сторону.

На пороге стояла представительная парочка. Мадам... таких я узнаю сразу. По лицу видно, что из тех, кто безжалостно сгоняет офицеров с сидячих мест в трамваях и электричках, да еще брезгливо бросает при этом, что офицер нынче — «фи-и». Рядом, благо проем двери был широким, топтался представительный мужчина с полуседой гривой, напоминавший этакое благородного льва. А пижама на нем была венгерской с плетеными шнурами.

— Слышь, Лева, ты не прав, в натуре... — войдя в азарт, попер я на него.

— Простите, но я не Лева, — растерянно попятился тот.

— Подожди, — остановила меня Катя.

Мы зашли в квартиру.

— Люция Карповна, здравствуйте. Как же так? Уже два месяца прошло...

— Здравствуй, Катенька, здравствуй, детка, — горячо перебила ее та. — Катенька, время-то нынче какое. Бандиты... — Она покосилась на меня. — Ты бы позвонила по телефону...

— Да звонила я уж сколько раз, у вас же автоответчик включен, а сами не подходите.

Они все трое помолчали. Я, привалившись к стене, равнодушно разглядывал лепнину на потолке.

— Люция Карповна, — тихо, но твердо сказала Катя, — вы задолжали за два месяца.

— Катенька, детка, — развела руками мадам, — у нас нет сейчас денег. Позвони недельки через две. Мы уж постараемся.

Катя переминалась с ноги на ногу. Мужчина в пижаме улыбался нам доброй, слегка снисходительной улыбкой.

— Так. — Я снова решил вмешаться и подхватил темного дерева, весь какой-то крученный стул с бархатной обивкой. — Твой табурет?

Катя отрицательно помотала головой.

Стул тут же полетел на лестницу с сухим деревянным хрустом, впечатавшись в стену.

— Грузовик внизу, переезд за ваш счет. Время пошло...

— Катенька! — прижав к груди руки, взвизгнула мадам. — Катенька, но мы же интеллигентные люди. Успокойте своего боди-гарда. Давайте решим вопрос цивилизованными методами.

Она развернулась и убежала куда-то в квартиру. А «не Лева» уже смылся туда же от греха подальше.

Впрочем, не прошло и минуты, как мадам вернулась с пачкой долларов в руках.

Деньги Катя не глядя сунула в сумочку.

— Катенька, — это уже появился этот, в пижаме, — Катенька, вы же знаете, как мы уважаем вас и ваших родителей. Давайте все же решать вопросы цивилизованно. Ведь мы же интеллигентные люди...

— Да, — подтвердила Катя, взяв меня под руку. — Мы интеллигентные люди.

И мы гордо ушли.

— Ты был великолепен, — получил я высокую оценку уже в лифте.

— Слушай, — поинтересовался я на улице, — а может, у них действительно больше денег нет? И вообще, кто это?

— Кто, кто? Жлобы, вот кто. Все у них есть. Сами квартиру в доме на набережной за три тысячи баксов в месяц сдают. Так что все у них есть.

— За три тысячи? — усомнился я, — это же мне полтора года ляжку тянуть. Что же это за дом такой?

— Да есть, напротив Кремля. Как паноптикум. Там мемориальные доски в три яруса. Дешевле в Кремле Грановитую палату снять, чем в нем квартиру.

— Подожди, — все пытался разобраться я, — получается, там сдают, а тут снимают? Зачем?

— Затем. Объясняю тебе, как военному, еще раз. Короче, одни жлобы снимают у других жлобов, чтобы я жила более-менее нормально. Новые русские есть, слышал? Вот они и снимают за три штуки в месяц квартиру с видом на Кремль. Хозяйка той квартиры снимают квартиру у нас в высотке за тысячу долларов, а разницу кладут в карман. Ну а я, — она вздохнула, — в Выхино однокомнатную нашла за двести баксов.

— А, понятно. И тоже разницу в карман кладешь?

— Ну ты сначала проживи на зарплату инженера, а потом уже выводы делай.

— Ловко, — поразился я, — а где же родители?
— Родители на даче. Зимой и летом. Клубника, цветы. Козу вот купили. Да ты не удивляйся, так пол-Москвы живет.

— С козами?

— С какими козами... так вот, снимая-сдавая.

Мы уже дошагали до метро.

— Ты, Игорь, сегодня молодец, — еще раз похвалила она меня, — я все думала, куда тебя пристроить можно. Так ты, пожалуй, в нашу фирму сгодишься. Ладно, — вздохнула Катя, — поехали все-таки ко мне в гости. Раз уж обещала.

И мы поехали. Сначала на метро через весь город, до последней станции на ветке. Потом еще минут двадцать тряслись на автобусе. Зашли в одну из обшарпанных панельных многоэтажек. Разбитый лифт полз со скрипом.

Вид из окна квартиры был живописен. Метрах в двадцати, вспарывая темноту фарами, вровень с окном сплошным потоком мчались машины.

— Кольцевая, — махнула рукой Катерина, хозяйничая на крошечной кухне, — форточку не вздумай открывать.

— А как же проветривать?

— Я для этого иногда на три ночи будильник ставлю, а вообще, если по уму, надо кондишен соорудить.

Большой обеденный стол в комнате накрыли на двоих. Хотя как накрыли... две чашки, две тарелки. Узкая длинная бутылка какого-то вина, рюмки. Чай был уже выпит, вино почато. Застольная беседа неожиданно затухла. Механическая птица в часах на стене прокаркала час ночи.

Мне стало как-то неловко смотреть на Катю, и я ползал взглядом по старым обоям, по разномастной мебели, которую, судя по царапинам и сколам, не раз перевозили с места на место. Но глаза упрямо возвращались к девушке.

— Что-то я на доме никаких кондиционеров не заметил, — наконец сказал я, ломая затянувшую паузу.

— Ну ты, не ерничай, — неожиданно разозлилась Катя, — свой-то дом есть, чтобы чужие хаять?

— Своего нет, — согласился я, — зато чужих порушил много. Один залп "Града" и... прощай Черемушки.

Она принялась собирать посуду. Поднялся и я, но, пытаясь помочь, больше мешал. В узком пространстве между диваном и столом было не развернуться. Катя, не переставая выговаривать, передавала мне по одной чашки, блюдца, рюмки.

— Почуять каждый может, тоже мне, наблюдатель сторонний.

— Ага, наставления прожигательницы жизни...

— А тут не казарма, там права качай.

— Там хоть сказал — сделали.

— Вот сам и делай.

— Что?

— Все!

Посуды больше не было. Мы столкнулись пустыми руками. Выключатель в комнате оказался как раз над диваном.

Машин на кольцевой было уже мало, лишь изредка среди ночи какая-нибудь из них бросала на окно яркое пятно света.

17.

Хоть раздевался я вчера спешно, камуфляжная куртка аккуратно висела на стуле рядом с диваном. Катя поднесла руку к шеврону с российским флагом на рукаве и закрыла указательным пальцем первую букву надписи под стягом.

Получились какие-то подозрительные "внутренние войска". Видно ей самой это не понравилось, средний палец лег на следующую букву и войска стали "утренние". Это было уже гораздо лучше.

— Утренние войска? — хихикнула она.

— А что, — потянулся я, — неплохо.

Мне хотелось что-нибудь девушке подарить, предложить ей что-то такое, от чего невозможно отказаться.

— Хочешь... А вот хочешь на север со мной поедем? Не уволюсь, буду служить дальше и уедем куда-нибудь в Коми?.. Емва, Пукса... Там знаешь какие глухие места есть?! Или еще куда, ты только скажи — и поедем. Я уже за службу столько мест сменил.

— И зачем вы ездите? — удивилась она, потрясенная столь щедрым предложением.

— Ну как зачем? Служишь на западе, а тут должность новая, где-нибудь на востоке. Все бросаешь и едешь.

— А на одном месте что, служить нельзя?

— Почему нельзя, можно. Вот у нас один прапор, прапорщик то есть, двадцать лет на одном месте сидел, так у него потом палец в пистолете к спусковому крючку не пролазил. Мизинцем стрелял... А вообще, такие места дикие есть, тайга! Так поедем?

— Х-м, вот еще придумал. Ехать куда-то. Не на курорт, чай, зовешь. Тайга! Я вам не декабристка, я девушка трепетная, ты со мной нежно. И вообще, на сегодня романтики хватит, на работу пора, — вздохнула Катя.

— Может, отгул возьмешь?

— Ну вот, начинается, уже собрался свой сидор и зубную щетку притащить, да и бельишко простирнуть по случаю.

"Кажется, меня ставят на место", — подумал я и

попытался обнять девушку. Но та вывернулась ловко, как кошка, шлепнула меня по рукам и, прихватив одежду, убежала в ванную.

От веселого настроения к ворчанию она перешла моментально. Впрочем, со мной состязаться было трудно. И когда привела себя в порядок, она выбралась из ванной, я, давно одетый и застегнутый на все форменные пуговицы, небрежно заметил:

— А мебель эту мы переставим.

18.

Вернувшись в спортзал, я немедленно завалился на койку — лег с блаженной улыбкой, закинув руки за голову.

Михаил давно встал, теперь, не решаясь приставать с расспросами, ходил кругами.

— Шамать будешь? — наконец не выдержал он.

— Не-а, — лениво бросил я и повернулся на бок.

— У нее был?

— Ага.

— Дома?

— Угу.

— Хорошо, когда есть к кому пойти.

— Эт-точно.

— Блондинка — мечта грузина.

Михаил еще походил вокруг койки, постепенно сужая круги. Наконец, решившись, присел на край и сказал, словно военную тайну выдал:

— У меня в Москве тоже где-то девчонка есть.

— Как это где-то? — не понял я. — В принципе, что ли?

— В каком еще принципе?! В больнице. Она медичка, у нас в полевом госпитале была в командировке от военкомата.

— В больнице? В какой?

— Да если б я знал!..

Михаил поднялся и вновь принялся расхаживать по спортзалу.

— Я братишку в госпиталь отвозил и ее углядел. А вокруг, ну знаешь, как на войне, мужиков рой. Тыловики всякие, гитаристы, песни поют. "Комбат бум-бум, батяня-комбат..." В общем, тыры-пыры, дай до дыры. Не пробиться. Так я всех разогнал. Кто сразу понял, отъехал. Кто не сразу — пришлось рыло начистить. А я по-серьезному хотел, с разговорами там, с чаем. Запал я на нее, понимаешь? Тут нас на операцию в горы бросили, вернулся, а ее уже назад в Москву отправили...

— Так в чем проблема? — пожал я плечами. — Звони в Мосгорсправку и пиши адрес.

— Да я ни фамилии, ни отчества не знаю... Уже неделю больницы обхожу, а их в Москве знаешь сколько?

— Во даешь! Ну а приметы там — рост, глаза, волосы?

— Волосы?.. — с горечью протянул Михаил. — Откуда я знаю, какие у нее волосы. Она ж в шапочке медицинской все время была.

Я не выдержал и начал смеяться, сначала тихо, потом все громче и громче.

Михаил бросал на меня яростные взгляды. Потом полез на свою верхнюю койку.

— Ну как хоть звать медсестру твою?

— Маша, — тихо протянул он.

— Маша и Миша, прямо как медведи, — усмехнулся я. — Значит, вместе служили. Краповый берет с красным крестом?

— Ну ты! Политрабочий! Давай потише, — свесился со своей койки спецназовец. — Она такая, знаешь, вся хрупкая.

Я глянул на этого заочно влюбленного монстра, представил рядом хрупкую медсестру в белом халатике и хотел было пошутить о чем-то таком, но еще раз глянул на бугрившегося в коечном проеме Михаила и шутить передумал.

19.

Я все чаще оставался у Кати, встречался с ней каждый день, порой проводя с соседом лишь выходные, когда Катерина уезжала к родителям на дачу. Впрочем, в один из вечеров она предложила позвать в гости Михаила.

— Что он там один мается? Пусть приедет, хоть развеселит.

Спецназовец к приглашению отнесся неожиданно серьезно. Притащил откуда-то уют и стал гладить футболку, долго и придирчиво разглядывал джинсы.

— Уши помой и шею...

— Ладно тебе. — Он с досадой отложил джинсы и стал подшивать свежий подворотничок к форменной куртке. — Как в цивильном выйдешь, первые же менты вяжут. Говорят, такая морда, как у тебя, сразу по пяти ориентировкам проходит.

По дороге, несмотря на мои вялые протесты, он купил цветы и торт, который, впрочем, сам же потом и съел.

Катя за столом все расспрашивала про нашу военную жизнь:

— Ну а вот как это все было?

— Что было?

— Ну война эта ваша?

— Она не наша, — неожиданно подскочил Михаил.

Катя пожалала плечами.

— Нет, вы мне расскажите. Игорь, ты вообще от меня ничего не должен скрывать. А ты, Михаил,

ПРОЩАЙ, КАПИТАН!

вот все спецназ, спецназ... А что такое этот ваш спецназ?

Михаил немедленно оседлал любимого конька и монотонно забубнил:

— Подготовка спецподразделений включает в себя несколько составляющих — физическую, боевую, моральную, волевою...

— И ты по всему этому подкован?! — забавляясь, притворно изумилась Катя.

Михаил важно кивнул.

— Конечно. Физическая, так я каждый день мускул качаю. Ну, боевая, так это просто условий пока нет.

— А волевая? — настырно приставала Катерина.

Михаил лишь кивнул на меня.

— Мне Игорехе порой, когда выступает, так двинуть хочется, но я ни-ни, волю на нем тренирую.

— Ладно, подготовлен, верю, — не сдавалась Катя. — Ну а воевал ты все же зачем?

Миша долго молчал, потом положил кусок торта на тарелку и вздохнул:

— Они Ванюшку убили. — Он еще помолчал и добавил: — И других ребят, многих.

— Вот, — не успокаивалась Катя. — Как это было?

— Ну, — снова вздохнул Миша, — мы тогда сразу четверых потеряли. Девушку, медсестру.

— Она тоже в бою участвовала?

— Нет, они просто вчетвером поехали. По рации сообщили, что одного нашего ранили тяжело. Ванюшка двух контрактников взял и медсестру и поехал разбираться.

— Как поехали? — упрямо уточняла Катя.

— На такси. Тормознули машину, вчетвером сели и поехали.

— Не понимаю. Как это так по войне на такси раскатывают?

— Такая война. Больше их потом никто не видел. Убили, конечно. Ванюшка просто так не дался бы.

— Что же это такое?

— Война... — пожал плечами Михаил.

Катя не понимала и тем не менее пыталась в который раз что-то доказать Михаилу:

— Разница между вами и другими есть, — упрямо твердила она. — Они там, а вы здесь. Вы умные, а они... недалекие.

— Как это? — не понял Михаил.

— Нет, вы капитаны brave и умные, потому что уехали оттуда. Все поняли и вообще...

— Я не потому уехал, — глухо вставил Михаил.

— Потому не потому, — зябко повела плечиками Катя, — все равно уехали.

— Не потому, — повторил Михаил. — И не надо об этом. Ты... Тебе не понять. Я вообще об этом только с теми, кто там был, говорить могу.

— Игорь, — горячилась она, — ну тогда ты объ-

сни. А то все война, война. В окно, вон, выгляни, лето, тополя запушились, люди гуляют, и все парочками, а ты война...

— А что тут объяснить? Вот у тебя есть друзья?

— Ты, — тут же с готовностью откликнулась она.

— Да нет, со школы еще, с детства, института.

— Ну есть, конечно. Хотя больше просто знакомые.

— Тогда представь, что каждый день одного или двух твоих друзей или знакомых убивают. И это тянется месяцами изо дня в день.

Она зябко повела плечами:

— А знаешь, есть такие, что я бы, наверное, и не расстроилась.

— Есть всякие, но и косит без разбора.

— Жуть... — передернула она плечами. — Но ведь это так далеко от Москвы...

20.

...Беженцы шли по дороге. Несколько лет назад отсюда стали уезжать самые прозорливые. Продавали чеченцам за бесценнок дома, квартиры и ехали в Россию. Потом тронулись те, у кого в остальной России были родственники, какой-нибудь угол, чтобы приткнуться на первое время. Дома и квартиры бросали. Их уже никто не покупал. Чеченцы смеялись и качали головами — все равно вы уйдете и все будет наше. Последние беженцы тронулись, когда началась война. У них не было денег, даже чтобы нанять машину.

Беженцы шли по дороге. Все русские, все жили раньше вместе в старой казачьей станице. Теперь из русских там остались лишь несколько стариков и старух. Умирать. Да и имя ей дали другое, чеченское.

Нестройная, нагруженная чемоданами и мешками колонна сразу за околицей быстро растянулась по шоссе. Последними шли женщина с девочкой — мать и дочь. Мать катила сумку на колесиках, с какой обычно ходят на рынок, дочка несла куклу. Девочке было четыре годика, она часто хныкала и просилась на руки.

Их не могли ждать, и цепочка людей уходила от них все дальше.

Теперь они шли одни. Когда показывалась машина, мать с дочкой прятались в подступавшем к дороге кустарнике: в машине могли оказаться чеченские бандиты, а мать девочки была еще молода и красива.

Когда ближе к вечеру они остановились перекусить, донесся раскат грома. Женщина подняла голову, удивленно глядя на чистое небо. Громыкнуло еще раз, уже ближе. Женщина обняла девочку, прикрывая ее собой. Они упали. Земля под ними дрогнула.

Девочка задыхалась и, ерзая, выбралась из-под мамы. Схватила и прижала к себе отброшенную в сторону куклу, заботливо стряхнув набившийся в игрушечные волосики песок.

Девочка обрадовалась, что не надо идти, и стала играть с куклой, выговаривая ей, что так замаралась.

Потом девочка стала тормошить маму, села рядом и заплакала. Она плакала, пока не кончились слезы, потом встала и, прижав к себе куклу, пошла по дороге.

...Офицеров и прапорщиков на войне старались через два-три месяца менять. Потом, правда, получилось так, что ехать на замену некому, и одни и те же мотались в Чечню снова и снова. Из одного такого отпуска прапорщик — старшина роты — привез сына. Так и доложил командиру: жена в больнице, а ему приказ сюда прибыть, у нас сейчас спокойно — вот и по телевидению с понедельника снова мир объявили. Что же, пацана в детдом отдавать на время очередной командировки?

Махнул рукой командир.

Счастливый пацан чертом носился по лагерю. Бронетранспортеры, боевые машины пехоты, танк, минометы, орудия. И все можно потрогать, по всему полазить. Оружие у всех! А у отца в оружейке вороненные стволы стоят, как в строю. Автоматы, снайперки, пистолеты...

Ему ушили, подогнали полевую форму, и он, важный, козырял каждому встречному, не ошибаясь — гражданских в военном лагере нет.

Из лагеря его не выпускали. Отец не брал его, ни когда ездил на водовозке к речке, ни когда отправлялся за продуктами. Тем более что снова начиналась заварушка.

Пацан к возвращению отцовской машины спешил на дальний КПП, дожидаясь, залезал к отцу в кабину. Тот и на войне старался прихватить сыну какой-нибудь гостинец.

В один из дней пацан уже час с лишним сидел на КПП в ожидании колонны. Из подаренной ему командирской сумки он высыпал на песок стреляные гильзы. От маленькой невесты как попавшей на большую войну гильзы от мелкашки до латунного стаканчика от патрона крупнокалиберного пулемета. Гильзы можно было расставить по росту. Можно было пристроить их повыше и сбивать камешками, как мишени. Наконец, составить их одну в одну, словно матрешки.

От дороги за КПП послышался натужный рев мотора. БТР, подняв облако пыли, волок искореженный взрывом "Урал" с порванными в лохмотья скатами. Бойцы на бронетранспортере отворачивались

от парнишки, стараясь не встретиться с ним взглядом.

Он все бежал следом, глотая слезы и поднятую пыль, крича:

— Папка! Папка...

Его здесь баловали как могли, а в этот день в их маленькой палатке его кочка была завалена конфетами, печеньем, которые неизвестно откуда достали солдаты. Пацан смахнул сласти на землю и стал топтать. А потом он исчез, убежал куда-то, и хоть часовые клялись, что из лагеря он не выходил — найти его никто не мог.

Утром он появился сам. Он знал, где ключи, и открыл оружейку. Стал выдавать оружие уходящей на операцию группе. Деловито, как это всегда делал отец, он отсчитывал патроны, автоматные магазины, гранаты к подствольникам, потом долго заполнял ведомости. Он делал все, что положено старшине роты.

Вечером по распоряжению была баня, и маленький старшина выдал роте мыло и чистое белье. Вечером принял оружие у вернувшейся с задания группы.

Давно считающие себя фронтовиками, навоевавшие до отвращения солдаты слушались парнишку больше, чем комбата. Бегом бросались выполнять его приказы. Да и посмей кто ослушаться — свои бы удавили.

Так он зовевал вместе со всеми еще неделю. А потом залетевший из Ханкалы штабной приказал "немедленно прекратить безобразие".

Впрочем, парнишку он забрал с собой и устроил его в какую-то специальную школу. Даже не в школу, а в кадетский корпус, где с детства "учат на военных".

Но все это происходило так далеко от Москвы...

21.

Из своих походов по больницам Михаил возвращался мрачным. Можно было и не спрашивать его о результатах. Теперь он даже с гириями работал без прежнего увлечения и азарта. Исполнял обязательную программу, быстро ел и начинал нарезать круги по спортзалу или сразу заваливался в койку.

Так и в этот раз. Михаил пришел, буркнул: "Привет", без удовольствия, как по обязанности, перекусил и сразу полез к себе наверх. Он долго ворочался, устраиваясь поудобнее.

Пачка газет, что притащил с собой в первый день, так и валялась под матрацем.

Михаил вытащил верхнюю, с шуршанием раз-

ПРОЩАЙ, КАПИТАН!

вернул. Что-то в газете ему, видно, не понравилось, и вскоре, скомканная, она полетела в угол.

Не сдаваясь, спецназовец достал следующую.

— Ну и что пишут? — вяло поинтересовался я.

— Да про нас, — с досадой бросил он, — послушай: "...Внутренние войска здесь в бой не бросают, армию гроят. К чему это?" — Он еще пошуршал у себя наверху. — Во дает "Комсомольская правда": "Никаких войск МВД на передовой в Грозном за месяц боев не видели. Шикарно "упакованные" для ведения войны "рэйнджеры" из спецназов "рассекают" на БТРах — в лучшем случае в нескольких километрах от передовой". И вот еще у них же: "...Благодаря действиям второго эшелона — подразделений МВД — ряды чеченского сопротивления пополняются с каждым днем".

"Комсомолка" белым растрепанным комком улетела туда же. Впрочем, газет у него было много.

— Вот еще про нас: "ВВ получили 107 процентов финансирования. Очевидно, плох тот режим, который не хочет кормить своих жандармов". Троицкий какой-то, "Общая газета". Так, "Известия": "Освободители демонстрируют расхлябанные, пренебрежительные, жадные до наживы лица. В Грозном масштабными грабежами занялись спецподразделения, которые пришли в город за армией".

А вот еще один "комсомолец", "Московский": "Но самое поганое — это войска МВД, только и делают, что избивают да грабят... грабят, грабят вертолетами".

Елки-палки, да за что же нас эти "комсомольцы" не любят?! Чеченцы хоть открыто стреляют, а эти в спину долбят. Да ну их всех... — он сбросил пачку газет на пол, подняв тучу пыли, и свесился ко мне с выражением какой-то детской обиды на лице.

— Ну-ка, оскалься, — попросил его я.

— Ы-ы, — остроил спецназовец зверскую рожу. Ему это было нетрудно.

— Точно, — подтвердил я, — расхлябанное, пренебрежительное, жадное до наживы лицо.

22.

— Господи, если больше ничего делать не умеешь, то можно и жизнь свою продавать. Понимаешь, продавать, а не отдавать даром. Есть ведь французский легион, наемники по войнам мотаются. Так люди хоть знают, за что жизнью рискуют!

Мы вели все тот же разговор, хотя я и не особенно спорил, со всем заранее согласный. Так, пытался хоть как-то защитить сослуживцев. Хотя перебить разошедшуюся Катю было не просто.

— Ты думаешь, спортсмены почему в рэкет идут? Да потому что, кроме как морду бить, делать ничего не умеют, а кушать-то хочется. Вот и выбор: или за сто рублей ящики грузить, или за мил-

лион бандитствовать. В общем, если и подставлять свою жизнь, так надо знать за что! Ну, другой, там ясно, меньше надо было кирпичи головой бодать...

— Да я что, спорю? Но и ты, Катя, пойми... Вот тебя государство с семнадцати лет кормило, воспитывало именно затем, чтобы потом когда-то в огонь и бросить. Просто кто-то прослужил от курсанта до пенсии и нигде, кроме стрельбища, автомат в руках не держал, а кто-то, как сейчас...

— Дослужил до пенсии и теперь бутылки пустые собирает? — фыркнула она. — А кому-то такая ваша пенсия — подтереться только... Государство! Да где то государство, которое тебя кормило, учило и которому ты должен? Гибче надо быть, понятно? Что вы все только под прямыми углами ходите?

Наконец она успокоилась.

— Ладно, ты-то больше никуда не поедешь. Мой стойкий оловянный солдатик. Завтра пойдем в одно место, познакомлю тебя кое с кем.

— С друзьями?

— Да нет, больше чем с друзьями. С компаньонами.

23.

В приютившем нас спортзале Михаил лежал на кровати, уткнувшись в книгу. Он так зачитался, что не заметил моего появления.

— Ну? — требовательно спросил я, заваливаясь к себе. — О чем пишут? Что за книга?

— Да войсковая, — отмахнулся Миша, — вроде как про нас, только имена другие. У мужика двадцать два года выслуги, а хаты нет, все по гостиницам парится. Зарплату три месяца не платят. А сам все лейтенант, из прапоров, наверно. Тут начальник его вызвал, твое-мое, говорит, давай в командировку двигаю, вроде как от военкомата. Найдешь друганов, с которыми служил двадцать лет назад, и ломай их контракт подписать.

— Так, — зевнул я, вытягиваясь в койке, — дальше что?

— Ну лейтенант ему и говорит, давай, мол, зарплату задержанную, проездные выписывай. Начальник — ни фиги и, как обычно, на сознательность давит, отвечает, мол, тебе дай, все сразу и пропьешь. Известно, не зря столько лет в лейтенантах.

— Ты озвучь книжку, — зевая, перебил я его, — может, быстрее засну.

Миша кашлянул и начал с листа, где до этого читал:

"— Ищите ваших друзей.

— Монсеньор, их, может быть, нет в Париже, это даже весьма вероятно. Мне придется путешество-

вать. Я ведь только бедный лейтенант, мушкетер, а путешествия стоят дорого.

— В мои намерения не входит, — сказал Мазарини, — чтобы вы появлялись с большой пышностью, мои планы нуждаются в тайне и страдают от слишком большого числа окружающих вас людей.

— И все же, ваше преосвященство, я не могу путешествовать на свое жалованье, так как мне задолжали за целых три месяца, а на свои сбережения я путешествовать не могу, потому что за два года службы я копил только долги...”

Тускло светили пыльные лампы под потолком приоткрывшего нас спортзала. Миша то и дело плевал на палец, чтобы перелистнуть очередную страницу увлекшего его Дюма. Сменялись короли и кардиналы, а храбрый лейтенант Д'Артаньян все скакал куда-то по своей французской, так не похожей на нашу, жизни.

24.

Действо, на которое я попал на следующий день, называлось презентацией. Горели нестерпимым жарким светом юпитеры, по полу змеились кабели телевизионщиков. Публика в небольшом зале собралась солидная. Мелькала среди них и Катя в строгом деловом костюме, видимо, на правах хозяйки. Представляли новую фирму, представляли ее каким-то дядям из префектуры, чиновникам, газетчикам, еще Бог знает кому... Казалось, что все они давно между собой знакомы. Пусть не лично, но так, что глянул еще издали и сразу ясно — свой.

Катерина таскала меня по залу и представляла всем подряд. Вскоре в руке оказалась кипа разноцветных визиток. Имена, фамилии и должности тут же вылетали из головы. В ней застряли лишь те, кто и будет вместе с Катей работать в новой фирме.

Баранец, Ботов и Гнидюк, золотая молодежь... Кто из ее сослуживцев, кто из однокашников по институту.

Официальная часть мероприятия была недолгой. Пели здравницы новым коммерсантам, собравшимся заняться утилизацией, переработкой и продажей старых танков, ракет, самолетов и прочего ненужного России военного имущества... Говорили красиво про мечи, которые следует перековать на орала, про разрядку и разоружение, про время больших возможностей для умных людей. От речей плавно перешли к столу. Впрочем, сюда попали уже не все. Круг допущенных в банкетный зал был узок и страшно далек от народа.

— Ну ты, вахлак, — Катя заставила меня взять ее под руку, — веди даму в залу.

Обделенные приглашением, уходя, завистливо поглядывали нам вслед. На столе в банкетном зале было все, что, по-видимому, сопровождает подобного рода мероприятия.

Здесь уже вели хвалебные речи, пили за фирму и ее руководство персонально. Во вновь созданной фирме трудились: исполнительный директор Баранец, коммерческий директор — Ботов, главный технолог по металлам и закупаемому сырью — моя Катя. Ну а вертел всем — и металлами, и сплавами, и всеми этими директорами — президент фирмы господин Гнидюк, самый старший из всех, прячущий за очками бегающий взгляд жулика.

На заставленном от края до края столе все маслилось и лоснилось, так же, как и рожи новоиспеченных директоров.

Прилично вела себя только камбала, она лежала в углу на блюде и презрительно смотрела на все одним глазом.

Мне было и противно, и голодно глядеть на все эти яства, слушать тосты и чавканье. Я стал бороться с голодом и самим собой методом ауто-тренинга.

“Вот жила лошадь, — размышлял я, глядя на стол, — добрая, славная гнедая строевая лошадь со звездочкой во лбу. Скакала лошадь по лугам, ромашки-лютики жевала, а потом ее убили. Чик ножиком — и из дохлой кобылятины сделали колбасу. Чтобы ее съели Баранец, Ботов и Гнидюк”.

А Гнидюк, победно посверкивая очками, делал стремительный выпад вилкой, как шпагой, насаживая за раз три колбасных кружочка.

Если бы одна колбаса! Желтыми, почти рыжими пластинами лежал на блюде копченый палтус. Вкусный, истекающий каплями жира палтус.

“Текла себе речка, и воткнули люди в эту речку сливную трубу, большую такую сливную трубу — метра полтора в диаметре. Льет эта труба в речку день и ночь то, что из города вытекает, а разные палтусы внизу собираются стаями. Жирок, значит, нагуливают. Гули-гули...”

— А палтус, между прочим, морская рыба, — глубокомысленно заметил Баранец, цепляя вилкой янтарный рыбий бок.

— Ты чего не ешь? — набитым ртом спросила меня Катерина. — Смотри, здесь народ хваткий, быстро все подметут.

— Мне непонятно, — пряча обиду, пробубнил я.

— Что непонятно?

— Мне непонятно, кто я?

— Ты? — удивилась она. — Ты заместитель генерального директора по безопасности — генеральный директор службы охраны.

— Да? — недоверчиво переспросил я.

— Да-да, — подтвердил Баранец. И сам Гнидюк

со свисающим с вилки куском палтуса приветливо и глубокомысленно кивнул мне, подтверждая назначение.

— Катенька, солнышко, — тихонько попросил я, — передай-ка мне во-он тот кусочек рыбки и колбаску.

Тут же, перед тем как подали горячее, мне очертили круг служебных обязанностей. У новой фирмы могли оказаться должники, и мне предстояло так же, как несколько дней назад, стучать ботинком в их железные двери. Если же наша фирма кому-нибудь за это время задолжает, мне следовало уже самому сидеть за железной дверью и ни за что не открывать. Платить за все это обещали чуть-чуть, но больше, чем нашему комдиву.

После презентации все довольные собой разъехались. У Гнидюка оказался огромный БМВ с четырьмя фарами и скошенным носом, сильно напоминающий акулу. Хотя вряд ли бывают четырехглазые акулы.

В салон БМВ не полезли только мы с Катериной.

Мы шли к метро, Катя взяла меня под руку. Был разгар лета, и город изнывал от зноя. Асфальт дышал жаром, как печка, и, казалось, пружинил и прогибался под ногами.

— Может, поедем за город, куда-нибудь на природу? — в очередной раз смахнув со лба пот, спросил я.

— Поедем, — легко согласилась она, — давно пора тебя на дачу свозить, с родителями познакомиться.

Москва опять собиралась что-то праздновать. Мыли улицы, поперек Тверской натягивали транспаранты. Уже отметили трехсотлетие тульского самовара. На очереди было двести пятьдесят лет московскому бублику. Атмосферу праздника портила лишь кучка к чему-то призывающих демонстрантов со знаменами и плакатами, пристроившаяся у памятника на площади. Зато с другой стороны открывали какую-то контору. Поперек распахнутых дверей была натянута ленточка. Два жирных борова в светлых костюмах стояли наготове с портновскими ножницами, снисходительно ожидая, когда поп окропит вывеску и порог святой водой.

Жизнь в столице бурлила.

Мы шли молча, пока я, уже на ступенях эскалатора, не спросил:

— Слушай, у тебя друзья, оказывается, такие продвинутые. Почему же ты не с ними сейчас на той же бээмвухе разъезжаешь, а со мной по жаре ходишь, паришься?

Катя лишь пожала плечами, потом улыбнулась.

— Что, заметил, как на тебя Гнидюк смотрит? Как на соперника! Он сколько раз ко мне подкатывал-

ся. — Она еще помолчала, словно размышляя. — Понимаешь, они просто другие. Продвинутые, конечно, сейчас без этого никуда, но куда-то не туда. Да ты не переживай, будет и у тебя крутая тачка.

Мы уже стояли на платформе между колоннами. Я обнял Катю и поцеловал. Мимо как-то слишком быстро пролетали поезда.

Наконец она глубоко вздохнула, словно вынырнув из воды, взяла меня под руку и потащила к поезду.

В вагоне сквозь шум она заговорила все о том же:

— Да и не только они. Все сейчас такие продвинутые. Кругом, куда ни глянь, все о любви поют, стихи сочиняют. А в разговорах тема одна — кто кого как и на сколько кинул, кто удачней замуж вышел или женился. Получается, что любви все хотят, а сами умеют лишь ненавидеть, завидовать, шкурничать. А у вас, военных, мой стойкий оловянный солдатик, таких нет?

— О-о-о, — засмеялся я, — просто считай, что тебе на солдатика повезло. Уродов, ты уж поверь, везде хватает.

25.

Михаила я застал на полу спортзала. Он расстелил крупномасштабную карту и, высматривая что-то, ползал по ней на коленях. Увидев меня, поднялся и с радостной улыбкой на лице шагнул навстречу.

— Все! Все. Назначили, пришел приказ, и место уже есть...

Только тут я заметил, что на нем новенькая милицейская роба.

— Вот и форму дали...

— Куда и кем назначили?

— Участковым, как и хотел. Район деревень Тьмище, Задырье и Малые Махаловки. А офис на центральной усадьбе в селе Большие Махаловки. Корову и мотоцикл с коляской дают, — похвастал он напоследок.

— Ты бы поинтересовался, на всякий случай, откуда вакансия и куда старый участковый делся.

— А что мне старый? Думаешь, не потяну? У меня принцип простой. Нарушил — на кукан! Не нарушил — живи. Пока. — И словно в доказательство Михаил сжал и поднял огромный кулак.

— Не знаю, не знаю, — продолжал сомневаться я. — В одной деревне участковый так половину мужиков пересажал. Драка там в клубе на танцах, за самогонку, за сено украденное, по хулиганке или еще за что. Так его потом в деревенском сортире утопили...

— Кто?! — презрительно поиграл мускулами Михаил.

— Да бабы деревенские. Мужиков не стало, они и озверели. Зато геройская смерть. Подвиг участкового. Журналисты приезжали. Сильная картина.

Мой сосед задумался и озадаченно заходил по спортзалу.

— Ладно, на месте разберемся. Слушай, я гири, штангу и батарею с собой возьму, чтобы качаться, или, хочешь, батарею тебе оставлю?

— Да забирай, чего уж там, — широко разрешил я. — Так когда отъезжаешь?

— Вот тебя, зверюга, женю и поеду. Еще с неделю в Москве побуду.

— А медсестра твоя, как? Так и не нашел?

— Да нет, еще сорок больниц обежать осталось. А тут еще, оказывается, госпитали есть, медсанчасти всякие. Но я новый способ придумал. Я теперь не ходить, а обзванивать больницы буду. Ты то устроился?

— Все, уже работаю на фирме у Катерины. Генеральный вахтером. В понедельник первый день.

— У Кати? — вздохнул он. — Тебе платят или сам доплачиваешь? Вы приезжайте ко мне в Махаловки, на охоту там или рыбалку. Ты вообще держись за это чудо длинноногое, она хоть и молодая, и характер не сахар, но в этой жизни дурацкой гражданской, похоже, волочет. За такой не пропадешь...

26.

В последнее наше свидание перед началом рабочей недели Катя неожиданно взбунтовалась.

— Не хочу в кино. Что ты все, то в кино, то в мороженицу, то в ваш спортзал пыльный... И от "Макдоналдсов" твоих меня уже тошнит. Словно пионеры... Я в десять лет ходила и в кино, и в мороженицу. С кавалерами, между прочим. А в бутербродных тогда только ханурики собирались. — И она закончила с чисто женской логикой: — Я тебе что, старуха?

— Ну не знаю, — пожал я плечами. — Тебе не угодишь. Ходили же недавно в ночной клуб на дискотеку.

— Да?! А кто там драку устроил, как не твой дружок. Еле ноги унесли.

— Так ему же там наркотики предложили. А он, ты же знаешь, в милиции теперь, ну и среагировал, как положено.

— Не нравится — не нюхай, — отрезала Катя.

— Да нет, — попытался объяснить я, — к нему двое подвалили. У нас, говорят, для тебя таблетки есть. Ну Михаил сначала не въехал, говорит,

вы что, аптека? Слово за слово, махач и начался.

— Махач?.. — хмыкнула девушка. — Весь ночной клуб на уши поставили. Вот из-за этих ваших махачей теперь в приличное место и не пойдешь. Бог его знает, что от вас там ждать.

— Ну не знаю, — вздохнул я, — пойдём тогда, что ли, в зоопарк.

— Почему в зоопарк? Ты на что намекаешь? — с подозрением поинтересовалась она.

— Да ни на что. Булку купим, будем зверей кормить.

— В тебе что, материнский инстинкт проснулся? Ладно, пошли зверье посмотреть. Я там, кажется, и была, только когда в школе училась.

Вырванные из природы звери грустно стояли в своих вольерах. Лишь одна обезьяна смотрелась за решеткой удивительно к месту. Противная такая обезьяна со знакомыми прозрачными, водянистыми глазками, сальной мордой и редкими прилизанными волосами. Я долго думал, кого этот гамадрил мне напоминает, но потом узнал в нем секретаря нашей жилищной комиссии. Обезьяна-секретарь строила рожи, складывала губы дудочкой и косила глазами на мою булку. Она демонстрировала бодрость духа, ясно показывая, что такие и за решеткой не пропадают. Ловко качалась на ветке, потом спрыгивала и старательно скакала по клетке, пока я отрывал и кидал ей куски хлеба.

Живот обезьяны раздувался на глазах, морда лоснилась все сильнее. Булка кончилась, и она, поняв, что у меня за душой больше ничего нет, тут же потеряла к нам всякий интерес, оскалилась, показав желтые зубы, повернулась красным потертым задом и заковыляла в угол к миске.

27.

Михаил в спортзале пел. Он вопил какие-то боевые кличи и после этого дробно и тяжело топал ногами. Снова что-то выл и снова топотал. К окнам прилипли любопытные солдаты.

— Ну ты, мент, даешь...

— Нашел, Игореха, представляешь, нашел!

— Что?

— Не что, а кого! Девчонку свою, Машу. Сегодня в одном месте сказали, что она в больнице "Скорой помощи" работает. Случайно нашел, представляешь?!

— Ну и здорово, хоть узнаешь, какого цвета у нее волосы. Слушай, а вдруг она замужем?

— Как это?! — опешил Михаил.

— Так это... Может, она там, в Чечне, пошутила,

ПРОЩАЙ, КАПИТАН!

что незамужняя, или уже здесь за это время выскочила.

— Ты что такое говоришь?! А чего же я тогда ходил, искал, в Москву вот приехал?

Я неторопливо собирал последние оставшиеся здесь вещи, чтобы уже окончательно перебраться к Кате.

— Нет, подожди, — оторвал меня от сумки Михаил, — скажи, что пошутил.

— Да я-то откуда знаю? Я вообще медсестру твою не видал ни разу.

Хватка у спецназовца была железная.

— Нет, ты скажи...

— Ну пошутил.

— То-то, — он отпустил меня и сразу успокоился. — А то сказанул тоже, замужем!

К нему вернулось хорошее настроение. Он пошагал к выходу, а на прощание пожелал:

— Ты вещи-то совсем не забирай, не пропадай, с подружкой своей захаживай. С Машей вас познакомлю. А то давай две свадьбы, разом...

28.

Пришел мой первый день работы в новой должности. И начался он прекрасно. Мне, как начальнику охраны, предстояло охранять и сопровождать Катю в ее деловой поездке. Ехать предстояло на границу Подмосковья. Пару часов поездом, а у станции нас уже ждал зеленый военный "уазик".

По проселку пылили недолго. Уперлись в зеленые ворота с обшарпанными красными звездами. Прапорщик, все это время молча сидевший за рулем, вылез и пошел открывать.

— Досокращались, — бросил я Кате, — на калитку поставить некого.

— "Уазики" ваши — такая гадость, — совсем о другом заговорила она, — до чего мерзкая машина, трясет, как в телеге. Сегодня сделочку провернем, купим нормальную тачку. Готовься, возить меня будешь.

— За отдельную плату. В шоферы не нанимался, — не согласился я, начиная вырабатывать в себе коммерческую жилку.

Катя с интересом глянула на меня и хмыкнула. Но тут вернулся прапорщик, и мы поехали дальше.

Дороги по аллее за воротами было еще минут на пятнадцать. Древний, с винтом, самолет, вздернутый на бетонную стрелу над постаментом. Высокие тополя вдоль аллеи перемежались с выцветшими плакатами. Сначала шли ордена, которыми эту часть наградили за долгие годы. Потом портреты Героев Советского Союза, служивших здесь, похоже, совсем недавно. Наконец мы подъехали к зданию штаба.

На крыльце прогуливался невысокий круглень-

кий подполковник с летными эмблемами на погонах. Увидев машину, он заспешил навстречу.

— Ждем, ждем. Как доехали?

Подполковник суетился, как насадка вокруг цыплят, пропустил нас в дверях, потом шустро забежал вперед, показывая дорогу.

Двери многих кабинетов были нараспашку, валялись на полу какие-то бумаги, стояла старая сломанная мебель. Но в кабинете самого подполковника на втором этаже, куда мы наконец пришли, оказалось неожиданно уютно. Даже роскошно. Его кабинет напоминал офис преуспевающего бизнесмена. Черная обтянутая кожей мебель, мягкий однотонный палас на полу, на столе мерцал экран компьютера. Не было только длинноногой секретарши, ее, видимо, заменял встретивший нас на вокзале угрюмый прапорщик.

В кабинете стоял полумрак. Черные плотной ткани шторы закрывали окна.

Подполковник показал нам на большие кресла, а сам слезил в сейф, достал несколько скрепленных листов бумаги и взмахнул ими, словно платочком.

— Ну-с, — потер он пухленькие ручки, — будем подписывать?

— У нас, у металлистов, — вздохнула Катя, — деловой обычай: сначала руками потрогать, на зуб попробовать, а потом уже подписывать.

Подполковник ничуть не смутился, положил бумаги, подошел к занавешенному окну и подозвал нас.

— Алле оп!

Он дернул за шнур, и шторы поехали в стороны.

Фокус получился. В кабинет хлынул свет. За окном было огромное поле, край его терялся где-то за горизонтом. Все поле было заставлено боевыми самолетами.

Подполковник смотрел на нас, наслаждаясь произведенным эффектом.

— Вот товар, можете щупать, трогать. Тут этого добра... — он махнул рукой. — Подписывайте, как договаривались, на двенадцать тонн лома, ну а сколько заберете, это уж, я думаю, решим в рабочем порядке.

— А?.. Да-да, конечно. — Катя оторвалась от окна.

Я все смотрел на уткнувшиеся друг в друга носами, цепляющиеся крыльями, похожие на огромных беспомощных птиц самолеты.

— ...Отдел реализации в лице подполковника... с одной стороны... и производственно-коммерческая фирма... с другой стороны, заключили настоящий договор... поставки металлического лома... — доносились от стола высокий голос Катерины и хриловатый хохоток подполковника.

— Ну что? — подошел он ко мне. — Впечатляет? Нравится? Не оторваться?

— Вы летали? — неожиданно для себя спросил я.

— Голубчик, сейчас все дела не в небе, а на земле делаются. Мечтал, конечно, когда-то, в несозначательном детстве. Да только все эти летчики, герои... — он махнул рукой, — пролетели, короче, получается по жизни. Ну ладно, хватит глазеть, пошли, сделку обмоем.

На столе уже стояла бутылка коньяка, лежали бутерброды. Стол, чтобы не закапать, был застелен какой-то странной красной скатертью. Подойдя ближе, я узнал в ней знамя. Большое бархатное знамя гвардейской с перечислением орденов воздушной армии. А сейчас туда тыкали вилкой, подцепляя колбасу.

— Давайте, ребята, берите самолеты, сколько сможете. Хотите, садитесь и улетайте, хотите, — хохотнул он, — лобзиком распиливайте и уносите. Мы с вами, — подполковник разлил по рюмкам коньяк, — целую воздушную армию распилим. А это, — он поднял вверх указательный палец, — если прикинуть, больше чем фашисты за войну сбили.

Они уже подняли рюмки и ждали. Катерина толкнула меня в бок. Я поднял рюмку и послушно выпил вместе с ними.

29.

Капитан Михаил Портнов у метро успел сделать массу покупок. Большой букет высоких колючих роз. Торт "Мираж" — шоколадно-вафельный с кокосовой стружкой. Духи "Шанель №5", польский вариант. На нем была новая, еще необмявшаяся милицейская форма, голова и шея помыты, щеки и подбородок выскоблены бритвой до синевы.

Подошел автобус, длинный желтый "Икарус" с черной резиновой гармошкой посередине. Михаил поднялся и устроился у широкого заднего окна. Пассажиров было немного, лишь через пару остановок ввалилась в переднюю дверь шумная толпа подростков в яркой одежде со стильными рюкзаками за спиной. Следом вошла контролер — женщина с усталым лицом в нелепой форменной куртке. Кто-то торопливо застучал компостером. Остальные равнодушно доставали и совали контролеру зеленые, красные, бордовые книжечки удостоверений.

— Ваши билеты? — подошла она к подросткам.

Те словно и не слышали. Из своего угла Михаил видел их странные заторможенные лица, неестественно блестящие глаза.

— Ваши билеты... — нараспев проблеял кто-то в толпе.

Крайний стриженный парень резко повернулся

спиной к контролерше, его рюкзак с пристегнутым блестящим диском с размаху ударил контролера по лицу. Парни засмеялись.

Михаил вздохнул, с сожалением глянул на цветы, торт в другой руке и решительно зашагал по салону. Автобус остановился, дверь открылась, и парни посыпались на остановку. Контролерша схватила ударившего ее парнишку за рюкзак. Тот попытался вырваться, потом, не глядя, лягнул женщину и выскочил из салона.

Михаил прыгнул мимо охнувшей и согнувшейся контролерши.

— Атас, мент! — увидев его, крикнул кто-то из парней, и они рванули по тротуару.

Свернуть им было некуда. Слева сплошным потоком мчались машины. Справа бесконечно тянулось какое-то здание. Редкие прохожие прижимались к его стене, пропуская бегущих.

— А ну стой! — на ходу рявкнул Михаил.

Бежать было неудобно, огромный, обернутый хрустящим на ветру целлофаном букет парусил, да и второй рукой с тортом на бегу особенно не помашешь.

"А идиотский, верно, у меня вид", — подумал капитан и прибавил ходу.

Он обошел одного, самого худосочного из парней, второго...

До стриженного, на рюкзаке которого болтался блестящий кругляшок лазерного диска, было еще далеко.

В здании оказалась арка. Поравнявшись с ней, парни, как по команде, свернули. Михаил забежал следом.

Небольшой двор. Брошенная, ржавая, без стекол и колес машина, помойка, пара скамеек и песочница. В глубине двора ломали небольшой дом. От него остался лишь кусок стены с провалами окон. Под ногами валялись битые кирпичи, куски штукатурки, в стороне грудой лежала выброшенная за ненужностью развалившаяся мебель. Парни группой стояли у помойки, вовсе не испуганно, кто-то уже закурил. Дымок от сигарет был странным, сладковатым и тягучим.

Михаил остановился перед ними, перевел дух.

— Ну-ка ты, лошак лягучий, иди сюда.

Неожиданно на него нахлынуло: полуразрушенный дом в Грозном, заваленный битым кирпичом двор и подростки, в нелепых позах лежащие на земле...

Михаил потряс головой. Пацаны у помойки засмеялись.

Капитан взял цветы и торт в одну руку и шагнул прямо в толпу. Попавшегося под ноги низкорослого паренька просто отбросил в сторону. Парень с рюкзачком, ударивший контролершу, заметался перед ним, не зная куда деться.

204

ПРОЩАЙ, КАПИТАН!

Михаил почувствовал, что кольцо парней сзади сомкнулось. "Не на войне", — успокоил он сам себя и положил тяжелую руку на плечо стриженному. Сграбастал его и потянул к себе.

Легкий укол откуда-то сзади пришелся прямо под сердце. Михаил удивился, что стриженный парень неожиданно легко выскользывает из его руки.

Оседая на грязный асфальт, капитан успел увидеть только спины убегающих парней. Уши словно заложило ватой, мир неожиданно стал глухим, и только сердце все еще наполняло его гулкими ударами. И еще цветы, много цветов вокруг, с резким тягучим запахом... "Шанель", для Маши", — пронеслось в голове, но сил, чтобы дотянуться до кармана и нащупать флакон, уже не было.

30.

Больница дежурила по "скорой". С утра белые машины с красным крестом стали съезжаться сюда со всего города, то и дело заворачивая с дороги к больничным корпусам. Они взлетали по бетонному пандусу прямо к широким дверям приемного покоя. К часу дня, когда поток машин спал, дежурный врач, распихав по палатам алкоголиков, которых похмельный синдром довел до сердечного приступа, граждан, умудрившихся положить с утра пораньше руки и ноги, пошел обедать.

— Маша, все, — категорично заявил он. — Для больных я умер. Пойду пообедаю и посплю часок в ординаторской. Ты девушка опытная, со славным боевым прошлым, сама разберешься, кого куда.

Рафик "скорой помощи", осев на рессорах, подрулил ко входу и замер. Фельдшер — девушка лет двадцати в белом халате — подняла широкую заднюю дверцу машины, из-за дверей приемного покоя выкатили каталку. Под тяжелым телом колеса противно тягуче скрипели.

— Ножевое, пока жив, — деловито сказала Маше фельдшерица, видно, лишь недавно начавшая выезжать на вызовы, и, не удержавшись, похвасталась: — А я капельницу сама поставила.

Позвонив врачу, Маша привычно сначала глянула на рану, поправила неумело наложенную повязку и только потом бросила взгляд на лицо.

— Боже!.. Михаил?!.. Господи, как же это, почему тебя?

Она вновь посмотрела на тяжелую от впитавшейся крови куртку, на повязку с ржавым пятном, на бледное лицо. Фельдшер "скорой" уже уехала, и в приемном покое они были вдвоем.

— Миша, Мишенька, подожди, сейчас, только врач подойдет.

— Маша... — он, собравшись с силами, улыбнулся, — так много больниц в Москве.

— Ты не говори, не надо, потерпи немножко.

— Я же без тебя...

— Не надо, Мишенька, все будет хорошо.

— Там... там дети же.

— Мишенька, ты только вытерпи, все будет хорошо.

— Больно...

— Ты только потерпи, Мишенька, ты же сильный.

Медсестра, не выпуская его руку, растерянно оглянулась на шкаф с медикаментами, большие круглые часы на стене, равнодушно отсчитывающие время.

— Миленкий, сейчас, все будет хорошо, только дождись. Ведь ты же меня нашел, миленкий...

За окнами приемного покоя нетерпеливо сигналлила машина "скорой помощи".

Врач, что-то еще дожевывая, на ходу вытирая руки, зашел в приемный покой, подошел к каталке с лежащим на ней Михаилом, быстро и деловито приподнял его веко.

— Что ты над ним бормочешь? Он же умер давно. Давай быстрее, там двоих с автомобильной аварии привезли.

31.

В кармане Мишиной куртки оказался листок бумаги с моим номером телефона. Мне и позвонили из больницы. Уже больше года шла война, и механизм похорон в нашем округе давно отработали. И не было в похоронах лейтенантов и старлеев никакой пышности. Обходились без орудийного лафета и минуты молчания. Одна-две медали лежали на уже потертой подушке. Все знали и привычно выполняли закрепленные обязанности. Кто выделяет машину и автобус под катафалк, кто оркестр, дежурный венок и ленты. Комендантский взвод с автоматами был не нужен. Салюта убитому в мирной столице капитану не полагалось. Вся процедура заняла от силы несколько часов, в основном на дорогу от больничного морга до городского кладбища на окраине.

Ночевать я остался в спортзале и вечером разбирал его вещи. Никаких капиталов за войну и службу Миша не нажил. Парадный камуфляж с орденом Мужества, медалью "За отвагу" и знаком "За отличие в службе". Несколько фотографий друзей. Успевшие выцвести, сделанные на войне квадратики полароидных снимков. В завязанном в носовой платок бесформенном железном комочке с трудом можно было узнать расплюснутую пулю, выпущенную из снайперки. Было несколько исписанных неровными строчками листков. Один со стихами.

*Мы про Россию песни пели
И умирали за Арбат,
Где строй матрешек на столах
И сувенирные шинели.*

*И за Россию шли мы в бой,
Нам генералы объяснили,
Что счастья в жизни больше нет,
Погибнуть в 18 лет.*

*Тот, кто живой, окончив бой,
Вернется все-таки домой
И будет вспоминать войну,
Тех, кто погиб и кто в плену.*

*А может, надо все забыть?
И хватит раны беречь.
Стереть войну, отвыкнуть мстить.
Но если это все забыть,
То как же будешь дальше жить?*

Под стихами на машинке было напечатано:
"Уважаемый Михаил, благодарим вас за стихи, присланные в журнал "На боевом посту". К сожалению, напечатать их мы не можем по причинам художественного характера. Советуем вам побольше читать классической литературы, особенно классиков русской поэзии: Тютчева и Фета. Успехов вам в боевой службе!"
Дальше шла закорючкой подпись какого-то майора.

32.

Телефон долго отвечал лишь длинными, тягучими гудками, пока наконец трубку не сняла Катя.

— Вот что, дружок, — с ходу начала она выговаривать, — то что ты дома не появляешься — это твое личное дело, но если ты с первых дней думаешь работу прогуливать, то в нашей фирме тебе не место. Здесь тебе не армия...

— Мишу убили, — перебил ее я.

— Да? — растерялась Катя и вздохнула. — Жалко... Он, в общем-то, хотя и недалекий, но безвредный был. А я-то думаю, где тебя носит, бросил меня, что ли?

— Катя... — начал я и замолчал.

— Так! Слушай, приезжай ко мне, все обговорим. Тут по твоей части столько работы появилось.

— Катя, а ты действительно теперь всегда со мной будешь? И ждать, если что, и поедешь, если куда надо?

— Ну вот, — вздохнула она, — уже торговаться

начал. Ох, а мне ведь говорили наши, что не надо тебя брать. Ты от этой службы своей как порченный.

Я молчал, и она, выждав, продолжила:

— Ну почему вы такие? Сколько тебе еще втолковывать нужно? Да ты пойми, жизни твоей для всех, кроме самого тебя, цена копейка. Твой же милицейский друг собой это доказал. Ну что, я не права? Да и тебе что, есть пойти еще куда? У тебя выбор-то есть?

— Наверно, ты права... Только знаешь, дело ведь совсем не в этом. И выбор, он всегда есть.

— Ну и катись... Нет, подожди, что-то я не то говорю, подожди...

Я, не дослушав, повесил трубку.

33.

Я сидел в знакомом кабинете "товарища полковника", который мне не друг.

— Да что там, зовите меня просто Александр Васильевич... Отдохнули, значит, вот и славно, — суетился он, споро оформляя бумаги. — Так мы вас включаем в группу и в Грозный на подмену. Сейчас и вылетите. Там с июля перемирие, отсидите два месяца где-нибудь на блокпосту, да и денжат подзаработаете. У вас ведь, хе-хе, я слышал, скоро свадьба. А "уазик" на Чкаловский через полчаса пойдет. У вас ведь вещи с собой?

— Да, то есть нет...

Вещей у меня не было вовсе.

* * *

Офицеры шли строем по кромке летного поля. Издали все они казались одинаковыми. За зеленой полоской травы приникли к бетону самолеты. Крайний в ряду транспортник Ил-76 стоял с опущенной рампой. Вокруг копошились люди в камуфляже, таская в чрево самолета какие-то ящики. Летчики торопили солдат, поглядывая на садившееся солнце. А его багровый диск уже цеплял деревья, разливая темно-красный, как запекшаяся кровь, цвет по их верхушкам.

Запустили двигатели самолета, воздух за ними задрожал, дробя и смазывая лес за аэродромом. Последний в строю капитан огляделся, зажмурился на солнце, подумал, что, судя по приметам, этот август в Грозном обещает быть горячим, а конца войне все не видно, и шагнул в черный проем за поплывшей вверх рампой...

На бетонке уже ничего и никого не было.

Прощай, капитан!

Виктор ЛОСЕВ

Нашим читателям со стажем полковник запаса Виктор Николаевич ЛОСЕВ хорошо известен как военный публицист, очеркист, не один год проработавший в журнале "На боевом посту". Несколько лет назад в приложении к журналу "Милиция" увидела свет книга его прозы, а недавно, в канун шестидесятилетия, в столице вышел поэтический сборник "Вечерние напевы". Этой публикацией мы присоединяемся к поздравлениям юбиляру, желаем нашему боевому товарищу крепкого здоровья и новых творческих успехов.

Но все мне хочется понять,
Где находила силы мать,
Чтоб фронт любовью согреть,
Страдать, работать,

мужа ждать
И нам, от голода опухшим,
Вдохнуть в иссохнувшие души
Неистребимую вовеки
Любовь к добру и человеку.

Нет, в детства этого потерю
Не верил я.
И не поверю!

ЕСЛИ...

Если вас на крыльях за собою
Строевая песня не возносила,
Значит, не понять вам,
как душою
Может стать
велье командира.

Если, как с любимой,
с автоматом
Ночи не бродили напролет,
Не понять вам, почему солдата
Распорядок строгий не гнетет.

Если вы ни разу в жизни марша
Не прошли по полной боевой,
Не понять вам,
почему, уставший,
Не клянет он
труд тяжелый свой.

Если вас, как на судьбу, в атаку
Не звала трубы святая медь,
Не узнать вам,
как он может с маху
Минные поля преодолеть.

Если за спиной у вас ни разу
Не остался Родины покой,
Не понять вам,
как и без приказа
Он всегда готов
на смертный бой.

Если ж вы все это испытали,
Знали тяжесть званий и погон,
Боевое знамя целовали, —
Я за вами в воду и огонь!

ДРУГУ

Мой друг по-черному запил
И месяц кряду
В себя без перерыва лил
Цистерну яду.

ПОКА ОГОНЬ ЕЩЕ СТРУИТСЯ

КОСТЕР

На заре в нетронутым тумане
Одинокий светит мой костер.
Он погаснет,
только солнце встанет,
Озарит сиянием простор.

Но пока огонь еще струится
И дарит желанное тепло,
Милый друг,
не надо торопиться,
Время наших мук не истекло.

Прислонись ко мне.
Еще мгновенье
Погадай, о чем поют угли.
Пусть тебя не гложет сожаленье
О твоей несбывшейся любви.

Я б хотел, чтоб вечно
вечер длился,
Чтобы ты сидела у огня.
Но увя! Не Богом я родился,
Нет над небом власти у меня.

Пред тобой и я костром пылаю
Только в эту трепетную ночь.
Так прости, прости, моя родная,
Если мне судьбы
не превозмочь.

Мы уйдем,
но долго будет мниться.
Что в тумане, на пороге дня
Над костром
дымок еще клубится,
Нашу верность
дольше нас храня.

ДЕТСТВО

Откуда сны, откуда сказки,
Откуда упоенье лаской,
Игра ума, души кокетство?
— Из детства.

Откуда к материнству зов,
Отцова строгая любовь
И поклонение невестам?
— Из детства.

Откуда восхищенье чудом,
Святая благодарность людям
За все, что дали нам
в наследство?
— Из детства.

А детства не было у нас,
У тех, кто был рожден
в войну.
И это никому из вас
Не ставлю я в вину.

Я знал, что в жизни у него
Такое было,
Какое уж не одного
Свело в могилу.

А он, себя зажав в кулак,
Не гнул колени.
Работал. И работал так,
Как черт, как гений.

И на нейтральной полосе,
На минном поле
Мы у него учились все
Не выть от боли.

Но он запил, когда, поди,
Нам всем казалось —
Одни победы впереди
Ему остались.

А он не признавал побед
Без поля боя
И вел уже немало лет
Войну с собою.

Теперь он пушку наводил
Не в танки немцев,
А словом беспощадно бил
Приспособленцев.

Но в этих кляузных боях
Не "тигры" были,
А те, что числились в друзьях
И с тыла били.

Я мог бы с ним на танк идти,
Как он когда-то,
И на руках его нести
До медсанбата.

Но он не ранен, и меня
Считает трусом
И водки просит, как огня
Тогда под Курском.

Мой друг по-черному запил,
Не оттого ли,
Что я его не заслонила
На этом поле?

ЖЕЛАНИЯ

Мне стоит только захотеть —
И золотом заблещет медь.
Мне стоит только захотеть —
И ты мне станешь песни петь.
Мне стоит только захотеть —
И поцелуй подарит плетью.
Мне стоит только захотеть —

И перестанет лес шуметь.
Мне стоит только захотеть —
И враг мой может умереть.
Мне стоит только захотеть —
Над вами я могу взлететь...

Вот только как бы мне суметь
Себя заставить захотеть?
Пока я думаю об этом —
Один пятак в кармане медный,
И жалит оговора плетью,
И милая не хочет петь,
И лес шумит, и враг живуч,
И я ползу под грузом туч...

Ну что ж!
Я в жизни этой свой,
Зачем желать судьбы иной?
Я всем вам твердо обещаю:
Я ничего не пожелаю.
Мне нет страшнее наказаний,
Чем исполнение желаний.
Тогда мне радостна работа,
Когда мне недоступно что-то.

НЕЗРЕЛЫЙ ПЛОД

Вешний свой наряд
надели сливы,
Грянули по рощам соловьи.
Только грустно мне,
что несчастливая
Ты в своей
непрощеной любви.

Май для нас пришел,
как наказание,
Снежную лавиной лепестков,
Бурными потоками признаний,
Нежных и восторженных стихов.

Ночки, словно почки тополиные,
Раскрываясь, нам благоухали.
У любви дороги были длинные —
Так в лесу кукушки куковали!

Но весной погода переменчива,
Опадает быстро белый цвет.
Не спеши ответить
опрометчиво,
Что былого счастья больше нет.

Мне моя любовь
уже напомнила:
Пусть хоть горький,
но созреет плод.
У того навек в душе оскомины,
Кто его незрелым оборвет.

* * *

Над сторонкой дальней,
Тихой и печальной,
Тучи проплывают,
За собой маня.
Я б хотел за ними
По небесной сини
Полететь бесшумно
В дальние края.

Я б хотел пролиться
На родные лица
Теплою струей
Летнего дождя.
Пусть дождя паденье
Будет им знаменьем,
Что на белом свете
Больше нет меня.

Над сторонкой дальней,
Тихой и печальной,
Проплывает стая
Перелетных птиц.
К ним хочу синицей
Присоединиться,
Чтоб восторг исторгнуть
У любимых лиц.

Пронесусь, как ветер —
Ласков, тих и светел,
Чуть затронув ровный
Стебелек огня.
Пусть движенье это
Будет им приметой,
Что на белом свете
Больше нет меня.

Над сторонкой дальней,
Тихой и печальной,
Яркие зарницы
Бубнами гремят.
Я б хотел быть тучей,
Я б хотел быть птицей —
Только б вы любили,
Помнили меня.

Чтоб когда над вами
Ночь взмахнет крылами
И под небесами
Сполохи взойдут,
Вы б в своей печали
Тайно угадали —
Вас я не оставил,
Вас на небе жду.

Советы психолога

БЕРЕТИ СЕРДЦЕ СМОЛОДУ

Пока вы читали заголовок статьи, ваше сердце сократилось 4 раза и 4 раза расслабилось. Мы даже не задумываемся, что где-то в глубине нашего тела, в темноте грудной клетки, беспрестанно сжимается и расслабляется маленький, величиной с ваш кулак и весом в 250 — 300 г. мышечный комочек. Это наше сердце, вечный мотор, пружина жизни, которая приводит в движение весь самый сложный механизм нашего организма. «Сердце — это священный сосуд, полный тайн», — говорил Авицни, французский писатель. Чисто функционально сердце — это насос, который силой сокращения своих стенок прокачивает кровь через сосудистое русло и доставляет во все органы кислород, питательные вещества и необходимые биологические соединения. Есть у сердца и другая функция — расслабляясь, оно создает отрицательное давление в венах, по которым «оттягивается» из тканей «отработанная» кровь, насыщенная углекислотой и другими шлаками — продуктами жизнедеятельности клеток.

Таким образом сердце поддерживает постоянную циркуляцию крови в организме. Здоровое сердце в среднем сокращается 70 — 80 раз в минуту, т. е. около 100

тыс. сокращений в день, прокачивает через себя около 300 литров крови в час и около 10 тонн в сутки. При большой нагрузке это количество увеличивается в 5 раз. Кровь циркулирует по сердечно-сосудистой системе, общая длина которой у нас достигает 100 тыс. км. Если вытянуть капилляры в одну линию, то ими можно обмотать нашу планету 2,5 раза!

Как часто приходится слышать от тяжелобольных людей: «А ведь до 40 лет я и не знал, где у меня находится сердце». Отчасти они правы: здоровое сердце не шумит, в норме слышны только тоны — короткие ударные звуки. Они возникают в результате захлопывания клапанов аорты и легочной артерии. Опытный врач, прослушивающий вас, может сказать: «Эти звуки, нежные и отчетливые, производят нормально работающее сердце, а эти грубые (хрустящие, потрескивающие и т. д.) или едва слышимые — больное».

Но часто ли мы прослушиваем свое сердце у врача? Помним ли мы предостережение итальянского мыслителя Макиавелли: «Тяжелую болезнь в начале легко вылечить, но трудно распознать. Когда же она усилилась, ее легче распознать, но уже труднее вылечить!»

Совсем недавно я был свидетелем одного случая. Один из моих пациентов, 43-летний Владимир К., и его сосед по госпитальной палате Игорь Д. жарким июльским вечером обсуждали транслирующийся по телевизору футбольный матч на первенство мира между командами Бразилии и Франции. Игорь болел за бразильцев, а Владимир — за французов.

— Посмотрим, чья возьмет! — подбадривал себя Игорь.

— Прекрасная страна Франция, — отозвался Владимир. — Мне там довелось несколько лет прожить. Французы обязательно должны победить! — уверенно заключил он.

Матч подходил к концу. Победа французов была очевидна. Последний гол, забитый ими в ворота бразильцев, подбросил Володю в кресле от радости. Внезапно он замер, схватившись рукой за сердце и запрокинув голову назад. Расстроенный Игорь, не глядя на экран телевизора и на соседа, сказал:

— Ну ладно, твоя взяла, поздравляю!

Не дождавшись от соседа ответа, он вдруг заметил неподвижную позу Владимира и прислушался к его дыханию. Сосед не дышал. Вызванный реаниматор

через несколько минут лишь констатировал внезапную смерть от трансмурального инфаркта миокарда. Жена потеряла мужа, а дети — 20 и 11 лет — отца.

Американские исследователи Велкер и Майсон, изучая тела солдат армии США, погибших в Корее (средний возраст их составил 22,1 года), обнаружили атеросклероз коронарных артерий в 77% от общего числа вскрытий. У всех этих молодых солдат атеросклероз никак не проявлял себя в ходе напряженных боевых действий. Этими учеными были исследованы также 180 трупов летчиков до 42 лет и 90 пассажиров, погибших в авиационных катастрофах. Средний возраст двух категорий составил 27,3 года. Атеросклероз коронарных артерий был выявлен в 34 % случаев. Ну а поскольку атеросклероз — основная причина болезней сердца и сосудов, выводы делайте сами.

Что же это за термин — «атеросклероз» и в чем его опасность? Слово это состоит из двух греческих слов: «атеро» — кашлица и «склероз» — уплотнение. Иначе говоря, это уплотнение сосуда в результате накопления в его стенке кашицеобразной массы, содержащей жироподобные вещества, сложные углеводы, кровяные элементы и кальциевые соли. Вещество это называется холестерином, оно распадается в сосудистой стенке и поэтому накапливается на ней, постепенно закупоривая сосуды и образуя атеросклеротические бляшки, которые, в свою очередь, вызывают их сужение и препятствуют кровотоку.

Шероховатая поверхность бляшек на коронарном сосуде создает условия, способствующие формированию пристеночного тромба. Этот процесс резко ускоряется, если человек курит, т. к. никотин, соединяясь с холестерином, образует своеобразную кладку из кирпичей, скрепленных раствором. Опасность состоит в том, что пристеночный тромб, оторвавшись от стенки сосуда, может закупорить артерию и привести к инфаркту

миокарда или к острому сердечному приступу. Как же это происходит? Насыщенная в легких кислородом кровь, предназначенная для питания мышц сердца, перестает питать ту часть миокарда, которая, оставаясь без крови, погибает. Человек чувствует острую давящую боль, которая возникает внезапно за грудной, причем давит так, что невозможно вздохнуть, затем отдает в левую руку, под правую лопатку, в левое плечо и левую половину шеи. У человека бледнеет лицо, на лбу выступает липкий, холодный пот, глаза широко раскрыты и полны ужаса. Как выброшенная на берег рыба, он хватается ртом воздух, разрывает на груди одежду, душащую его. Многие люди, теряя от боли сознание, так и не приходят в себя снова, особенно при поражении большого по площади и глубине участка миокарда (трансмуральный инфаркт). Как часто мы ошибаемся, считая, что лежащий в метро или на остановке человек — обычный выпивоха, решивший прикорнуть, и не оказывая ему первой помощи. Следует отметить, что примерно 25 % инфарктов не распознаются, ведь многие люди, испытав «мягкие сердечные атаки», не придали им серьезного значения, т. к. уже через некоторое время почувствовали себя лучше. Конечно же, любой инфаркт значительно снижает возможности человека. Теперь он становится заложником своих ощущений, болезненных проявлений, прислушивается к каждому покалыванию и дискомфорту в области груди. Для переживших инфаркт миокарда полная свобода остается лишь в воспоминаниях. Эксперты утверждают, что из-за мелкоочаговых инфарктов миокарда, накапливающихся с возрастом, сердце может отказаться в любой момент.

Какие же люди в большей степени подвержены инфарктам миокарда? Психологический портрет их давно определен: это люди с типом поведения холерика и сангвиника, отличающиеся остро развитым чувством ответственности, крайним честолюбием,

постоянно стремящиеся к успеху, прийти к которому им необходимо любой ценой, даже ценой своего отдыха. Они вовлечены в бесконечные попытки сделать все больше за все меньшее время. Они озабочены постоянным чувством дефицита времени. Это люди подвижные, азартные, оптимистичные. Телодвижения их и мимика быстрые, речь прерывистая, громкая. Они одновременно могут выполнять сразу несколько дел, для них самое неприятное — сидеть сложа руки. Они терпеть не могут ждать, ожидание их напрягает, возбуждает и раздражает. Как правило, это общительные, уверенные в себе люди с решительными манерами, хорошо адаптирующиеся к любой обстановке, не признающие своих ошибок, переоценивающие свои возможности, эмоционально несдержанные и непостоянные в привязанностях. Таким людям полезно услышать совет американского философа Джонатана Эдварса: «Останки людей, наделавших при жизни немало шума и суматохи, лежат теперь среди многих своих ближних так же смиренно, как и все остальные». Это прагматики, все силы отдающие реализации поставленной перед собою же цели и проявляющие при этом категоричность, прямолинейность и силу воли. При достаточно развитом интеллекте это хорошие руководители, достигающие больших высот.

К категории людей повышенного риска можно отнести и людей с темпераментом меланхолика и флегматика, которые резко сменили неподвижный, сидячий образ жизни на психологически и физически более тяжелый и подвижный.

Во вторую очередь к группе риска можно отнести людей с высоким уровнем содержания холестерина в крови (более 200 мг на децилитр крови). Уровень этот целиком зависит от пристрастия людей к употреблению в пищу продуктов, содержащих большое количество жиров животного происхождения: сала, жирного мяса, желтков яиц, сметаны, сли-

вок, сливочного масла, твердого сыра, майонеза и печеных изделий.

Одной из основных причин коронарной болезни сердца, бесспорно, является курение. Вероятность смерти от инфаркта миокарда у курильщика в 3 — 4 раза выше, чем у некурящего, причем риск смерти от курения возрастает пропорционально количеству выкуриваемых сигарет. При сочетании курения и высокого уровня холестерина риск смерти учетверяется, а добавление в этот "коктейль" повышенного артериального давления делает его в прямом смысле смертельным.

Особую озабоченность вызывают люди курящие, неправильно питающиеся и злоупотребляющие алкоголем. Вызывая стойкое повышение артериального давления, алкоголь приводит к сердечным аритмиям, заставляя наутро после пьянки колотиться сердце, как птица в клетке, и нарушая обмен веществ в сердечной мышце с последующим печальным итогом. "Излишества в юности — вексель на старость, по которому приходится платить с процентами после тридцати лет", — учит нас английский литератор Чарльз Колтон.

Высокий уровень риска быть сраженным инфарктом у тех, кто имеет избыточный вес и ближайших родственников, уже испытавших на себе все "прелести" быть сердечным больным.

Фактором риска являются как малая физическая активность и детренированность, сидячий образ жизни, так и чрезмерные физические нагрузки. По данным наших ученых, наступлению скоропостижной смерти от инфаркта лиц от 18 до 40 лет в большинстве случаев предшествовала чрезмерная физическая нагрузка, которая может расцениваться как физическая травма.

Скоропостижная смерть обычно обрывает жизнь людей, испытавших тяжелые психические травмы, нервное переутомление, резкие психоэмоциональные нагрузки. Мы знаем, что факт смерти близкого нам человека и ее неожиданность являются психичес-

кой травмой для родственников и друзей умершего. Неоднократно убеждаемся мы в фактах такого рода, когда вслед за смертью одного человека следовала смерть другого, не пережившего тяжесть утраты.

Все знают, что слово и лечит, и калечит. Поэтому неуважительное, небрежное отношение к людям, барское высокомерие, хамство, грубое обращение отдельных начальников к подчиненным унижают достоинство последних, являются для наиболее восприимчивых из них эмоциональной травмой, подчас более вредной и разрушительной для организма, чем любые другие.

Очень опасны для сердца любые злоупотребления: алкоголем, пищей, солью, сахаром, кофе. От употребления токсичных доз спиртного погибает 19,3% кардиологических больных. Скоропостижная смерть после больших количеств пищи выявлена среди них в 4,1% случаев. Очень опасно потребление избыточного (более 5 г. в сутки) количества поваренной соли в пищу, т. к. соль значительно повышает уровень артериального давления.

Имеются достоверные сведения о том, что стенокардия и инфаркт миокарда чаще наблюдаются у лиц, постоянно употребляющих большое количество кофе (5 чашек в день и более). Крепкий кофе способствует усиленному выбросу в кровь катехоламинов, повышающих потребность сердечной мышцы в кислороде. Поэтому у человека с атеросклерозом коронарных артерий (т. е. практически у каждого) прием кофе может вызвать или усугубить недостаточность коронарного кровотока, что проявится приступом стенокардии. Норвежские ученые установили, что чем больше человек выпивает кофе, тем выше у него уровень холестерина в крови. Известно, что чрезмерное потребление кофе было причиной преждевременной смерти Балзака.

Установлено, что у страдающих сахарным диабетом ишемическая болезнь сердца развивается чаще, поэтому лица, в семье ко-

торых есть больные сахарным диабетом, должны регулярно проверять у себя содержание сахара в крови.

Избыточный прием сахара, это, по меткому выражению английского ученого Джаткина, "чистого, белого и смертельного врага", приводит не только к ожирению, но и к сахарному диабету и атеросклерозу. Наблюдения российских врачей показали, что скоропостижная смерть больных атеросклерозом, особенно пожилых, нередко наступает после резкой смены климатических поясов, после возвращения из отпуска, длительной командировки, проведенных в южных странах. Во многом это объясняется срывом адаптационных возможностей организма и невозможностью быстрой реадaptации. Образ жизни человека подвергается целому ряду неблагоприятных факторов. Наиболее опасными из них являются приводящие к стрессу сильные звуки или шумы — промышленные, общественные, транспортные или музыкальные, которые значительно влияют на повышение артериального давления. Опасна для сердца и влажность воздуха выше 90 % и ниже 50 %.

Наблюдения показывают, что более половины случаев скоропостижной смерти выпадает на зимние (26,2 %) и весенние (26,6 %) месяцы года. Отмечается рост числа инфарктов миокарда в ранние утренние часы и в понедельник по сравнению с другими днями недели.

Прочитав все вышеизложенное, вы вправе спросить: "Могу ли я сделать что-нибудь прямо сейчас для того, чтобы отвести от себя или от своих близких угрозу инфаркта миокарда, а значит, и преждевременной смерти?" Конечно же, можете.

Первое. Начните день с зарядки, но не старайтесь выкладываться до седьмого пота. Зарядка должна взбодрить и освежить вас — и только. Завершите ее душем или обтиранием до пояса. Но одной зарядки недостаточно. Необходимо в течение дня испытывать самую разную физическую нагрузку

зку, не гнушаясь никакой работы, а если есть возможность пройти ускоренным шагом, подняться на 5-й этаж без лифта — смело используйте ее! Если вам сложно пересилить себя, помните совет французской писательницы Мари Дюферман: "Труден только первый шаг".

Систематическая тренировка может привести к повышению мышечной силы у молодого человека на 15 %, а у пожилого — на 28%!

Второе. Переходите на рациональное питание, придерживаясь основного принципа: количество калорий, поступающих с пищей, должно соответствовать энергозатратам. По составу пищи белок должен составлять 10 — 15% от общей калорийности; углеводы — не менее 50 — 60%. Марк Твен шутил: "Даже вода, потребляемая в умеренном количестве, никому повредить не может". Сократите потребление насыщенных животных жиров, содержащихся в яичных желтках, икре, печени и мозгах животных, мясе, а также майонезе. Замените их ненасыщенными (маслами). Особенно полезны все виды соевых продуктов, начиная с соевого масла. Употребление рыбы и птицы в отличие от свинины и говядины не способствует повышению уровня холестерина в крови. Пища должна содержать широкий ассортимент свежих овощей, несладкие фрукты, молочнокислые продукты (лучше из обезжиренного молока). Интересен тот факт, что у людей, регулярно употребляющих в пищу яблоки, уровень холестерина в крови на 10 %

ниже, чем у тех, кто их не ест. Вот уж точно правы англичане, утверждая, что "одно яблоко в день избавляет нас от обращений к врачам".

Очень полезным продуктом является чеснок. Все последние лекарственные разработки в области антихолестериновых средств представляют собой вытяжки из чеснока.

Таким образом, правильный подбор диеты является первоочередным, обязательным и незаменимым условием. При этом важно соблюдать и правильный режим питания: лучше несколько раз понемногу, чем все за один-два приема в сутки.

Но важно не только рационально питаться. Для нормальной работы сердца и всего организма в целом полезны такие минеральные вещества, как магний (соя, горох, пророщенные семена злаков, орехи, фасоль), калий (все виды капусты, картофель, помидоры, бананы, дыни, персики, апельсины, абрикосы, семга, камбала, мясо домашней птицы), ниацин — витамин В3, селен, хром, цинк, витамин Е — бета-каротин, витамины В6 и В12.

Третье. Не буду убеждать вас в необходимости бросить курить. Тот, кто хочет жить, уже сделал свой выбор несколько минут назад. Если вы не уверены в силе своей воли, прислушайтесь к совету Овидия, римского поэта: "Или не пытайся, или доведи дело до конца!" Ну а тот, кто, помимо инфаркта миокарда, хочет познакомиться с такими заболеваниями, как рак легких, слизистой

ротовой полости и импотенция в 40 лет — достаньте сигаретку!

Четвертое. Совсем бросить выпивать спиртное могут единицы. Да и кому помешали стакан вина перед обедом или рюмка коньяка на ночь? Конечно же, все — яд, дело только в дозе. В общем, вы все поняли.

Пятое. Мозг и сосуды тесно связаны между собой. Во многом наше здоровье зависит от состояния нервной системы, поэтому тренинг нервной системы — прежде всего. Научитесь пользоваться великолепной разрядкой — сном, приобретайте умение сохранять самообладание в любых стрессовых ситуациях. Ищите положительные эмоции, ритмично чередуя напряженный труд и активный отдых, и вам обеспечено душевное равновесие. Б.Франклин, американский просветитель, автор американской конституции, говорил: "Из всех лекарств лучшее — отдых и воздержание".

Мировой опыт лечения кардиологических заболеваний позволяет утверждать, что безусловное выполнение всех перечисленных рекомендаций может на нет свести риск развития и осложнения течения атеросклероза. Конечно же, никто из нас не застрахован от возникновения и бессимптомного течения этого заболевания, но мы имеем возможность и должны застраховать свое сердце от беды. Оно еще слишком молодо, даже у очень пожилых людей, чтобы умирать. Позаботьтесь о нем сегодня.

Александр ИВАНОВ,
психоаналитик

Под редакцией
мастера спорта Александра КАЛИНИНА

КОМПОЗИЦИЯ — ИСКУССТВО

Автор публикуемых композиций — полковник в отставке Виктор Петрович Иванов. Его любовь к шахматам и увлечение ими безмерны. В конкурсе решений, проведенном газетой "Красная звезда", он занял первое место. Почетный приз — телевизор вручил ему президент ФИДЕ Кирсан Илюмжинов. Титул чемпиона Вооруженных сил России по решению шахматных задач принадлежит теперь Иванову. Кто пожелает отнять его, тот должен участвовать в только что объявленном "Красной звездой" конкурсе решений, посвященном 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина.

Наш чемпион не только решатель, он и талантливый композитор. В № 43 выражена идея блока, на все ходы черных маты готовы, но у белых нет выжидательного хода, любой их ход разрушает готовую матовую сеть. Однако есть ход, создающий новые маты. Таким ходом является 1.Кg6!, цугцванг; 1...Лg5 2.Фf4X!, 1...Лf5 2.Фa8X!, 1...Сg5 2.Л:e5X! 1...Сf4 2.Ф:f4X. В других вариантах маты сохраняются. Взаимное перекрытие двух дальнобойных фигур (в данной задаче ладьи и сло-

на на поле g5) называют в композиции перекрытием Гримшоу.

Трехходовка № 44 относится к художественному стилю. Предлагаем читателям открыть ее секрет. Раскрыв его, вы испытаете приятное чувство.

Решение этюда № 45: 1.d7 Kg5 2.Kpd8! 2.d8Ф? Ке6+ и ничья, 2...Kpd5 3.Кре7 Ке6 4.Крf6 Kd8 5.e4+! Крс6 6.e6 Крс7 7.e7 и выигрыш.

Виктор Петрович Иванов — участник парада войск на Красной площади 7 ноября 1941 года. Как известно, парадные расчеты сразу же ушли на передовую. Он также участник Парада Победы, состоявшегося 24 июня 1945 года. В октябре ему исполнилось 77 лет. Любителям гетеродоксов предлагаем решить №46.

Крb1,Лh3,Са6 /3/ — Крд2, Се3 /3/, кооперативный мат в 2 хода, 2 решения.

№ 47. Кра4,Фh1,Лd8, пп. a3,b3,b5,g4 /7/ — Крс5, Ка8,пп.b6,g5,g6,h7. /6/, обратный мат в 4 хода.

Новые баллы шахматной элиты

Международная шахматная федерация опубликовала очередные рейтинги сильнейших шахматистов мира. В мужском листе 100 гроссмейстеров, из них 20 россиян. На первом месте по-прежнему Г.Каспаров, его рейтинг 2815, на втором В.Ананд с рейтингом 2795. Чемпион мира А.Карпов, выигравший, как известно, матч у Ананда, почему-то на пятом месте с рейтингом

2725. А.Широв, обыгравший В.Крамника (см. № 9, 1998), на шестом месте с рейтингом 2720, а В.Крамник впереди, на третьем месте с рейтингом 2780. Почему?

В № 10, 1998 мы писали о матче Я.Тиммана и Ван Вели Люка. Тимман проиграл матч, но в рейтинг-листе он на 22-м месте, а его победитель на 38-м. Возможно, этому есть объяснения, но рядовым шахматистам они неизвестны, ведь кто выигрывает — тот сильнее, кто проигрывает — слабее.

Как известно, в сентябре в Самаре завершился турнир Кубка России. Обладателем почетного приза и титула чемпиона России стал москвич Александр Морозевич. В рейтинг-листе он на 49-м месте, его рейтинг 2625. Возраст — 21 год.

В женском рейтинг-листе 53 имени, в нем 6 россиянок. На первом месте Юдит Полгар (Венгрия), ее рейтинг 2665, на втором — ее старшая сестра Жужа Полгар с рейтингом 2565, она чемпионка мира. На третьем — россиянка Алиса Галлямова с рейтингом 2560. Она наша надежда в борьбе за титул чемпионки мира.

В мужском юношеском рейтинг-листе 22 шахматиста, из них три россиянина. В девичьем рейтинг-листе 20 девушек, из них две россиянки.

ПРОВЕРЬТЕ СВОИ РЕШЕНИЯ

("На боевом посту" № 10, 1998)

№ 38. Кof1, Фf3,Лb1,Сf4,пп.a6,g6,h7/7/ — Крh8,Лg8, пп.b7, g7/4/. Мат в 3 хода. Черная ладья "бешеная". 1.Фa8! Л:a8 2.Сb8 Л:b8 3.Л:b8X!

№ 40. Крg7,Кd2,Кf2,п.g3/4/ — Крg5,Кh2,Кh4, п.f7/4/, выигрыш. 1.Кe4+ Крh5. 1.Кf5? gh, и Белая пышка неудержима 2.g4+! К:g4 3.Кg3+! Крg5 4.Кh3X!!

№ 41. Крh4,Лd6,Са6/3/ — Кра5,Фf5,пп.a3,b3 /4/, кооперативный мат в 2 хода, 2 решения. 1.Крb4 Лb6! 2.Фa5 Лc4X!, 1.Фc5 Сc4 2.Фb4 Лa6X

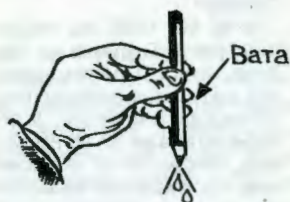
№ 42. Кра2,Лb8,Лd8,Кc1/4/ — Крс3,п.c4 /2/, обратный мат в 3 хода. 1.Кра1 Крс2 2.Ка2 c3 3.Лb2+! c3X!

ПРОВЕРЬТЕ
СВОИ
РЕШЕНИЯ

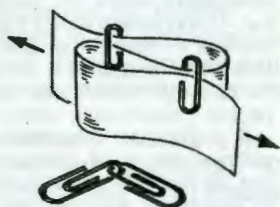
Плачущий карандаш

Возьмите сухой остро отточенный карандаш и держите его вертикально. Предложите одному из зрителей подставить под карандаш ладонь. С кончика карандаша в подставленную ладонь станет капать вода — карандаш "заплачет".

С карандаша капает вода, потому что вы между средним и безымянным пальцами руки, держащей его, зажимаете кусочек ваты, смоченный водой. Стоит вам слегка прижать вату к карандашу, как по нему вниз потечет вода. Капля за каплей она будет падать на ладонь зрителя. Покажется, что это не капли воды, а слезы и что карандаш плачет.

Соединяющие скрепки

Сложите лист бумаги в три слоя. Возьмите две скрепки и с помощью одной из них скрепите первый слой со вторым. Другой скрепкой скрепите второй слой с третьим.

Теперь быстрым движением потяните верхние углы листа в разные стороны — скрепки окажутся сцепленными и упадут на стол.

Если с листком и скрепками проделать все так, как сказано в описании, то фокус всегда получится. Скрепки, удерживающие совмещенные края листа, соскакивая с него, соединятся в цепочку.

Преобразование домино

На прямоугольном куске картона изображена фишка домино. Покажите ее зрителям. С одной стороны это "пусто-один", а с другой — "пусто-четыре". Покажите фишку домино еще раз с одной и другой стороны. Вместо "пусто-один" зрители увидят "пусто-три". Вместо "пусто-четыре" окажется "пусто-шесть".

На одной стороне картона два очка, а с другой — пять. Каким образом они расположены на фишке и с какой стороны, показано на рисунке.

Чтобы зрителям было видно "пусто-один", нижний кружок, где два кружка, закройте мякотью

большого пальца (либо пальцами — это зависит от размера фишки домино). С другой стороны фишки, где пять значков, закройте средний, а потом поверните фишку требуемой стороной и продемонстрируйте зрителям "пусто-четыре". Стоит прикрывать ладонью (или большим пальцем) пустые места, где отсутствуют кружки — вместо "пусто-один" получится "пусто-три", а "пусто-шесть" получится вместо "пусто-четыре". Зрители просто будут домысливать то, чего на самом деле им не будет видно.

Непослушные руки

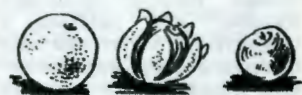

Вытянув руки вперед, скрестите их. Повернув ладони одна к другой и сжав переплетенные пальцы, поднесите руки к лицу. Прижмите ногти указательных пальцев к носу. После этого разведите руки, поднимая локти, оставьте подушечки указа-

тельных пальцев на крыльях носа. Со стороны это выглядит совсем просто, но пусть кто-нибудь повторит это. Скорее всего у желающих ничего не получится. Руки не слушаются, кисти не желают разъединяться. Снова и снова проделываете этот фокус, убеждаясь, что большинство людей не только не могут повторить его, но и не понимают, как вам это удается.

У каждого есть свой привычный, излюбленный, "естественный" способ скрещивать руки и переплетать пальцы. А скрещивать руки и переплетать пальцы нужно в определенной последовательности. Если правая рука сверху, то мизинец правой руки должен быть наверху. Фокус не получится, когда верхние пальцы и руки не соответствуют между собой (левый с левой, правый с правой).

Чудесный апельсин

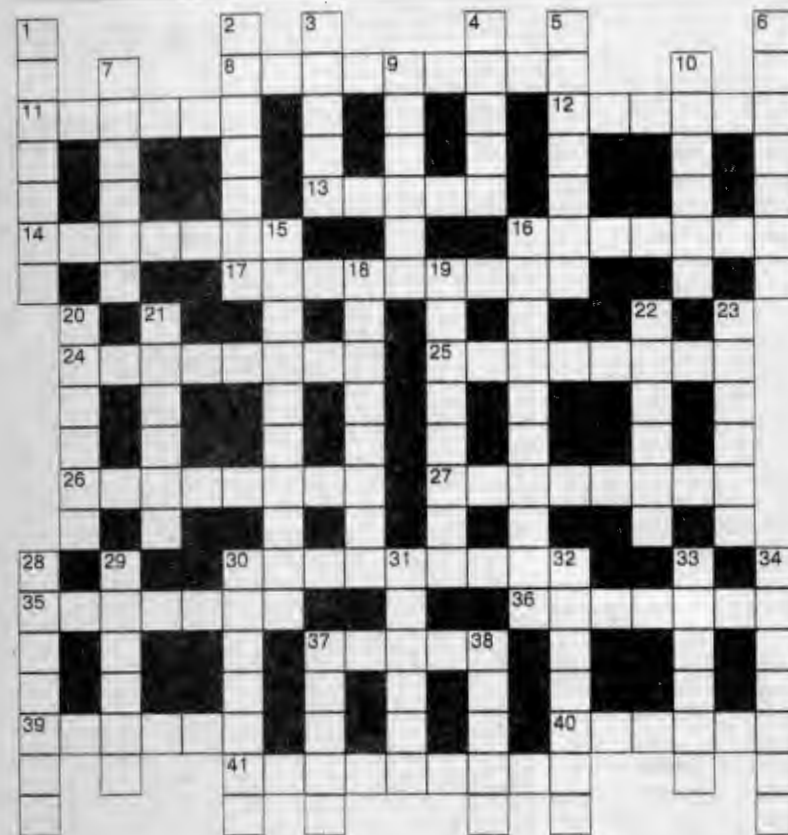
Покажите зрителям апельсин и положите его в пустой бумажный пакет. Затем достаньте снова. У вас в руках вместо апельсина оказалось яблоко!

Апельсин подготавливается заранее. Он разрезается "цветочком", кожура его раскрывается и мякоть аккуратно вынимается. Внутри кожуры вкладывается яблоко подходящего размера, и "лепестки" закрываются. После такой подготовки снаружи незаметно, что на самом деле это не апельсин, а всего лишь его внешняя оболочка. Когда вы первый раз показываете апельсин, держите его так, чтобы место соединения "лепестков" было обращено к ладони. А после того, как внутри пакета освободите яблоко от кожуры, сомкайте пакет и отбросьте в сторону, будто там ничего нет.

КРОССВОРД «ИСКУССТВО»

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 8. Совокупность испанских народных романсов, как отдельных циклов, так и полное их собрание. 11. Персонаж балета В. А. Оранского "Три толстяка" по роману-сказке Ю. Олеши. 12. Русский актер и театральный деятель, организатор первого профессионального театра в России (1750 г.). 13. Переход голосового аппарата к певческому состоянию. 14. Беглый монах и бродяга в опере М.П. Мусоргского "Борис Годунов". 16. Опера П.И. Чайковского, написанная в 1868 году. 17. Русский живописец, мастер портретов ("Ф.И. Шляпин", "А.И. Анисимов"), сцен быта ("Ярмарки", "Масленицы", "Балаганы") и др. 24. Русская артистка балета, с 1902 по 1924 год выступавшая в Мариинском театре. 25. Музыкально-театральный жанр, в котором вокальные и инструментальные номера и танцы перемежаются с диалогами. 26. Струнный клавишно-щипковый музыкальный инструмент, предшественник фортепьяно. 27. Испанский писатель XIX века, автор романтической драмы "Сила судьбы", сборника "Исторические романы" и др. 30. Советский артист балета, балетмейстер, с 1893 до 1935 г. работал в Большом театре, постановщик балета Р.М. Глиэра "Красный мак". 35. Главное действующее лицо в опере П.И. Чайковского "Евгений Онегин". 36. Народный духовой язычковый инструмент, который используется в основном для сопровождения танцев. 37. Персонаж оперы Н.А. Римского-Корсакова "Майская ночь". 39. Икона, написанная русским живописцем XV века Андреем Рублевым. 40. Великий русский писатель, родоначальник новой русской литературы, автор известных романов, поэм, повестей. 41. Картина русского живописца-передвижника В.Е. Маковского.

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Советская артистка балета, выдающаяся балерина, выразительница лучших традиций русской балетной школы, лауреат Ленинской и Государственной премий, дважды Герой Социалистического Труда. 2. Советский архитектор, с 1955 по 1972 год — главный архитектор Киева, автор проекта застройки Крещатика. 3. Картина русского живописца-передвижника, члена Союза русских художников С.В. Иванова. 4. Картина А.А. Пластова - автора пленэрных жанровых картин и пейзажей. 5. Герой повести Ю.В. Бондарева "Последние залпы". 6. Русский живописец XIX века, создатель "пейзажа-настроения", автор картин "Март", "Владимирка" и др. 7. Балет советского композитора А.Я. Эшпая. 9. Картина художника Д.К. Мочальского, посвященная труду и быту молодежи. 10. Комическая опера русского композитора XVIII века В.А. Пашкевича. 15. Русский композитор XIX века, член "Могучей куч-

ки", автор музыкальных драм "Борис Годунов" и "Хованщина". 16. Русский живописец XIX века, один из основоположников бытового жанра ("На пашне", "Захарка" и др.). 18. Бывший фельдфебель в опере С.С. Прокофьева "Семен Котко" по повести В.П. Катаева "Я сын трудового народа". 19. В Древней Греции торжественные процессии, состязания драматургов, поэтов и хоров в честь Диониса. 20. Русский композитор, родоначальник русской классической музыки, автор оперы

"Жизнь за царя", классик русского романа. 21. "... красавица" — балет П.И. Чайковского по сказкам Ш. Перро. 22. Картина русского живописца-передвижника Г.Г. Мясоедова. 23. Варяжский князь в опере М.И. Глинки "Руслан и Людмила". 28. Советский живописец, автор цикла "Люди колхозной деревни". 29. Одна из первых картин М.В. Нестерова. 30. Словацкая писательница, автор социально-психологических рассказов "Две эпохи", "Все для народа" и др. 31. Нидерландский живописец XVI века, теоретик искусства, автор "Книги о художниках XV-XVI вв.". 32. Картина русского живописца-передвижника, одного из родоначальников реалистического пейзажа А.К. Саврасова. 33. Персонаж оперы Р.К. Щедрина "Не только любовь". 34. Картина советского художника-баталиста М.Б. Грекова. 37. "... прилетели" — картина А.К. Саврасова. 38. Невеста Салавата Юлаева в опере М.В. Ковалев "Емельян Пугачев".

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 10

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 5. Бастион. 6. Корабль. 10. Разоружение. 13. Пилот. 14. Толстой. 15. Каска. 18. Виртуоз. 19. Застава. 20. Пилотаж. 21. Гестапо. 26. Пороучик. 27. Скрепер. 30. Визир. 31. Рикошет. 32. Пикет. 35. Волоколамск. 36. Самолет. 37. Си-монов.

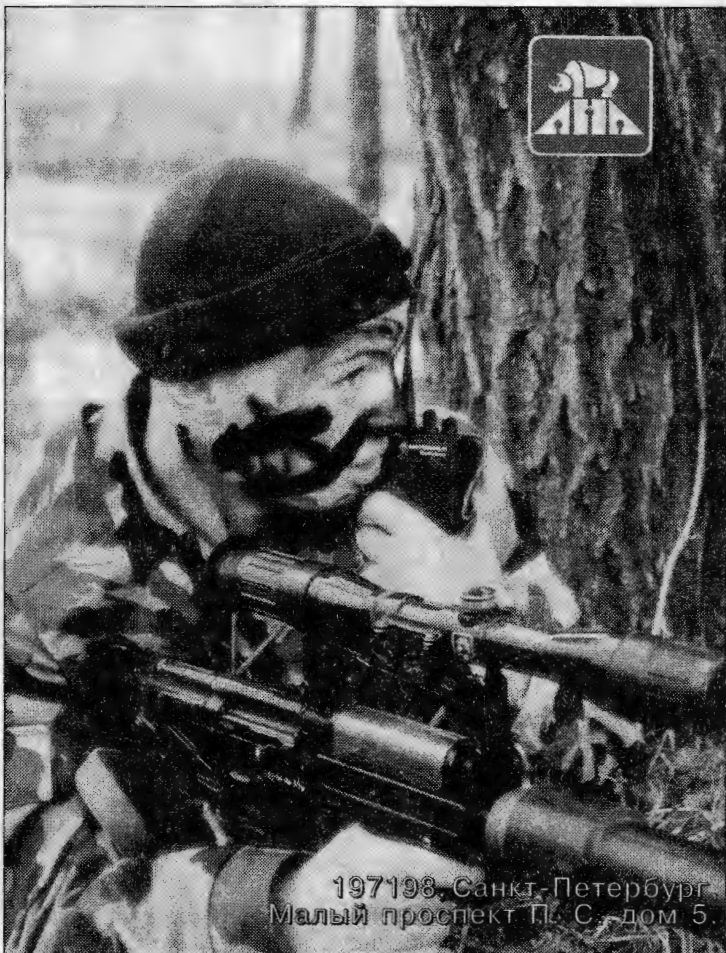
ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. Откат. 2. Потолок. 3. Полевой. 4. Рация. 7. Позиция. 8. Бус-соль. 9. Раскова. 11. Контрибуция. 12. Наступление. 15. Колония. 17. Тактика. 23. Полигон. 24. Антонов. 25. Ветеран. 28. Миномет. 29. Регалии. 33. Порох. 34. Усков.
В ЦЕНТРЕ ПО КРУГУ: 22. Единоначалие.

Составил
Евгений КУЛИКОВ

НАУЧНО-ПРОИЗВОДСТВЕННОЕ АКЦИОНЕРНОЕ ОБЩЕСТВО «АНА» ПРЕДЛАГАЕТ

Созданное более 7 лет назад Научно-производственное акционерное общество «АНА» сегодня является одним из ведущих разработчиков и производителей широкого ассортимента изделий для экипировки подразделений МВД и МЧС, армейских и охранных структур и рабочей одежды. Выпускаемая продукция сертифицирована отделением гигиены военного снаряжения при Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова.

Не секрет, что долгие годы стиль форменной одежды формировался исходя из экономии средств и наличия материалов. Одежда была непрактичной, не всегда удобной. А уж о моде вообще мало кто задумывался. Предприятие «АНА» решило избавиться от этого «наследства». Наши специалисты — дизайнеры, технологи, инженеры — разработали образцы форменной одежды, обмундирования и снаряжения, соответствующие самым современным требованиям: они удобны в носке, работе и эксплуатации. Специалисты НПАО «АНА» разработали камуфлированные рисунки для нанесения на ткань и трикотаж. Постоянно обновляется ассортимент с учетом новых требований. Зимняя одежда теплая и комфортная, согреет даже в

197198, Санкт-Петербург
Малый проспект П. С., дом 5

лютый холод, а летняя одежда, наоборот, дает ощущение прохлады и легкости. Это достигается благодаря разумному сочетанию натуральных тканей и самых современных искусственных материалов с учетом практики эксплуатации одежды в различных климатических зонах.

Наше повседневное кредо — внимательное отношение к пожеланиям и отзывам заказчиков.

Благодаря всему этому форменное обмундирование, амуниция, снаряжение и рабочая одежда предприятия «АНА» получают высокую оценку военнослужащих, сотрудников милиции, охранных структур и строительных компаний.

Одежду НПАО «АНА» с удовольствием носят в Москве и Санкт-Петербурге, Архангельске и Брянске, Екатеринбурге и Хабаровске — всего более чем в 40 регионах России. Предприятие «АНА» выиграло тендер на поставку форменного обмундирования в разных регионах России.

Мы будем рады, если наши изделия понравятся и вам. Сегодня мы готовы предложить более 35 различных моделей зимней и летней, специальной и рабочей одежды, головных уборов, разгрузочных жилетов, а также нижнего белья и средств защиты.

Более подробную информацию можно получить по телефонам: **(812) 235-20-78, факс: (812) 235-54-60.**

Наш адрес: 197198, Санкт-Петербург, Малый проспект П. С., дом 5.

В подмосковном городе Балашиха состоялся мемориал И.А. Флерова, командира отдельной экспериментальной батареи легендарных "катюш".

Программа мемориала включала автотокросс на приз И.А.Флерова, областной турнир по кикбоксингу среди юниоров, урок мужества в музее И.А.Флерова средней школы № 3.

К 9 мая 1999 года в Балашихе на улице, носящей имя первого командира гвардейцев-минометчиков, планируется возвести на пьедестал одну из установок реактивной артиллерии БМ-13.

Фото Александра АЛЕКСАНДРОВА

В системе государственных наград сохраняются военный орден Святого Георгия и знак отличия — Георгиевский крест, военные ордена Суворова, Ушакова, Кутузова, Александра Невского, Нахимова, награждение которыми производится за подвиги и отличия в боях по защите Отечества при нападении на Российскую Федерацию внешнего противника.
Из Положения о государственных наградах Российской Федерации

НАГРАДЫ РОССИИ

ОРДЕН СУВОРОВА

Учрежден Указом
Президиума Верховного Совета СССР
от 29 июля 1942 года.

Орден Суворова состоит из трех степеней, высшей является 1-я степень. В годы Великой Отечественной войны им награждались офицеры и генералы за выигранную с меньшими, чем у противника, силами наступательную операцию, в результате которой враг понес сокрушительное поражение. В статуте ордена указывалось: «Орденом Суворова награждаются командиры Красной Армии за выдающиеся успехи в деле управления войсками, отличную организацию боевых операций и проявленные при этом решительность и настойчивость в их проведении, в результате чего была достигнута победа в боях за Родину...». Каналом ордена Суворова 1-й степени за № 1 стал выдающийся советский военачальник суворовской школы маршал Г.К. Жуков. Всего этим орденом было произведено более 7000 награждений.